МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№6-1925

Annotation

«Мир приключений» (журнал) — российский и советский иллюстрированный журнал (сборник) повестей и рассказов, который выпускал в 1910–1918 и 1922–1930 издатель П. П. Сойкин (первоначально — как приложение к журналу «Природа и люди»).

С 1912 по 1926 годы (включительно) в журнале нумеровались не страницы, а столбцы — по два на страницу, даже если фактически на странице всего один столбец.

Журнал издавался в годы грандиозной перестройки правил русского языка. Зачастую в книге встречается различное написание одних и тех же слов. Тогда так писали. В связи с чем орфография оригинала максимально сохранена, за исключением явных опечаток.

- МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
  -
  - Содержание
  - АТЛАНТИДА
    -
    -
    - Гибель Атлантиды
  - ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА
  - «ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ
    -
    - V
  - ОТЧАЯННЫЙ КАПИТАН
  - ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО КОРОЛЯ
  - СО ДНА
  - ПОСЛЕ АВАРИИ
  - ОТКРЫТИЕ ПРОФ. БАРРИНГТОНА
  - И В МАСЛЕНИЧНОМ УГАРЕ

- НЕ ПОДУМАВ НЕ ОТВЕЧАЙ!
- П. С
- ПЕРЧАТКИ УИЛЬЯМА ФИРКИНСА
  -
  - Глава 1-я
  - Глава 2-я
  - Глава 3-я
  - Глава 4-я
- ПРИКЛЮЧЕНИЕ В СКАЛИСТОМ УЩЕЛЬЕ
- XL
- ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ
- НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!
- ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
№ 6 1925

*

Изд-во «П. П. СОЙКИН»,
ЛЕНИНГРАД, — СТРЕМЯННАЯ, 8.

Ленинградский Гублит № 12634.
Гос. типо-лит. в ар. «Печатное Дело». Ул. Ракова 29.
Тир. 25.000.

Содержание

«АТЛАНТИДА».
Введение. Проф. *Г. Генкеля*
Гибель Атлантиды, — научная фантазия *Р. Девиня*.
Иллюстрации *М. Я. Мизернюка*
«ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА», — рассказ *К. К. Серебрякова*
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ»
V. «ТАЙНА ВЫМЕРШЕГО МИКРОБА».
Рассказ *К. Фезандие*.
«ОТЧАЯННЫЙ КАПИТАН», — рассказ *В. Розеншильд-Наулина*
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО КОРОЛЯ».
Забытый клочек истории, — Очерк *В. Шевгорской*
«СО ДНА», — рассказ *Оскара Глута*. С немецкого
«ПОСЛЕ АВАРИИ», — рассказ *Георга Габеленц*.
Иллюстрации *М. Я. Мизернюка*
«ОТКРЫТИЕ ПРОФ. БАРРИНГТОНА», — рассказ *Леонида Росса*.
«В МАСЛЕНИЧНОМ УГАРЕ», рассказ *Гергарта Гауптмана*.
Иллюстрации *А. Рубина*
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задача № 7
«П. С.», — рассказ *П. Зегеркранц*. Со шведского
«ПЕРЧАТКИ УИЛЬЯМА ФИРКИНСА», — рассказ *В. Фефера*
«ПРИКЛЮЧЕНИЕ В СКАЛИСТОМ УЩЕЛЬЕ». Рассказ *Евг. Шведера*
ОТ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ по чествованию 40-летней деятельности издателя журнала «Мир Приключений» П. П. Сойкина.
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». Откровения науки и чудеса техники:
«ДВИЖУЩИЕСЯ ДОМА». С иллюстр.
«СВЕТ и МУЗЫКА». С иллюстр.
«ГОРОД БУДУЩЕГО». С иллюстр.

«ГИГАНТСКИЕ РЕКЛАМЫ». — «ПОДВОДНЫЕ СИГНАЛЫ».
«СМЕСЬ». С иллюстр.
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, помещ. в №№ 4 и 5 журн. «Мир Приключений»
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК. на 3-й стр. обложки

НАУЧНО-ОБОСНОВАННАЯ ИГРА
«ВОЗДУШНЫЙ БОЙ».
Составил А. Д. МАЛИНОВСКИЙ.

Игра состоит: из шахматной доски с изображением поля сражения, с 16 металлическими аэропланами, с 7 чертежами и брошюрою «Воздушный Бой», объясняющей правила игры. Многочисленность возможных комбинаций в группировке и столкновении фигур делает игру крайне интересной и игра приобретает характер шахматной партии.

Цена 2 рубля с пересылкой

С требованиями обращаться в Изд-во «П. П. СОЙКИН». Ленинград, Стремянная, 8.

АТЛАНТИДА

Исследование и научная фантазия Р. Девиня.
Введение для журнала «Мир Приключений»
проф. Германа Генкеля.

Общность человеческого рода. — Миф Платона. — Где искать Атлантиду? — Погибшая цивилизация. — Совпадение культурных достижений на разных концах мира. — Теория миграций. — Новые гипотезы о плавающих материках.

Мировая война, противопоставивши на полях битв в Западной и Восточной Европе жителей всех материков земного шара, показала, насколько едино человечество, не смотря на все различие era рас. В горниле несказанных бедствий выкристаллизовывалась мысль об общности, братстве, близком родстве воюющих между собою. Эта идея, в сущности, очень и очень стара. Наука давно провозгласила и доказала ее правильность.

Еще, за четыре с половиною века до нашей эры, т. е. около 2300 лет тому назад, она нашла себе выражение между прочим у знаменитого греческого мыслителя Платона. В своих философских разговорах-диалогах «Тишей» и «Критий» он рассказывает, что некий египетский жрец сообщил афинскому мудрецу Солону (V век до нашей эры), что в отдаленные времена на Атлантическом океане находился обширный материк,

служивший центром высоко развитой, блестящей культуры «сынов солнца», поклонявшихся богу морей Посейдону и распространивших свою высокую культуру по всем странам, расположенным в Европе, Западной Азии и Северной Африке у побережий Средиземного моря.

Атлантида (так назывался этот материк), представлял громадный остров между Европою и тем местом на дальнем Западе, которое называлось у древних греков и египтян «Елисейскими полями» или «Островами блаженных» (нынешняя Америка). Материк этот был обширнее Азии и Ливии (Северной Африки) вместе взятых. Это был «Солнечный остров», на котором процветала могущественная «Держава Солнца» с высоко развитым, культом бога морских пучин Посейдона и могущественною теократиею (владычеством жречества).

Платон своим мифом об Атлантиде стремился доказать общность человеческого рода, удивительное совпадение различных явлений материальной культуры у представителей различных племен и рас. Это тем болею знаменательно, что- во времена Платона греки обычно считали себя единственно избранными на земле людьми, относя всех прочих обитателей ее к варварам.

О подобном же. острове на Атлантическом океане упоминают и жившие гораздо позже Платона грек Диодор Сицилийский, римлянин Плиний и косвенно греческий географ Страбон, готовый однако- перенести эту страну в пределы северной части Черного моря.

Куда же девался этот обширным остров, напоминавший своими размерами целый материк и сыгравший такую огромную культурную роль? По мнению Платона, страшная катастрофа, сильнейшее землетрясение заставило его опуститься в море.

*** * ***

Прошли века, но все же вопрос об исчезнувшей в пучинах моря Атлантиде нет — нет, да и всплывал в ученом мире. Не мало оживления внесли в него открытия отважных мореплавателей португальцев, достижения Христофора Колумба, завоевания испанца Пезаро, раскрытие культур мексиканской, перуанской и других.

Голова Горгоны, символа вод морских, в изображении этрусков (налево) и мексиканцев (направо). Мотив и исполнение этой популярной мифологической фигуры одинаковы, как в Европе, так и в Америке.

Некоторые усматривали остатки погибшей в волнах Атлантиды в нынешних Азорских и Канарских островах Или островах Зеленого Мыса; другие принимали за Атлантиду Скандинавский полуостров, третьи острова Исландии и даже Шпицберген. За самое последнее время выдвигался вопрос об Америке, а в связи с указаниями Страбона, о Крите, даже о Палестине, как об исчезнувшей Атлантиде.

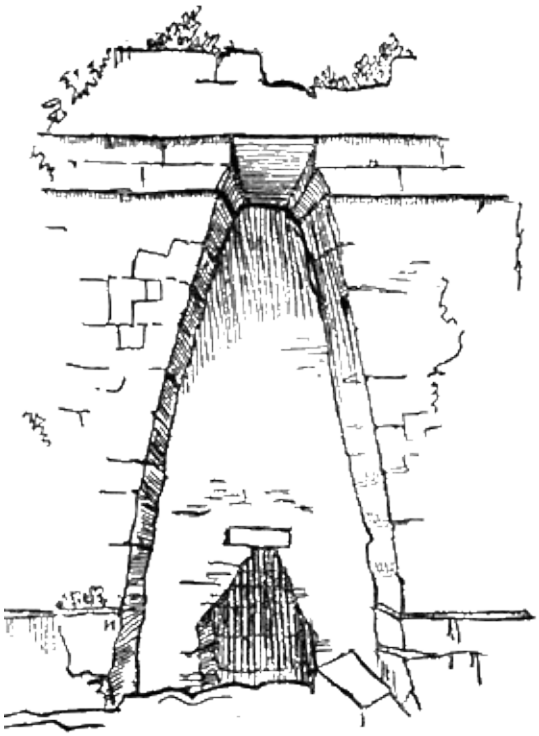
Несколько времени назад английский ученый Фессенден высказал предположение, что Атлантиду следует искать на Кавказе. Фессендена поддерживает известный английский египтолог Флиндерс Петри, основывающийся на недавних своих находках солютрейских орудий позднего европейского палеолита в Египте, дающих право установить отдаленнейшую по времени связь Египта с Кавказом… Чаще же повествование Платона об Атлантиде, особенно с его излюбленною манерою облекать свои сообщения в мифологическую форму, отвергалось, как басня, как вымысел, не стоящий серьезного внимания…

*** * ***

Между тем, как мы видели, вопрос об Атлантиде и ее богатейшей цивилизации, которая относилась, вероятно, к III тысячелетию до нашей эры, т.-е. к началу бронзового века, все-таки продолжал и продолжает тревожить и занимать наиболее пытливых ученых. Изумительное

совпадение определенных культурных достижений во многих областях (архитектурных, письме, обычаях, верованиях, мифах и т. п.) у совершенно повидимому ничего общего между собою не имеющих народов, разделенных друг от друга значительными, иногда громадными водными пространствами, наводит многих на мысль о необходимости допущения такого момента в отдаленном прошлом человечества, когда это человечество еще не было разъединено географически и этнологически. Чем, напр., объясняется общность пирамид и т. наз. циклопических построек, многих культов и религиозных эмблем и символов (напр., крест) у египтян, мексиканцев и перуанцев, живших на противоположных концах земного шара? Или совпадение ряда мифологических представлений у античных греков и современных японцев, последователей религии шинто? Или удивительное сходство в названии явлений и символов культа у семитов Передней Азии и тихоокеанских полинезийцев?

Таких вопросов очень и очень много. Даже в области древней Эллады, считавшейся еще 50 лет тому назад автохтонною (самостоятельною) по своей культуре, новейшие раскопки в Пелопоннесе, на Крите, Кипре и особенно островах Эгейского моря установили как раз обратное, раскрыли целую новую «страну чудес», страну страшно древнюю, определенно доказывающую, что греки, придя в Элладу, на Эгейские острова и в Малую Азию, везде находили очень древнюю и чрезвычайно высокую культуру, отчасти вымиравшую на их глазах, отчасти уже успевшую умереть к моменту их прихода.

Развалины в Паланке (Южн. Америка). Поразительно сходство постройки со знаменитыми Микенскими воротами (в Пелопонесе, Южн. Греции).

А последние находки в Египте, а раскопки в Месопотамии, отнявшие ореол древности и святости у библейских преданий, а открытия древних городов в Мексике, Чили и Перу, а культуры хеттеев, сумероаккадян, ливийцев, берберов и др. народов, вместе с древними этрусками, относимых теперь к особой расе яфетидов?

*** * ***

Все это подтверждает правильность так называемой теории переселений (миграций) племен и их культур, впервые, как известно, формулированной знаменитым немецким ученым Фридрихом Ратцелем. Новейшие археологические и этнологические исследования дают, можно сказать ежедневно, все новые и новые материалы в этой загадочной области знания. К этому приходится присоединить еще один важный новый

фактор, с которым в данном случае нельзя не считаться.

Я имею в виду тот переворот, который произведет в науке теория о так называемых «плавающих материках». Гипотеза эта, в силу которой совершенно видоизменяется прочно установившееся в истории земной коры прежнее учение, несколько лет тому назад была высказана и, конечно, научно обоснована известным немецким геологом, профессором А. Вегенером. В своем труде «Происхождение материков и океанов» этот ученый убедительно Доказывает, что земная кора отнюдь не похожа на скорлупу яйца, облегающего земной шар, и что у океанов дно не твердое, а лежит на вязкой магме, состав которой схож с огненно-жидкою массою лавы. По мнению Вегенера, материки являются остатками или обломками первоначальной земной коры, плавающими по поверхности магмы и похожими в этом смысле на огромные ледяные глыбы и поля, носящиеся на поверхности полярных морей. В отдаленнейшие времена обломки эти составляли одну сплошную массу, которая затем раскололась на части. Последние постепенно отошли на значительное друг от друга расстояние. Даже в настоящее еще время происходит этот процесс разъединения и движения. Так, напр., на основании астрономических наблюдений, Вегенер считает доказанным, что и сейчас происходит передвижение материка Америки в юго-западном направлении. Все эти перемещения, происходящие, разумеется, крайне медленно, с течением времени совершенно видоизменили распределение суши и моря на поверхности земного шара.

*** * ***

По мнению уже упомянутого английского ученого Фессендена, в отдаленнейшие периоды т. наз. раннего плиоцена существовало «Азиатское Средиземное море». Оно тянулось от Сев. Ледовитого океана к югу и содержало в себе воды будущих Каспийского и Черного морей. Воды этого огромного Азиатско-Средиземного моря лежали на уровне до 80 саженей над современной поверхностью Атлантического океана. Затем значительная часть этой воды схлынула, морской уровень остановился на 7 саженях, и тогда-то возникли нынешние Черное и Каспийское моря.

Во время существования Азиатского Средиземного басейна на его берегах развилась богатейшая культура, отголоски которой Фессенден находит в ряде греческих мифов о Прометее и Кавказе, об Аргонавтах, о странствованиях Геракла, о темнокожих эфиопах в Колхиде, а также в

рассказе Страбона о людях, верящих в связь Каспийского и Черного, вернее Азовского морей.

Мифы греков о потопе, чрезвычайно напоминающие аналогичные сказания библейские, вавилонские и др. народов древности, подтверждают факт грандиозной геологической катастрофы, радикально изменившей всю поверхность материков Европы и Азии и несомненно отразившейся на очертаниях Атлантического океана и его отдельных частей. В связи с этою катастрофою могли произойти внезапные провалы больших пространств суши в море или затопления их водою.

Отголоском этого момента и являются мифы об Атлантиде, остающиеся пока мифами постольку, поскольку еще не поддаются точному учету и установлению все те культурные ценности, которые тогда погибли в пучинах моря, но несомненно имеющие под собою реальную почву.

Наличностью опустившихся на дно океана значительных пространств суши, и даже целых материков и объясняются в значительной мере те поразительные совпадения в областях материальной и духовной культуры, которые современною наукою отмечаются у народов и племен, живущих на разных, отдаленных друг от друга материках, у гребков, ливийцев, вавилонян с одной, и мексиканцев, чилийцев, перуанцев, с другой стороны. Связь эта объяснима только «миграцией» культурных ценностей с Запада на Восток (или обратно) по ныне не существующему мосту. Таким мостом и была легендарная Атлантида. Где же находилась эта сказочная страна, в некотором смысле родоначальница древне-европейской культуры? Как показывает самое ее название, Платон, а за ним и большинство новейших ученых (за исключением Фессендена, относящего Атлантиду в пределы нынешнего Кавказа) помещают ее в той части Атлантического океана, которая простирается от берегов Бретани на Севере до побережий Гвинеи (в Африке) на Юге, с одной, и Флоридою и Бразилиею (Америка), с другой стороны.

*** * ***

В самое последнее время это предположение, подкрепляемое данными огромной эрудиции, высказано французским ученым Рожэ Девинем (Roger Devigne), автором замечательном книги — «Исчезнувший материк. Атдантида, шестая часть света». Париж. 1924). Для Девиня Атлантида не миф, не сказка, но реально существовавшая в ранний бронзовый век страна высоких культурных достижений, занимавшая обширный материк или

часть такового между Европою и Америкой. Автор доказывает несомненное, достоверное существование такого «моста цивилизаций» между Западом и Востоком, рядом соображений географических, исторических, геологических, этнологических и др.

В первой части своей увлекательно написанной книги, части, названной «Господством бронзы», Девинь приводит массу ошеломляющих фактов, устанавливающих теснейшую связь между культурами т. наз. средиземноморскими и мексиканскою, с одной, перуанскою, с другой стороны. Особенно наглядным доказательством такой связи служит между прочим древнее искусство? (зодчество, ваяние, живопись). К этому у Девиня примыкает очерк организации и жреческих традиций Атлантиды.

Вторая, меньшая часть книги, отведена художественному воспроизведению жизни и быта Атландиды и ее жителей до и после постигшей ее вулканической или космической катастрофы.

Тут, между прочим, рассказывается, как к Атлантиде прибывали разные колонисты древнего мира, как они воспринимали здесь всякие культурные достижения и затем разносили их по всему миру, как, в свою очередь, атланты завоевывали и подчиняли своему культу солнца разные племена и народы и как они, после постигшей их катастрофы, спаслись в дикие дебри Бретани, чтобы оттуда разнести свет знания и цивилизации в бассейн Средиземного моря.

Эту последнюю часть Девиня мы теперь в переводе и предлагаем нашим читателям.

Проф. Г. Генкель

Гибель Атлантиды

I.

Ветер с материка доносил до корабля сладкое благоуханье апельсиновых деревьев… Один за другим матросы убирали большие паруса, подобные своею формою крыльям вампира. Теперь эти паруса ложились около) мачт, напоминая сложенные зонтики.

Веслами, оправленными в бронзу, медленно рассекали воду сидевшие на последней скамье гребцы. На передней, носовой башне судна, раздавались жалобные звуки флейты. Ими регулировался ритм движения гребцов.

Еще не спущенный маленький трехугольный парус хлюпал около флейтщика. Корабль медленно шел вдоль скалистого берега, вздымавшегося подобно огромной стене синеватой лавы и заканчивавшегося мысом. За последним лежали три гавани и самый город. Оттуда неслись звуки огромных труб дозорных. В этот момент шесть таможенных барок с короткими мачтами вышли из-за мыса и, описав широкую дугу, приблизились к кораблю. Палубы их были полны воинов с длинными копьями, кривыми мечами и в блестящих бронзовых шлемах…

Около флейтщика на возвышении, покрытом большим ковром с геометрическими узорами, которые свисали тяжелыми складками за борт, неподвижно сидел смуглый человек с большою седою бородою, в широкой черной мантии. В правой руке его был резной посох с изображением разных гиероглифов. Заканчивался этот посох большим крестом из слоновой кости.

На возвышении неподвижно сидел человек с большой белойбородой…

Профиль старика с его большим прямым носом и несколько продолговатым черепом четко выделялся на большом бронзовом диске носа корабля.

Это был один из тех агентов Великого Совета, один из тех ученых жрецов и одновременно исследователей и мореходов, на обязанности которых лежали проверка добычи рудников, учет складов, а также наблюдение за соблюдением обрядов и сооружением храмов, крепостей и пирамид обширной морской державы Атлантиды.

Великое братство жрецов Солнца замечало, как мало по малу стало меркнуть его собственное всемогущество пред успехами промышленности и цивилизации, которыми оно само, во всеоружии знания, в течение тысячелетий, наделяло Атлантиду. В колониях, впрочем (их первобытное население, с трудом укрощенное, мудро управлялось властною десницею атлантов) жрецы Солнца и Смерти все еще пользовались своим былым, непоколебленным авторитетом. Зато три великих народа, населявших

собственно Атлантиду, постепенно, под руководством своих князей и царей, изменили священные принципы Братства Солнца и ослабили державу атлантов. То были темнобурые *берсы*, земледельцы и рудокопы, *галы* с розоватым цветом кожи и русыми волосами, смелые воины, искатели приключений, и красные *фулы* и *кары*, особенно охотно занимавшиеся мореходством и обработкою металлов. Эти народы постепенно двинулись в качестве честолюбивых завоевателей на среди земно-царской Восток, в Азию с ее кишевшим на подобие муравейника населением и ее развратными божествами.

По тем путям, по которым обычно продвигались мореходы и и скате ли металлов, они отправили целые армии сперва для охраны своих пионеров, а затем и для завоевания новых земель. Солнце, их отец и бог, светоч мира, непостижимое Единство, никогда не заходило в пределах державы могущественных атлантов.

Между тем это огромное целое, все вооруженное и сверкавшее бронзою, стало трещать под напором тех молодых народов и древних колонистов, которые, забыв о своей расе и о своем низшем происхождении, начали мечтать о том, чтобы порвать узы, связывавшие их с Атлантидою, страною Посейдона. И вот потребовался ряд кровопролитных войн для усмирения восставших африканцев *антов*, фессалийских титанов и развращенных азиатскими божествами *фулов* Тира и Сидона. И жречество Атлантиды, составлявшее замкнутую касту, по преданию явившуюся из хладных святилищ крайнего севера, тщетно пыталось спасти и сохранить те священные древние предания, которые возникли в отдаленнейшем прошлом, тогда, когда одни только дольмены и менгиры слышали горячие молитвы воинов и пастухов, возносимые к богам жизни вечной. Каста жрецов при помощи своих таинственных пирамид зорко охраняла как в Африке, так и в Америке, те пути ритуала, помощью которых можно было достичь потустороннего Царства. Своими обсерваториями, библиотеками, лабораториями это жречество пока еще контролировало и поддерживало науки, необходимые для существования и оплота Атлантиды.

Однако процесс беспрерывного смешения с женщинами иной расы, самая древность цивилизации Атлантиды, ее узко-догматический и практический характер, наконец, обширные размеры этой державы по, степенно способствовали разложению атлантов, этого заносчивого народа. Понемногу происходило слияние их с теми беспокойными народностями, которые наполняли Атлантиду. Берега и окраины последней были под властью этого жречества, которое, однако, не сумело ни понять, ни полюбить ядро своей державы.

Целый ряд великих катастроф, в течение веков постигших земной шар, катастроф, самым тщательным образом зарегистрированных и изученных их учеными, не сломил заносчивости и высокомерия атлантов. Между тем было над чем задуматься: в огне и под напором вод исчезали обширные страны.

Рассказывали, что огромный остров Ибуера, расположенный в непосредственном соседстве с землею золото-промывателей толтеков, некогда составлял часть материка Атлантиды. То же самое было и с богатою Иберией, а также с Ливией и ее обильными пастбищами, ее воинственным населением, ее морем Тритонидою…

И все-таки Атлантида еще занимала обширное пространство между 12-м и, примерно, 41-м градусами северной широты. От Африки ее отделял не широкий канал и на этом побережье Атлантиды, как раз насупротив горного материка, высились гористые страны. Остатки их сохранились до сих пор в лице семи Канарских островов. С Иберией (нын. Пиринейским полуостровом) Атлантиду сближали два огромных острова, с Америкою же она была связана целою цепью островов. Крайнее и наиболее крупное звено их сохранилось доныне в лице о-вов Антильских. Центральное положение занимал самый обширный и наиболее богатый из островов Атлантиды, священный остров Посейдона, формою своею напоминавший огромный лунный серп, наклоненный в сторону экватора.

И вот тут-то, в своих циклопических дверцах, среди своих неистощимых рудников, окруженные богатейшими и плодороднейшими нивами, в таком благодатном климате, который превращал весь остров в настоящий Сад богов, последние властители Атлантиды, постепенно забывали уроки своих мудрецов и те законы, которые были начертаны на бронзовых колоннах родоначальниками красного народа.

Таможенные барки окружали высокий, пятиярусный корабль. С одной из них на мостик поднялся начальник морской стражи. Почтительно склонившись пред Посланцем Солнца, он с выражением тревоги на лице внимал тому, что читал теперь писец на своем странном наречии, одновременно шипящем и гортанном…

Из отверстий в бортах корабля и люков выглядывали моряки и сообщали неподвижно стоявшим воинам подробности далекой, страшной катастрофы…

Затем судно продолжало свой путь. Остроконечный мыс, формою своею напоминавший отчасти человеческую руку, внезапно исчез. Пред моряками открылась гавань Посейдонины, залитая лучами вечернего солнца, с ее валами, выложенными огромными медными досками, с

беспредельным лесом мачт, с гулом бесчисленных человеческих голосов и громким стуком работающих верфей.

Корабль вошел в большой канал длиною в девять километров. По краям его, с той и другой стороны, высилась сперва целая амфилада гостинниц, храмов и складов, затем пошли роскошные виллы с участками, отделенными друг от друга каналами, и с четырехугольными невысокими зданиями. Постройки эти были сооружены из белого, черного и красного камня, расположенного симметрично. Получалось впечатление правильного рисунка.

У гавани высилась амфилада гостинниц, храмов и складов, затем пошла роскошные виллы…

Направо, в последних лучах заходящего солнца волновалась и гудела перед зданием, напоминавшим что-то вроде Морской биржи, и украшенном колоннами с надписями, пестрая толпа купцов, явившихся сюда с разных концов земли. Были тут скандинавы, украшенные янтарными ожерельями, с серебристыми мехами и тяжелыми мечами, азиаты в красных колпаках и

длинных, затканных золотом одеждах, нубийцы, торговавшие слоновою костью, в конической формы тиарах и увешенные громко бряцавшими амулетами, барышничавшие солютрейцы, желтокожие с раскосыми глазами и в коротких дорожных плащах и, наконец, великие мастера кузнечного дела карийцы в тяжелых мантиях с вышитыми на них возражениями многоцветных птиц.

Корабль Солнца бросил якорь в третьем Морском бассейне, где уже стояли тысячи галер, плоскодонных судов и фелюг. Старец покинул корабль и перешел в гондолу с черным балдахином, украшенную изображением солнечного диска, эмблема посольств Великого Совета.

Гондола быстро мчалась по прямому каналу, перетекавшему теперь уже три концентрических канала, в центре которых воздымался на священной горе, как бы облаченный в красноватую бронзу, город Посейдона. Спускалась ночь. Вдали еще слышался глухой шум работающих верфей. Везде на бесчисленных бронзовых столбах зажигались яркие огни…

На самом фоне неба высились северные леса, восходившие почти до снеговых вершин гор, защищавших Атлантиду от ледяных гиперборейских ветров с их стужею.

Между каждым из трех каналов были сооружены круглые укрепления, на которых высились храмы, школы, дворцы. На крайней линии ограды, сооруженной из четырехугольных каменных глыб, которые со своими красными, белыми и черными полями образовали подобие шахматной доски, вздымались казармы гвардии. Население их состояло из верных правителям воинов, нарочито набранных среди длинноволосых галов и берсов с бурою кожею.

Посланник высадился у подножия священного холма, на вершине которого в виде покрытой бронзою пирамиды высился храм Посейдона и вокруг которого раскинулся чудеснейшим ожерельем целый цикл дворцов, монастырей, часовен, висячих садов и лабораторий. Старец стал вздыматься по дороге, обсаженной остролистными драконовыми деревьями, из стволов которых сочился красный как кровь сок. Под куполами пальм журчали струи фонтанов. Внизу расстилалась окутанная ночною мглою равнина с ее бесчисленными огоньками. Тишину ночи порою прерывал раздававшийся в казармах отрывистый сигнал медного рожка.

Никто не проходил по этому склону горы, который охраняли на известном друг от друга расстоянии неподвижные в своем золотом вооружении часовые, стоявшие около высеченных из целых каменных глыб

сторожевых будок. То были витязи Посейдона, сыновья жрецов и царей. Благородство их происхождения и обусловливало честь несения ими этой постовой службы. Издалека, сквозь листву деревьев, доносилось дыхание моря…

Между двумя пирамидами Солнца и Луны, окруженное гигантскими статуями, осыпанными драгоценными камнями, высилось на своем бронзовом основании массивное, строго-геометрически выполненное капище бога Нептуна-Посейдона. На вершине его красовалось исполинское изображение этого бога, гордо выпрямившегося на своей колеснице, влекомой крылатыми конями. Вокруг храма тесным кольцом стоили, согласно ритуалу распределенные, астрономические колонны. Все эти сооружения, покрытые металлами, сияли каким-то диким величием. Перед нашим путешественником остановились несомые четырьмя краснокожими людьми носилки. В них он был доставлен к низкой, имевшей форму трапеции, двери в стене храма.

Старец поднялся по гранитной лестнице. В высокой зале он нашел собрание людей, облаченных, подобно ему, в длинные черные мантии. В этом круглой формы помещении были широкие окна, чрез которые видна была огромная равнина; на ней во мраке ночи светились огни Посейдониды. В центре залы высился исполинских размеров шар с мозаикою, изображавшею различные созвездия…

— «Отцы Великого Совета, — сказал посланник — я несу вам ужасные вести, как результат моего путешествия на Западный материк. Наши астрономические вычисления подтвердились почвеными катастрофами. Наблюдаемые нами на Солнце пятна и то явление, в силу которого одна из сопутствующих ему звезд покидает свой обычный путь-орбиту, предвещают, быть может, ужасы, которые будут гораздо страшнее предсказанных в наших древних книгах. Все, находящиеся по ту сторону Океана, вулканы на земле в действии. Горит, плавится и погибает в пучинах моря страна караибов. Во время последних недель своего обратного пути мне пришлось убедиться, что вся экваториальная часть Атлантиды содрогалась ют напора подземных огней.

Наступил предвещенный нашими летописями час, когда нам приходится организовать массовое бегство наших народов в пока еще дикие страны Востока и Севера, которые должны избегнуть этого несчастия».

— «Твое путешествие — сказал кто-то — подтверждает то, что мы предвидим. Наша наука о звездах, основывающаяся на таких вычислениях, которые являются воплощением мысли самого божества, ошибиться не

может. Прибывшие из земли Гиперборейской посланцы также подтверждают, что и на крайнем Севере пробуждаются огни в недрах земли. Падение небесных метеоритов, но не более частое, чем в минувшую осень, является еще более неумолимым предостережением. Мы приготовились принять меры к великому выселению. По» нашему приказу главы управлений созвали отдельные племена. Люди однако колеблются. Весьма немногочисленны атланты, которые согласятся последовать за нами. Нам не удалось даже собрать Совещания Нептуна, даже царей для присутствия на установленном ритуалом беге быков. Цари эти во главе своих войск отправились на завоевание средиземно-морских стран.

Вообще наука наша в состоянии предвидеть повторение тех великих катастроф, которые, в связи с атмосферическими революциями, уже трижды изменяли весь Дик земли. Но эта-же наука бессильна предотвратить их»…

В открытые окна вливались в залу ароматы ночи и небо сверкало мириадами звезд. Была одна из тех островных ночей, когда вся природа — нежность, благоухание, тишина, сладострастие… И вокруг этих тревожно бодрствовавших мужей, внизу, во всем своем величии, засыпал огромный город… Сливаясь со звуками отдаленной музыки, на невидимых путях там и сям раздавалось пение женщин и моряков.

На грани же темного горизонта, подобно неясной зарнице, светился неровный, зловещий блеск вулканов и упоенная ночью земля, казалось, порывисто вздрагивала, как то иногда бывает, когда снится дурной сон.

II.

Земля содрогалась под напором сил (подземных)
и была полна порывов, (вызванных жаром).

Кн. Бытия, VI, 11.

Огромный разбитый корабль, потеряв свои мачты и весла, увлекаемый непреодолимым течением, носился по кошмарным водам океана, под мрачным небом, освещенным неясною мглою солнечного затмения. Во мраке пяти палуб, еще держа в руках тяжелые обломки поломанных весел, торчавших в отверстиях киля, все, один за другим на своих скамьях, гребцы умерли без того, чтобы кто-либо из моряков или бежавших начальников нашел в себе мужество спуститься вниз и по ритуалу предать

погребению то безымянное, что теперь разлагалось в недрах корабля. И вот последние путешественники, привязав себя к. снастям, к каютам, с окровавленными плечами и в полном отчаяньи, приглушенными криками взывали о помощи к богу Солнца, покидавшему свои народы и свою державу…

Кругом, повсюду, вплоть до пределов разъяренного мира, были только — океан и ночь.

Неподвижный, застывший, но еще живой в своем промокшем насквозь одеянии, не сокрушенный в этой ледяной мгле и среди этих бездн, охватив высокий бронзовый треножник, поддерживавший носовой диск, посланник Солнца напряженно выискивал такого пощаженного бедствием уголка в мире, такого побережья, о которое галера в конце концов могла бы разбиться, но куда она смогла бы и пристать. Поскольку ему удалось высчитать в те минуты. Когда неясные звезды выступали из-за клочков разрывавшихся порою туч, течение, увлекавшее корабль с быстротою скачущего галопом коня, направлялось к северо-востоку. Быстрота эта была такова, что течение прорезало, скашивало чудовищные морские волны, вздымавшиеся подобно исполинским стенам во мраке. Быть может, именно эта сила течения до сих пор и спасала судно атлантов от гибели.

Они выступили целою флотилиею, следуя за бесчисленными кораблями, увозившими подальше от присужденного к гибели места богов, науку и гордость Атлантиды. Удалось переправить через пролив в Африку жреческие коллегии, женщин и детей царствовавших племен. Бесконечный караван их тянулся по кустарникам и лесам Западной Африки, вдоль берегов внутреннего моря Тритониды, посвященного тысяче божеств, бассейна, постепенно, но беспрерывно и нещадно уходившего теперь, казалось, в какую-то неведомую бездну. На пути караваны встречали чернокожее население, тех людей, среди которых атланты раньше набирали невольников для вывоза их в отдаленную страну толтеков, майев, каров. Эти чернокожие теперь, во дни, которые были мрачнее самых страшных ночей, со стонами следовали за бесконечным шествием атлантов, за их бронзовыми колесницами, священными слонами и кострами, потухавшими и вновь разжигавшимися в вихре ураганов и смерчей.

Казалось, весь мир разлагался на части в этой грязи, в эту беспросветною тьму и смерть…

Жрецы Великого Совета выехали последними. На вышках храма Посейдона они слышали возносившиеся к ним безмерные вопли народа; к ним доносился рев вулканов, еще освещавших своими огнями царивший кругом мрак; они видели, как сверкая и ежеминутно надвигаясь все ближе

на них наступал неумолимый огненный поток, затоплявший землю богов…

Тем временем корабль несся по морю. Порою на небесном своде, в свою очередь готовом как бы расколоться, наблюдались страшные взрывы. Исполинские пылающие камни, падавшие с неба, освещали на секунду водную пучину, затем, издавая чудовищное шипенье и вздымая бесчисленное количество паров, прорезали поверхность моря, эту жидкую ночную тьму…

Однажды течение, уносившее судно, казалось, стало уклоняться в сторону, ослабевать и как бы сливаться с морскими волнами, теперь снова овладевшими кораблем. Прибой волн разбивался как будто о какое-то неведомое препятствие. Последним напором галера была отброшена в пролив, между прибрежных рифов, и беглецами из Атлантиды, этим первобытным Робинзонам, удалось пристать к берегу. Последний, покрытый утесами со свежими надломами, сам казался остатком неизвестного побережья, погрузившегося в морскую пучину.

Беглецы пристали к той излучине нынешней французской Бретани, которая тянется между Киберoном и Лок-Маррикером. Пустынная местность являла еще следы жестокой зимы. Снег, медленно таявший под дождем, распространял вокруг себя неясный, мрачный свет.

Суровый старец, едва передвигая окоченевшие ноги, взобрался на одну из возвышенностей и окинул взором эту негостеприимную местность, в которой приходилось отныне жить им, потерпевшим кораблекрушение жителям Островов Блаженных. Немного спустя, собрав вокруг себя товарищей своих по несчастью, он сказал им:

— «Давайте, спасем остатки нашего корабля и похороним наших мертвых».

У подножья скал были свалены в кучу бревна и доски, бронзовая утварь, ящики со священными книгами, семенами и съестными припасами. Наконец-то, разведя свой первый огонь, атланты смогли, при его неровном свете, разглядеть друг друга и увидеть все отчаяние, написанное на лицах товарищей.

— «Нас покарали боги», заявил жрец. — «Но возблагодарим их за сохранение нам жизни. Ибо, заверяю вас, вскоре мы вновь узрим Солнце, земля опять осветится им и отогреется его божественными лучами, и жизнь вновь расцветет в очистившемся мире.

Вокруг костра атланты запели великие гимны пресвятому Солнцу. Звуки их песни вились и возносились подобно пламени на очаге. И медленно ползя по занесенным снегом долинам, стали приближаться дикари со своим каменным оружием, в ожерельях из позвонков,

нанизанных на веревки, с телами, окрашенными белыми и черными полосками. Вокруг божественных иноземцев они образовали плотный круг.

В беспредельном ужасе, ныне нависшем над темным миром, сейчас не было больше ни диких зверей, ни диких людей, ни — увы! — людей цивилизованных. Существовали только дрожащие существа, в испуге ожидавшие возвращения Солнца.

Огромные косматые зубры, с кровью налитыми глазами, отфыркивались от стужи, подбегали к огню и, смешавшись с дикарями, изумленно взирали на Людей Моря.

Жрец же атлантов, стоя перед огнем и поглаживая свою длинную белую бороду, от которой шел пар, жестами объяснял этим диким людям и зверям, что ночь будет продолжаться не вечно, что вернется Солнце и что ему следует подготовить верных слуг и обильные посевы.

……

И Солнце действительно однажды вновь засияло, и вдоль всех побережий Европы, Азии и Америки, потерпевшие кораблекрушения атланты воспели величественные гимны, и сошедшие с гор и покинувшие свои леса орды неизвестных людей взирали с удивлением на этих чудодейственных пришельцев, как они острыми орудиями из металла взрывали илистую почву, бросали в нее семена, сдвигали тяжелые камни, выравнивали металлическими молотками поверхность их, соорудили жертвенник и провели вокруг него четыре перекрещивающихся дороги и таким образом вновь пытались организовать все около этого зародыша нового города.

Таким-то образом, благодаря случайностям бури, течений и странствий по приподнятой и зыбкой, подобно поверхности морской, почве, остатки атлантов распространились по уцелевшей пощаженной огнем земле. Огромная же масса переселенцев из Атлантиды в то же самое время достигла ливийского Атласа, откуда она лучами распространилась по гористой Иберии и дальнему Египту, держась побережий античного мира, расселяясь вдоль заливов, по островам и архипелагам его.

В виду своей малочисленности они осели главным образом на островах. Тут им было легче удержаться, вновь зажечь огни своих кузниц, снова подстроить большие корабли для нападений и обороны. Это было необходимо, потому что описанная катастрофа, изменив совершению всю поверхность земли, вызвала к жизни из туманных низменностей и таинственных лесов огромные массы новых людей, медленный и ненасытный поток которых постепенно поглотил и уничтожил последние колонии державы Солнца.

Миновали века. Медленно недоступные на севере и востоке ледяные заставы растаяли и целые орды смелых русоволосых людей, гоня пред собою стада свои, разрушили крепости Народов Моря. От обширной, блестящей цивилизации последних, охватившей весь мир тяжелою своею бронзовою сетью, посреди материков ничего уже больше не сохранилось, кроме развалившихся памятников. И новые народы уже не знали ни происхождения, ни назначения этих развалин. Сохранилась также длинная, неистребимая цепь пирамид, которые пытались скопировать или восстановить зодчие Египта или Америки.

На американские колонии Атлантиды, более непосредственно застигнутые планетарною катастрофою, ринулись орды людей, явившихся чрез Северный Материк, из отдаленной страны желтолицых…

В продолжении ряда веков, подавленное ужасом небесной мести, человечество думало лишь о том, как бы сохранить жизнь. Жертвоприношения подземным богам с их кровавым культом сменялись поклонением божествам света и жизни. Смутное, как бы полузабытое предание продолжало еще хранить в недрах вновь возникших религий следы древних солнечных культов. Исчез и самый язык атлантов, оставив лишь несколько слабых следов в речи народов, приходивших в соприкосновение с атлантами, в виде отпечатка и воспоминания об их погибшей державе, в форме имен некоторых божеств и названий рек и гор. Царство Красных людей миновало. Началось длительное средневековье, предшествовавшее тому периоду истории, который собирался постепенно озарить цивилизации Мексики, Перу, Египта, Халдеи, Индии, Греции.

На рубеже возникновения новых держав, последние люди века бронзы, остаток изо дня в день уменьшавшийся и распылявшийся, стали постепенно исчезать с лица земли. Только в преданиях и легендах о них сохранилось смутное воспоминание в виде таких имен, как некии, пирри, кабиры, дактили, означавших мастеров кузнечного дела, властителей подземных сокровищ.

«Эти предания, пишет Роазель в своей *«Хронологии доисторических времен»*[1]), всюду глубоко запали в памяти народной и передавались из поколения в поколение. Вое сходятся в признании того традиционного страха, который внушали эти таинственные ремесленники. Каждое новое поколение усугубляло подробности повествований предков и в конце концов о древних владыках Запада сохранились только рассказы, преисполненные чудес. Отзвуки этих воспоминаний слышатся в вере в гномов, хранителей подземных руд, в пузатых карликов, изображения которых сохранились на коссурских монетах и которых смешивали с

малорослыми кабирами, часто изображаемыми со всеми аттрибутами кузнечного ремесла. По сообщениям многих писателей, последние, подобно циклопам, были помощниками, бога Вулкана и, низкорослые, и тучные принадлежали к тому-же племени, что корибосаты, куреты и дактили.

Совершенно заслоненные символами, в содержании священных книг сохранились еще некоторые следы учения атлантов… Впрочем, то что нам передали в этом отношении евреи, народы Америки, греки и римляне, не дает нам еще возможности восстановить с более или менее точною хронологиею сущность учения Посейдониды…

Пока племена новых народов блуждали по земле, перенося вместе со своими идолами из кости, дерева и глины, эту обобщенную, загадочную, освященную и завешенную предками традицию, последняя могла еще сохранить хоть сколько нибудь свою первоначальную чистоту. Однако с течением времени дикие орды остановились в своем движении и постепенно образовали мощные державы. Хижина превратилась в дворец, простой культ перешел в сложное религиозное учение, ритуал и золоченые одеяния которого совершенно заслонили смиренный и непритязательный сказ предания об Эдеме… Атлантида исчезла из памяти людей.

Наступили времена исторические.

ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА

Рассказ К. К. Серебрякова

I.

— Нет, это какая то злая ирония судьбы толкает меня изучать горячо любимые естественные науки и убеждаться с каждым днем, что я живу среди самой убогой природы Севера, что все богатства животного и растительного мира — где то там, далеко, далеко, в сказочных и недосягаемых странах тропического юга.

Студент Андрей Зубков со злобой захлопнул лежавший перед ним толстый том сочинения Келлера «Жизнь моря» и задумался.

Ему живо представились описанные на страницах книги картины лазурных берегов тропических морей, изумрудно-зеленые пучины океана, таящие бесчисленные сокровища морского дна. Леса гигантских водорослей, причудливые формы медуз, кораллов и полураскрытые створки морских раковин, полные жемчужин.

— Изучать все это, — думал он, — и жить среди серых и унылых мхов и лишайников родного края!

Насколько счастливее нас, естественников — горняки, находящие величайшие богатства руд, нефти и золота здесь же, у себя на родине.

— Подумаю, да перейду, кажется, в Горный Институт, — бормотал он,

раздеваясь и укладываясь спать.

Но сон не приносил ему отдыха и успокоения. Его до утра мучили сны и видения — одно невероятней другого.

Ему снился знойный простор Индийского океана и сверкающие белым раскаленным песком берега Цейлона, голубые волны и белая пена, шум и брызги прибоя и залитый отвесными палящими лучами берег.

Он идет берегом моря и видит высовывающиеся из раскаленного песка белые от солнца кости людей. Это — кости ловцов жемчуга, которых жадность к богатству привела к гибели в волнах голубого залива Арино.

Вот он входит в живописный поселок шатров и шалашей, наскоро построенных из бамбуковых свай, накрытых пальмовыми листьями, рисовой соломой и пестрыми тканями. Это — временное становище ловцов жемчуга, собирающихся здесь ежегодно в сезон смены муссонов.

Он видит здесь купцов, всевозможных искателей приключений и просто воров. Кругом идет оживленная спекуляция на жемчужины, на чистое золото и в кредит. Акробаты, танцовщицы и фокусники увеселяют толпу.

Вот он в самом центре базара перед кучкой туземцев, нанимавшихся ловцами: у него щупают мускулы рук и груди, заставляя глубоко дышать. Годится! Вместе с партией темнокожих ловцов жемчуга он идет к лодкам на берегу моря. Их окружает толпа бонз, жрецов, заклинателей акул и просто зевак. Жрецы кричат свои заклинания и молитвы, бьют в барабаны из кожи акул, чтобы испугать в море этих чудовищ, представляющих главную опасность для ловцов жемчуга.

В лодках они отплывают далеко, далеко от берега, который им кажется с моря маленькой сверкающей на солнце белой полоской.

Здесь малайцы начинают налаживать свое примитивное приспособление для опускания ловцов на дно моря.

Они берут большой тяжелый камень, обвязанный длинным канатом и опускают его за борт лодки.

Голый малаец хватается за веревку, становится ногами на камень и вместе с ним опускается на дно моря. Там он цепляется за водоросли, карабкается по песчаному дну и собирает раковины. Но как только он отпускает из рук крепкие водоросли, его, подобно пробке, силой давления воды, выбрасывает на поверхность.

Подходит очередь Андрея. Он сбрасывает с себя платье и становится голыми ногами на холодный только что вернувшийся из пучин моря грузильный камень. Несколько секунд быстрого захватывающего дух падения среди зеленовато-мутной воды, и он слышит удар камня о дно

моря. Он видит перед собой целые сокровища ярких и пестрых раковин-жемчужниц, лежащих на песчаном дне то с плотно сомкнутыми, то со слегка раскрытыми створками. Вот, вот там, в зеленом полумраке, около какой то темной неподвижной массы он видит лежащую на морском дне крупную уродливой формы раковину, а в ней громадную, отливающую лунным светом прекрасную жемчужину.

Андрей бросается к ней и в этот момент замечает, что темная масса шевелится, движется к нему и расправляет громадные щупальцы, превращаясь в отвратительного гигантских размеров спрута-осминога. Он различает его большие, отливающие тусклым светом глаза, хочет податься назад, но уже поздно. Скользкие щупальцы обвивают его тело и сдавливают ему горло…

Андрей вскрикивает… и просыпается. В окно он видит, что на дворе уже светло, и он, наверное, опоздал на лекции. Целый день беготни сначала по корридорам: и лабораториям университета, затем по урокам, наконец, поздно вечером — счастливая возможность вернуться домой.

Андрей, с полузакрытыми от усталости глазами, влезает на Васильевском острове в битком набитый трамвай.

— Получите билетик, гражданин, диссонансом врывается в его сознание окрик кондуктора. Он автоматически лезет в карман и достает последний гривенник, оставшийся от вчерашней покупки театральных билетов и сегодняшнего скромного обеда в «столовке».

— Вечерняя газета! — кричат над самым ухом.

— Получите билетики, — слышится опять приближающийся к нему голос кондуктора.

Не поднимая тяжелой головы, он протягивает вперед руку, чтобы заплатить за проезд и чувствует у себя в руке вместо трамвайного билета номер вечерней газеты. Юркий газетчик бесследно исчез в толпе пассажиров, унеся с собой и гривенник, и последнюю надежду на право добраться до дому на трамвае.

Делать нечего! Приходится выходить и пешком идти через мост на Неве и через весь город.

Андрей сердито запихивает газету в карман и, придя домой, удивленно останавливается на заголовке одной из заметок.

НАШ СЕВЕРНЫЙ ЖЕМЧУГ

Колонизационным отделом Правления М-й жел. дор. предприняты изыскания в бассейне рек Олонецко-Мурманского

края с целью обследования местообитания жемчугоносных раковин. Добыча северного жумчуга в старые годы была одной из доходных статей торга Великого Новгорода. В настоящее время жемчужный промысел среди местного населения значительно упал. Правление надеется, путем обследования района и правильной постановки лова жемчужниц, поднять этот промысел на высоту доходного подсобного занятия для местного и пришлого населения колонистов нашего Севера.

— Как, жемчуг, драгоценный жемчуг?! и так близко! — Не может быть, это просто газетная утка, — проносится в мозгу Андрея. — Надо навести справки в научной литературе.

В Публичной Библиотеке он берет всю нужную литературу. Вот томы Зоологии Гартвига и Холодковского, Брэма. Под рукой оказывается и специально конхиологическая монография Гесслинга.

Андрей нервно перелистывает страницы и читает:

«Жемчуг представляет собою отложение в раковине моллюска перламутрового вещества вокруг каких-либо случайно попавших посторонних источников раздражения для тела моллюска.

Причиной образования жемчуга может служить песчинка, обломок раковины или мелкий водный паразит (напр. клещик); одним словом, какая либо живая или мертвая частица, попавшая между мантией и раковиной моллюска.

Жемчужина состоит из концентрических слоев органического вещества, пропитанного минеральными солями (главным образом, углекислой известью). Игра цветов жемчуга обусловливается явлением интерференции света от волнистой поверхности перламутровых слоев».

В другой книге он читает: «Кроме морских жемчужин, водящихся в водах теплых тропических морей, жемчуг производится и некоторыми пресноводными ракушками, водящимися в наших северных реках.

Главную добычу пресноводного речного жемчуга дает перловица жемчужная, носящая латинское название «Маргаритана Маргаритифера».

— У нас, читал он далее, перловица водится, главным образом, в реках Архангельской и Олонецкой губерний и реках Мурманского края; изредка она встречается и в реках северных губерний.

В середине прошлого столетия вывоз жемчуга из России оценивался в 181.520 руб.

— Так значит, это правда! Я в своей родной стране могу добыть для

нее же сокровища жемчуга. Скорее, скорее туда, на далекий север!

Это была вторая бессонная ночь, но уже ночь счастливых грез и надежд.

На следующее утро, едва пробило 10, Андрей уже поднимался по лестнице многоэтажного дома на Лиговке, над подъездом которого красовалась надпись: «Колонизационный Отдел М-ской жел. дор.». Там ему сообщили, что в середине лета на север организуется экспедиция во главе с проф. В. Рекомендовали устроиться в эту экспедицию, но Андрей и слышать не хотел об отсрочке. Получив нужные ему сведения о районе промышленного лова жемчуга, он решил выехать на север немедленно. Через неделю, раздобыв небольшие средства, Андрей уже уезжал.

— Жемчуга, жемчуга, жемчуга! — стучал колесами двинувшийся поезд, и Андрей чувствовал, как слова эти с силой отдаются у него в висках и туманят сознание.

— Жемчуга, жемчуга, — повторял он, входя в вагон и толкаясь между пассажирами.

— Не иначе, как пьяный, — сказал про него какой то купеческого вида человек, сидевший у окошка.

II.

В окне вагона мелькали и проносились нежные, прозрачные., как бы написанные акварелью картины северной весны. Молодые белоствольные березовые перелески и рощицы казались еще тоньше и ажурнее на фоне темной зелени хвойных лесов.

Затем все чаще и чаще встречались на пути громадные светлые пространства, покрытые глубоким и мягким серым ковром торфяного мха с редкими соснами и кустарниками, увешанными длинными бородатыми лишайниками.

Наконец, замелькала зеркальная поверхность Великих Северных озер, а еще сутки спустя Андрей увидел на далеком горизонте и свинцово-серую пелену Белого моря. Вслед за этим картина переменилась, появились гранитные складки отрогов Финских и Скандинавских гор. Громадные валуны и скалы вставали на каждом шагу.

Ручьи и реки, встречая на своем пути каменные преграды, бурлили, пенились и с шумом неслись дальше. На станции Кемь Андрей вышел из поезда. Небольшой, но живописный городок Кемь, раскинувшийся на прибрежных скалах Белого моря, поразил Андрея шумом и плеском

бушующей на порогах реки.

Полным контрастом бурной реке была тихая затворническая жизнь горожан. Среди них несколько старообрядческих семейств до сих пор «ревнуют о древнем благочестии» и неохотно принимают под свой кров пришельца с поганой привычкой к курению табаку. Поэтому Андрей искренно обрадовался, когда ему удалось найти приют у старого пьяницы матроса, работавшего в порту. Двух-трех часов было достаточно, чтобы осмотреть город и его достопримечательности. Особое внимание Андрея обратил на себя герб города, который он увидел на каком то прежнем казенном здании. Это был полинявший щит, в нижней половине которого на голубом фоне красовался венок из жемчуга.

— Вот оно, попал в самое сердце жемчужного промысла! — подумал Андрей.

Адреса промышленников, полученные им в правлении дороги, принесли мало пользы. Все эти промышленники оказались просто скупщиками жемчуга, твердо знающими свое дело и очень неохотно развязывавшими язык перед приезжим. Почти ничего не мог добиться от них Андрей о месте и приемах лова жемчужных раковин. Случай, однако, помог ему познакомиться с настоящим ловцом.

Дело сладилось через хозяина квартиры. Старый матрос, узнав о желании гостя увидеть настоящего ловца, на следующий же день привел к себе в дом молодого парня Ивана Чура. Чур на время прибыл в город по делам сплава и на-днях собирался к себе домой на пороги.

Матрос и молодой парень были, по-видимому, старыми знакомыми.

— Отец его, покойник Чур, был первым ловцом жемчуга в округе, — пояснил матрос. — Да и теперь лучше Ивана навряд кто знает места, где водится ракушка.

Молодые люди быстро сговорились: Иван через несколько дней кончает свои дела, и они вместе отправляются к нему вверх по реке на порог «Белый», там остановятся у Ивана в доме и будут «исполу» ловить жемчуг. Андрей был в восторге от такого предложения.

С котомками за плечами вышли они несколько дней спустя и шли то лесными дорогами и тропинками, то берегом реки; переправлялись несколько раз через реку и ее притоки на лодках знакомых корелов, ночевали в корельских хижинах и вели между собой бесконечные разговоры о ловле жемчуга.

— Ракушка не везде водится, — пояснял Иван, — только где река в гранитных берегах бежит, по чистому песку, искать ее надо. Илистого или там мшистого дна или ржавой воды она страсть не любит. И не во всех

речках ее найдешь, только куда семга заходит, там и ракушка водится. Понять невозможно, почему между ними такая связь имеется.

— Прежде то, старики говорят, прибыльнее лов был, оттого будто, что жизнь была праведнее, а жемчужина де только человеку чистой жизни дается. Брешут, конечно, а все-таки правда, что в старину больше ловили!

Дорогой часто он вспоминал про своих отца и деда, знаменитых в свое время ловцов в крае.

— Тебе матрос набрехал, что мы староверы и чужими людьми брезгуем, — наша семья совсем не такая. Правда, что отцы старой веры держались, а только дед и отец в Норвегу ходили, лес сплавляли, рыбой и жемчугом с норвегами торговали и много от чужих людей ума набрались. И к нам норвеги приезжали и у нас останавливались.

— Дед мой с норвежским купцом, по прозвищу Багге, дела вел — жемчуг ему сдавал. Так вот этот самый купец научил деда, как искусственно жемчуг разводить.

Сказывают, один очень ученый швед тому купцу этот секрет за 500 червонцев продал.

Тут Андрею припомнились упоминаемые в научной литературе сведения о том, что известный шведский натуралист Карл Линней в 1761 году предлагал шведскому правительству приобрести у него секрет искусственно вызывать у ракушек образование жемчуга; за отказом правительства Линней продал потом этот секрет за 500 червонцев купцу Багге. Эти коротенькие указания в литературе, как помнил Андрей, всегда заканчивались словами, что после смерти Линнея его секрет остался неизвестным.

Можно представить себе, как Андрей заинтересовался теперь рассказом своего спутника. Он буквально закидал его вопросами о том, что делал покойный дед с ракушками, какие операции производил над ними, но Иван не мог ему сообщить ничего положительного.

— Не знаю, мал был и не интересовался я тогда этим делом, помню только, что дед своих ракушек отсаживал в особую заводь посередь реки над самым порогом, куда праздному человеку добраться трудно. Говорили тогда, что много лет надо ждать, чтобы крупный жемчуг получился.

*** * ***

Невелик, но страшен порог Белый на реке Кеми. Река в этом месте съуживается в своих гранитных берегах и с громадной быстротой течения

набрасывается на четыре ряда каменных зубцов гранитных скал и камней, пересекающих ее русло.

Только узкая и неправильная полоса свободного течения остается под самой гранитной стеной берега. Много усилий и ловкости нужно иметь, чтобы провести здесь лодку или сплав леса — малейшее упущение или неловкое движение, и лодка, ударившись в гранитный берег или в один из торчащих камней, неминуемо превратится в щепы.

Гул и рев воды чуть ли не за версту предупреждает путника о приближении к порогу, а шапка белой пены и брызг всегда отмечает это самое страшное место на реке.

В нескольких десятках саженей ниже по течению стоит старая, но еще крепкая постройка Иванова двора.

Наших путников встретила сестра Ивана. Она оказалась высокой и стройной девушкой, по раскольничьему обычаю, скромно одетой во все черное. Из-под туго повязанного белого платка, закрывавшего большую часть лба, смотрели глубокие и чуть чуть печальные глаза девушки.

Появление «чужака» было, повидимому, событием в их доме, и во время ужина и в последующие дни Андрей не раз чувствовал на себе пристальный взгляд темных глаз, скромно потуплявшихся, как только он поворачивал голову.

На следующий день стали обсуждать вопрос о начале лова.

Немедленно приступили к постройке плота, выбрав для этого удобное место повыше порога.

Через несколько дней плот был закончен и оборудован всеми приспособлениями для лова. Плот был небольшой, с расчетом на то, чтобы он мог свободно выдержать тяжесть двух человек и некоторые припасы.

На одном конце плота выдолбили четырехугольное окошко и рядом с ним круглую дыру, в которую вставили берестяную трубку. В эту трубку ловец, лежа брюхом на плоту, должен был разглядывать ракушек на речном дне, а через четырехугольное отверстие доставать их сачком или вилкой, представляющей собою палку, расщепленную на конце.

На другом, кормовом конце плота устроили упор, в который вставляется длинное весло для управления плотом. К этому упору иногда привязывается якорь или просто тяжелый камень, чтобы в нужных местах задерживать движение плота.

Когда все было готово, Андрей словно обезумел от нетерпения. Он уговорил, наконец, Ивана спустить плот на воду и, если еще рано начинать правильный лов из-за высоты воды, то хотя попытаться пробраться на середину реки и осмотреть таинственный затор у камней, где дед делал

свои опыты искусственного получения жемчуга.

— Свернем себе шею на таком течении, — ответил Иван, — ну, да ладно, попытаемся, — и ловцы, захватив берестяную корзину, двинулись в опасное плавание… Миновать стремнину берегового весеннего течения было подвигом даже для искусного Ивана. Остановить быстро несущийся по течению плот у камней затора удалось только при нечеловеческих усилиях обоих ловцов.

Наконец, плот был крепко привязан к камням над самым затором посредине реки, и Андрей с жадностью прильнул глазом к берестяной трубке, чтобы высмотреть заветные сокровища речного дна.

Андрей с жадностью прильнул к берестяной трубке, чтобы высмотреть сокровищана дне.

Дно в этом месте было как бы огорожено барьером камней, представлявших подобие неправильной формы ящика с песчаным дном и каменными стенками. На песке Андрей ясно различал крупные раковины перловиц. Длинной вилкой он нацеливался через квадратное окно на плоту в наиболее крупные, неправильные и уродливые раковины, помня, что уродливость — признак сильного разростания внутри моллюска жемчужных образований.

Расщепленная палка в неопытных руках студента никак не могла захватить ракушку, и Андрей вскочил на ноги, чтобы принести с другого конца плота более удобный для него сачок.

В этот момент сильный удар потряс привязанный плот, сбил студента с ног и опрокинул в реку. Оказалось, что увлекшись началом лова, молодые люди не заметили несшегося на них с громадной силой тяжелого соснового кряжа, с размаха ударившего плот.

Мгновение — и студент скрылся под водой, затем снова появился на поверхности и, ударившись о встречный камень, на секунду задержался у него, сразу потеряв сознание.

Этой секундной задержкой воспользовался Иван: он багром зацепил за платье товарища и притянул его к плоту.

Иван багром зацепил за платье студента…

Опоздай Иван на одно мгновение, и порог Беглый, бушевавший рядом, получил бы свою жертву.

— Домой? — спросил, придя в себя., Андрей.

— Да! Не след было и пытаться в это время, — хмуро ответил Иван, и оба ловца, напрягая усилия и борясь шестами с течением, поведи плот *к* берегу.

После этого случая Андрей надолго слег в постель от тяжелой простуды и нервного потрясения. Он лежал в жару и в забытье метался и бредил о жемчуге. Весь уход за больным приняла на себя сестра Ивана, занятого целыми днями починкой лодок и сетей для предстоящего летнего лова рыбы. Она целый день проводила у постели бредившего юноши,

меняла у него на горячей голове мокрое полотенце и поила теплыми отварами. Андрей бредил о жемчужинах и чувствовал чье то ласковое прикосновение, чей то ласковый голос. И большие, переливающиеся радужными цветами, призраки жемчужин вдруг бледнели и принимали в его горячем мозгу облик женщины. Темные глубокие глаза сестры Ивана смотрели на него, как через стекло, сквозь тонкий перламутровый слой каждой жемчужины.

Очнувшись впервые, он был настолько слаб, что не мог открыть глаз, а только издал тяжелый стон. В ту же минуту он почувствовал прикосновение к своему лицу женских рук и поцелуй губ на горячем лбу.

Девушка считала его все еще лежащим без сознания, она тоскливо прошептала над ним: — Опять бредит и все об одних только жемчужинах!..

Андрей открыл глаза, привлек к себе девушку и сказал ей: — Я нашел тебя, моя драгоценная жемчужина, и здесь, около тебя я полюбил скромно скрытые и никому неизвестные богатства моей Великой Северной Страны.

«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ»

Рассказ К. Фезандие
С английского.

V
ТАЙНА ВЫМЕРШЕГО МИКРОБА

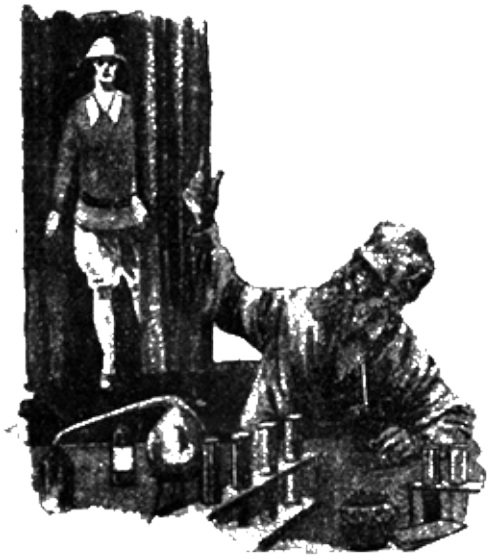
От автора

История сохранила для нас память об ужасных эпидемиях, которые в прежние времена иногда опустошали землю. Даже в последние годы нас постигали эпидемии холеры, менингита и т. п., и нельзя предвидеть, когда и где появится бич еще более ужасный, чем все уже известные. У человечества существует один, и при том самый опасный враг — это микроб, и если мы не будем вполне вооружены для борьбы с ним, то эти микроскопические существа грозят смести с лица земли весь род человеческий. К счастью, ученые вполне отдают себе отчет в этой опасности. Институт Листера в Лондоне имеет около полутора тысяч культур различного рода микробов, и к ним почти ежедневно прибавляются новые разновидности. Там исследуют не только микробы болезней, но и полезные для человечества бактерии, — те, без содействия которых человеческая жизнь на земле была бы невозможна, ибо микробы не только наши злейшие враги, но они в то же время и наши лучшие друзья!

Глава I

— Пэп. — сказал доктор Хэкенсоу, — не хотите ли вы проехаться со мной на короткое время в Африку?

— Конечно, хочу, доктор, — радостно ответила Пэп Перкинс, так как она всегда была готова отправиться в любое путешествие. — Но в чем дело? Не отправляетесь ли вы на охоту?

— Да, Пэп. Я отправляюсь на охоту за зверями более опасными, чем львы и тигры — на охоту за микробами.

— Неужели? — изумленно воскликнула Пэп. — Разве недостаточно с вас микробов здесь, в Нью-Йорке? Я читала где то, что каждый бумажный доллар покрыт миллиардами микробов. Разве для того, чтобы достать бумажный доллар, необходимо ехать в Африку?

Доктор Хэкенсоу засмеялся.

— Сказать вам правду, Пэп, — ответил он, — я человек завистливый. У меня, в моей бактериологической лаборатории, как вы знаете, есть отличная коллекция микробов, больше тысячи разновидностей. Но в Англии есть научное общество, обладающее еще большим собранием микробов, чем я. И вот я уверен, что на востоке существуют тысячи неизвестных еще микробов, и я хочу раздобыть некоторые из них. Кроме того, мне предложили купить несколько настоящих древних египетских мумий, и я решил завтра отправиться к пирамидам на моем аэроплане «Хуши». Если у вас есть свободное время, то вы можете поехать со мной.

— Доктор, — сказала Пэп. — Я на днях читала в одной газете, что муха, залетевшая в столовую, много опаснее бенгальского тигра.

— Ну, и что же?

— Ну, и я держу пари, что если человеку, написавшему это, предложить на выбор две столовых, при чем в одной будет десять тысяч или больше мух, а в другой живой тигр, то я могу точно сказать, какую столовую он выберет, — долго колебаться он не станет!

Доктор Хэкенсоу снова засмеялся.

— В некотором отношении вы правы, Пэп, — сказал он, — и все таки

опасный микроб способен причинить больше вреда, чем любой тигр. Английское научное общество, о котором я вам говорил, рассылает отдельные экземпляры микробов другим исследователям для изучения, но некоторые разновидности настолько опасны, что оно не решается выпустить их из своих рук. Так, например, оно прекратило разводку бациллы, вызывающей болезнь, похожую на заражение крови, хотя и редко оканчивающуюся роковым исходом для человека, потому что бацилла эта так вирулентна, что нельзя доверить ее обыкновенному бактериологу.

— Доктор, — сказала Пэп, — не говорили ли вы мне как то, что если погрузить иглу в кровь больной ткани, то на острие ее получатся миллионы разнообразных микробов?

— Да, говорил.

— Так каким чудом можете вы отдалить их друг от друга и выбрать из всей массы именно тот микроб, который вам нужен? Предположим, что там тысячи разновидностей и тысячи различных зародышей — каким способом можно выловить именно то, что вы хотите?

Доктор Хэкенсоу улыбнулся.

— Разрешить эту задачу было не легко, — объяснил он. — Работа эта была гораздо тяжелее той, которая выпала на долю принцессы в старинной волшебной сказке. Как вы помните, злая мачиха высыпала на землю репное семя и просо, хорошенько смешав одно с другим, и заставила принцессу отделять их друг от друга. Молодая девушка с успехом справилась со своею задачей, но ей помогали муравьи. Бактериологу же были бы бессильны помочь и муравьи, ибо микроб бесконечно меньше репного семени.

— Но как же все таки он ухитряется делать это? — настаивала Пэп.

— Для современного делового человека не представило бы никакого затруднения отделить репное семя от проса. Для этого он воспользовался бы ситом, или веялкой, которая отделила бы более легкие зерна от более тяжелых, или центрофугой, или чем нибудь подобным. Но в распоряжении биолога нет таких средств. У него на острие иглы несколько миллионов невидимых разнообразнейших микробов, и из этой невидимой массы он должен выделить один единственный микроб, — положим, бациллу малярии, — чистую культуру которого он хочет получить.

— Затея, повидимому, безнадежная! — заметила Пэп.

— Да, а между тем это очень просто, если знать, как приняться за это. Бактериологу следует только взять некоторое количество дистиллированной воды, вскипятить ее так, чтобы все бактерии были убиты, и тогда с соответствующими предосторожностями впустить туда каплю крови. Затем, он трясет сосуд до тех пор, пока микробы капли крови

распределятся по всей жидкости. Тогда каждая капля воды будет содержать только около миллиона микробов. После этого он берет на чистую иглу каплю этой жидкости и вводит эту каплю в другой сосуд с дистиллированной водой. Встряхнув этот сосуд, он получит в каждой капле воды, положим, только тысячу микробов. Продолжая эту процедуру он достигнет того, что только одна капля воды из сотни будет содержать всего несколько микробов, а затем только один микроб, или, может быть, два или три, соединившихся вместе. Задача биолога теперь почти решена. Он кладет большой лист стерилизованной пропускной бумаги, и в стерилизованном воздухе начинает лить струю волы на бумагу, каплю за каплей, на некотором расстоянии одна от другой. Что получится? Капли воды, в которых нет микробов, не изменятся. Капли, которые содержат только один микроб, будут увеличиваться и образуют чистую культуру этой разновидности. В тех каплях, в которых содержатся два или три микроба, получится нечистая культура и их нужно снова расчленять. Это. конечно, описание процедуры в общих чертах, но вы понимаете, что для исследователя не представляет затруднения получить чистую культуру малярийного микроба, отделив се от общей массы на бумаге.

— По истине, это гениально! — воскликнула Пэп — и так просто в конце концов! Ну, я ухожу и буду готовиться к путешествию. Нужно ли мне взять с собою денег?

— Да, — сказал доктор Хэкенсоу. — Нужно, судя по прошлому опыту. Я посоветовал бы вам даже взять побольше денег.

Глава II

— Ну, Пэп, какого вы мнения об Египте? — спросил несколько дней спустя доктор Хэкенсоу, глядя на пирамиды из своей биологической лаборатории. Ассистенты его наняли для него дом в Каире и, когда он прибыл с Пэп на аэроплане, все оборудование было уже закончено.

— Он ужасен! — ответила Пэп. — Я не встретила ни одного привлекательного молодого человека, здесь вообще нет холостых, — все женаты! Надеюсь, что вы скоро окончите вашу охоту на микробов, и мы сможем вернуться домой.

— Мои ассистенты нашли уже здесь целый ряд новых микробов. Пойдемте, посмотрите на мои мумии. Мой проводник уверяет, что среди купленных мною есть древнейшие экземпляры. Я как раз только что осматривал их и пришел к убеждению, что люди пять тысяч лет назад

страдали многими такими же болезнями, как и мы, так как на костях и покровах их еще видны следы этих болезней. Тогда уже существовали хронический артрит, представляющий собою ревматизм суставов, так же и инфекционные заболевания зубов и туберкулез спинного хребта. Я хотел бы найти уцелевшую с древних времен бактерию, чтобы сравнить ее с современной.

Не легко производить исследования над затвердевшими покровами и хрупкими органами мумий, но покойный сэр Марк Арманд Руфер доказал с помощью микроскопического исследования, что бактерии существовали в старину, и что древние Египтяне были подвержены болезни почек. Все говорит за то, что пневмония, чума, малярия и, вероятно, даже оспа существовали три тысячи и более лет назад.

С мумий сняли одежды, в которые они были завернуты, и разложили их на столе посередине комнаты. От них отрезали несколько кусков и положили их в раствор, чтобы они размякли в целях более удобного исследования.

С мумий сняли одежды и разложили на столе посредине комнаты.

— Кстати, доктор, — воскликнул молодой ассистент, — мы нашли в гробнице одной из мумий странную вещь: великолепно разукрашенную глиняную вазу, герметически закрытую. Вот она. Что в ней находится по вашему мнению?

Доктор Хэкенсоу с интересом стал осматривать находку. Это была небольшая ваза, украшенная с большим вкусом. Кроме того на ней было

несколько иероглифов, которым, однако, доктор не придал значения.

— Я читал, Пэп, — сказал он, — что в египетских гробницах находили так хорошо сохранившиеся семена, что после нескольких тысяч лет они давали ростки. Я никогда не доверял особенно этим рассказам, хотя нет никаких оснований считать это невозможным. Однако, для микроба кажется немыслимым так долго сохранять свою жизнеспособность. Любопытно, что мы найдем в этой вазе. Несомненно, что нибудь интересное.

— Почему нам не открыть ее и не посмотреть? — задала прозаический вопрос Пэп.

— Вот, действительно, хорошая идея, — согласился доктор, и с большой предосторожностью раскопал смолистое вещество, прикрывавшее отверстие вазы, и обнаружил высохшее человеческое сердце.

— Ничего интересного, — сказал доктор. — Вероятно, это сердце какого нибудь египетского царя или вельможи. Хотел бы я знать, нет ли чего нибудь более интересного в смоле, которой замазано отверстие вазы. У меня большое желание исследовать ее и посмотреть, не содержится ли в ней какая нибудь еще живая спора давно минувших дней. Попытка вреда не принесет.

И оставив Пэп с молодым ассистентом, доктор взял кусок похожего на амбру вещества, отнес его в лабораторию, отрезал маленький кусочек из середины и распустил в жидком растворе. Недели две — три он продолжал эту процедуру, и, наконец, в один прекрасный день он торжествующе позвал Пэп.

— Эврика [2])! — воскликнул он. — Я нашел. Мне удалось открыть почти доисторический микроб, подобного которому до сих пор никто не находил. Эта разновидность повидимому, вымерла, но несколько спор застряли в смоле и сохранили свою жизнеспособность в течение трех или четырех тысяч лет. Если вы будете рассматривать мои культуры под микроскопом, то вы увидите, что эта разновидность имеет несколько треугольную форму, но углы грубо обрисованы и получается в действительности шестигранная фигура. Работы моих ассистентов увенчались поразительным успехом, и теперь у меня достаточно культур, чтобы приступить к новым исследованиям!. Я назвал этот новый микроб Bacillus Tintogeles. Сегодня утром я привил мой новый микроб собаке; но, к несчастью, после операции собака убежала. Я искренно надеюсь, что, если мой микроб вызывает заболевание, то болезнь эта не заразительна. Иначе все собаки Каира могут пасть жертвой ее.

К несчастью, болезнь была заразительна, и притом в высшей степени

заразительна. Не прошло и недели, как среди египетских собак разразилась эпидемия. Странная сыпь появилась у них на теле при сильной лихорадке. И, что еще хуже, эпидемия перешла на людей, и жертвами ее сделались мужчины, женщины, дети. К счастью, рокового исхода это не имело, но многие были при смерти, и выздоровление шло очень медленно.

Доктор Хэкенсоу чудом избежал заражения, хотя он день и ночь работал, изучая жизнь нового микроба и его действие на человека и на животных. Эпидемия распространялась все шире и шире, и опустошения, причиняемые ею, заставляли вспоминать о бичах, постигавших человечество в старину.

Пэп не покидала доктора, готовая исполнять его поручения, и ей поверял он свои думы.

— Должно существовать какое нибудь лекарство против этой болезни, — говорил он, — и на мне лежит обязанность найти его, так как я виновник неучастия. Но я, кажется, испробовал все методы, известные науке для борьбы с болезнями, и, повидимому, все напрасно. Лекарства, как видно, бессильны. Конечно, такие антисептические средства, как карболовая кислота, двухлористая ртуть и т. п. способны уничтожить отдельные микробы, как они убивают различные бациллы других болезней, но они, повидимому, не в состоянии (воздействовать на зародышей микробов, глубоко внедрившихся в ткань тела.

— Почему не попробовать прививки? — спросила Пэп.

— Я пробовал. Конечно, было бы опасно прививать живые микробы, но ученые нашли, что прививка мертвых бактерий часто оказывается действительной. Живые бактерии размножаются, распространяются и вызывают ту самую болезнь, которой стараются избежать. Дженнер, прививая телячью оспу, употреблял более слабый микроб, чем тот, который вызывает человеческую оспу, побежденную Дженнером. Пастер ослаблял бактерии, подвергая их действию воздуха. Он нашел, что при собачьем бешенстве, сопровождаемом водобоязнью, если выставить на воздух на два или три дня зараженные спинные нервы, то бациллы ослабнут и, будучи привиты, вызовут только незначительный приступ водобоязни. Пользуясь сначала этими ослабленными бациллами, а затем все более и более сильными, он достигал иммунитета даже против самых вирулентных микробов у кролика или у собаки. Он, действительно, открыл способ увеличивать вирулентность микроба, ибо он нашел, что по перенесении болезни от одной собаки к другой, микроб будет более вирулентен у второй собаки, чем у первой.

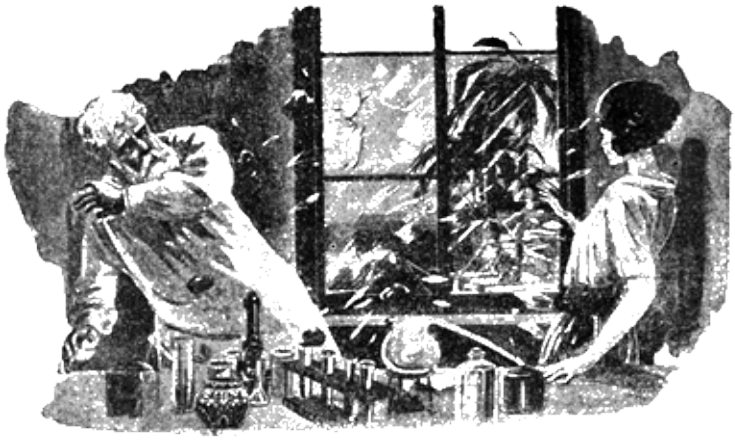
Вы должны знать, Пэп, что когда микробы попадают в тело здорового

человека, то тело старается изо всех сил защитить себя от них. Оно прилагает все усилия для того, чтобы локализовать болезнь, не дать ей распространиться. Угри, прыщи и всякая иная сыпь ничто иное, как тюремные камеры, придуманные Природой для заключения микробов, освободиться от которых у нее нет других средств. Затем существуют фагоциты или белые кровяные тельца, которые нападают на вторгшиеся в тело микробы и поедают их. Фагоцитам помогают опсонины, которые ослабляют микробов и заставляют их легче поддаваться поглощению фагоцитами, а также аглутинины, которые способствуют сростанию микробов в группы и таким образом препятствуют им проникать в кровеносные сосуды. Наконец, идут антитоксины, назначение которых состоит в том, чтобы обезвреживать яды, выделяемые микробами.

Микробы открыты наукой сравнительно недавно — никаких реальных данных о них не существовало до опытов Пастера в связи с водобоязнью. Но Природа знала о них уже сотни и тысячи лет тому назад и с незапамятных времен пользовалась антитоксинами для борьбы с ними. Природе, вероятно, известны многие вещи, о которых мы узнаем только в отдаленном будущем, через сотни и тысячи лет.

Из всего изложенного вы легко поймете, что когда микроб вторгается в тело, сразу раздается как бы тревожный сигнал, и все враждебные микробу силы набрасываются на непрошенного гостя. В настоящее время установлено, что даже мертвый микроб, введенный в тело, вызывает такую реакцию. Из чего мы можем с полным основанием заключить, что это процесс механический или химический — вернее, последний. Во всяком случае, эти мертвые микробы очень подходящи для целей прививки и совершенно безопасны, ибо не вызывают заболевания. Но для борьбы с новой эпидемией они, повидимому, не годятся. Тело было так долго свободно от воздействия этого особого вида бацилл, что оно уже не реагирует на нее, пока она находится в стадии зародыша, и болезнь беспрепятственно распространяется по всем тканям тела. У меня остается одна последняя надежда. Это…

Доктор остановился. Снаружи донесся сильный крик и гул — толпа арабов собралась перед зданием лаборатории. Они каким то образом узнали, что виновником эпидемии является доктор, и теперь бросали камни в окна и вопили о мщении.

Толпа арабов бросала камни в окна лаборатории и вопила о мщении.

— Нам следует скорей спасаться отсюда, Пэп, — воскликнул доктор Хэкенсоу. — Живее, достаньте у вашей служанки ее арабское платье и самое густое покрывало, а я возьму у своего слуги арабскую одежду. Мы проберемся задним ходом к ангару. Надо только попасть на наш аэроплан «Хуши», а улетев отсюда, мы сможем найти спокойное место, где я буду в состоянии продолжать свои исследования. К счастью, арабская одежда достаточно широка для того, чтобы спрятать под нее кое-что. Я могу унести с собою мою вазу и мои пробирные трубки и никто не догадается об этом.

Так они и сделали, и обоим им удалось незамеченными проскользнуть задним ходом. Выбравшись на улицу, они смешались с толпой. Не нужно было быть особенно наблюдательным, чтобы узнать, что это не арабы. Однако им удалось без особых затруднений добраться до ангара, приготовить аэроплан к полету, и скоро они очутились за много миль.

Доктор и Пэп ускользнули под видом арабов…

Только достигнув острова Мальты, доктор остановил аэроплан и спустился на землю. Там нанял он помещение и с неослабным рвением стал продолжать свои исследования.

Уже несколько лет, как доктор Хэкенсоу производил опыты, стараясь выработать искусственные антитоксины и другие химические противоядия по образцу естественных продуктов, найденных в человеческом теле. Все эти попытки оказывались до сих пор безуспешными, и теперь не время было заниматься такими исследованиями.

— Не может быть речи даже и о серуме, Пэп, — сказал он ей однажды.

— А что такое серум?

— Серум — это то, что мы можем назвать вакциной, только привитой животному, а не человеку. Вы не подвергаетесь при этом никакой опасности, но пользуетесь результатами вакцины. Животное заражают болезнью, и оно начинает вырабатывать антитоксины и т. п. В серуме его крови появляются противоядия, и если впрыскивать этот серум в ваше

тело, то получается такое же действие, как если бы вы сами вырабатывали его. Отрицательная сторона только та, что запасов его не хватает на долго — вам приходится вспрыскивать новый серум. Но с другой стороны, вы не подвергаетесь никакому риску.

— Так почему же не попробовать получить серум?

— Я пробовал, но животные, также как и люди, не реагируют на этот серум. У меня теперь осталась только одна надежда. Этот ужасный микроб существовал на земле тысячи лет тому назад и теперь, однако, вымер. Что погубило его? Очевидно, какой то враг — вернее всего какой нибудь другой вид микроба. А если это так, то, по всей вероятности, в закрытой вазе должны сохраниться некоторые экземпляры этого вида. Мне необходимо найти их.

Это предположение было весьма правдоподобно, нужно было проверить его, и доктор принялся за разводку культур всех видов микробов, какие он только мог отыскать в старинной вазе. И каждый вид он поочереди помещал вместе с живыми экземплярами микроба Bacillus Tintogeles. В конце концов он добился успеха.

— Пэп! — закричал он. — Наконец то! Я нашел противоядие против болезни. Я нашел микроб, который уничтожил Bacillus Tintogeles несколько тысяч лет тому назад! Победа! Я могу исправить тот вред, который причинил. Но трудно мне это далось! Один человек может причинить столько вреда, что многим тысячам людей будет трудно его исправить. Даже ученый с наилучшими намерениями может оказаться виновником огромного зла. Я понимаю того средневекового военного вождя, который грозно обрушился на химика, предложившего ему взрывчатое вещество, более могущественное, чем порох, и заплатил ему деньги, чтобы он держал свое изобретение в тайне.

Следующие две недели доктор Хэкенсоу всецело был занят разводкой в громадных размерах «Bacillus Pepita», как он назвал новый микроб! К счастью, микробы, как и дрожжи, размножаются с поразительной быстротой, и при благоприятных условиях могут распространиться по всей земле в течение нескольких недель. Большие количества нового микроба были отправлены в Египет, где они были так необходимы.

Как по волшебству, эпидемия прекратилась, и те, которые были больны этой странной болезнью, начали быстро поправляться.

— Дорогая моя Пэп, — сказал доктор Хэкенсоу. — Не могу вам передать, как я рад, что дело приняло такой оборот. Но опыт показывает, как необходимо приняться, наконец, за основательную классификацию и тщательное изучение различных видов микробов. К несчастью, наши

правительства находят миллиарды на вооружение и на войну и экономят несколько миллионов, необходимых для таких научных исследований. Конечно, как это ни странно, изучение бактерий приведет к открытию новых болезней, ибо несомненно, что многие виды болезненных микроорганизмов безвредна в настоящее время только потому, что нет благоприятных условий для их распространения. Тем не менее нам следует идти на этот риск, так как микробы — это единственные враги, покорить которых осталось человеческому роду. Ни одно из существующих в настоящее время животных, ни лев, ни тигр, ни какое либо другое дикое животное не в состоянии смести с лица земли человека. Но некоторые виды микробов способны уничтожить все людское племя. Наше единственное спасение в науке. Вооруженные армии бессильны нам помочь. Армия ученых и компетентных бактериологов — вот что необходимо нам!

ОТЧАЯННЫЙ КАПИТАН

Рассказ В. Розеншильд-Наулина

В одно чудное, весеннее утро итальянский военный крейсер бросил якорь в виду выдающейся в море скалы, на которой расположено княжество Монако. По окончании судовых работ по приходе корабля на стоянку, командир крейсера, капитан Ларделли, съехал на берег, где должен был получить адресованную на его корабль почту. В одном из пакетов он нашел предписание получить от итальянского консула в Ницце весьма важные документы, а также миллион франков, отвезти их в Италию и сдать по назначению. Капитан Ларделли немного подосадовал на неожиданное поручение, по делать было нечего, и он с первым-же поездом отправился в Ниццу.

Впрочем, дело окончилось очень скоро: консул вручил ему бумаги и деньги, взял с него росписку и Ларделли сейчас же вернулся в Монте-Карло, потратив на всю поездку не более трех часов.

До ухода крейсера времени было довольно, торопиться не было надобности, и потому Ларделли, порядочно проголодавшийся, зашел позавтракать в один из многочисленных ресторанов, окружавших казино.

Погода была прекрасная, солнце яркими лучами озаряло красивый сад с чудными пальмами и нарядными цветниками; вдали виднелось море, спокойная поверхность которого сверкала ослепительным блеском.

Ресторан был переполнен элегантной публикой; весело звучали скрипки румынского оркестра, и Ларделли, любуясь всей этой оживленной картиной, чувствовал себя веселым и счастливым.

Прихлебывая вино из граненого стакана, он предавался самым радужным мечтам.

Сегодня вечером крейсер снимется с якоря, придется зайти еще в несколько портов, а затем — и конец плаванию. Тогда он немедленно поедет в Венецию, где увидит свою невесту — красавицу Лучию, единственную дочь представителя старинного венецианского рода, графа Руджиери.

Долго не соглашался гордый и богатый граф отдать свою дочь за скромного моряка, но, наконец, уступил ее мольбам. Теперь вопрос этот решен окончательно и назначен даже день свадьбы. Ларделли стал мечтать о своей невесте, о ее черных глазах с бархатным ласкающим взглядом и о чудных ее волосах золотистого оттенка.

Потом мысли его перешли на службу, — и здесь ему улыбалось счастье, — начальство оценило его и по возвращении он должен был получить назначение на довольно высокий пост в морском министерстве.

С этими мечтами он вышел из ресторана и, насвистывая какой-то веселый мотив, направился к морю, чтобы возвратиться на крейсер.

Проходя мимо игорного дома, он на минуту остановился. У входа толпилась самая разношерстная публика, — слышались восклицания на разных языках, — казалось, что здесь сошлись представители наций всего мира. Ларделли не был игроком, но, иногда, в свободное время, любил поиграть в бакара или макао. Взглянув на часы, он увидел, что еще не поздно и решил зайти на несколько минут и попытать счастье. У него в кармане было около двух тысяч лир собственных денег. — Кто знает, — подумал он, — может быть я выиграю с десяток тысяч франков, — и куплю тогда Лучии тот браслет с рубинами и бриллиантами, который видел только-что в витрине одного из магазинов. Вместе с толпой он вошел в казино. Хотя игра только что началась, все столы были облеплены игроками, так-что он едва протолкался к одному из столов с рулеткой. Вспомнив о черных глазах Лучии, он бросил несколько монет на черный квадрат и через минуту крупье выкрикнул: — «черный…» Ларделли получил удвоенную ставку. Тогда он поставил на № 19, — девятнадцать — было число лет его невесты, — и…. вышел № 19, ему вернули в тридцать шесть раз больше. Он начал увеличивать ставки, несколько раз проигрывал, но, по большей части, выходили те номера, на которые он ставил, так-что через некоторое время перед ним лежала уже порядочная куча денег. Он увлекся игрой, занял освободившееся место и продолжал играть, постепенно увеличивая ставки. Однако, ему уже не так везло, несколько раз он проигрывал, но, желая пересилить эту полосу невезения, продолжал

игру. Не может быть, — думал он, — чтобы это долго длилось, я чувствую, что сегодня я должен выиграть, это только временная неудача и счастье сейчас вернется ко мне. Однако, лежавшая перед ним куча денег быстро таяла и скоро от нее не осталось ни одного сантима. Ларделли вынул свой бумажник, чтобы достать оттуда еще денег, но увидел, что и там пусто. Ему стало страшно досадно Как раз у него явилась новая комбинация, он был убежден, что теперь, наверно, выиграет и не мог простить себе, что не взял с собой трех тысяч лир, которые у него остались на крейсере. Но делать было нечего, приходилось уходить. Он уже собирался встать, как вдруг вспомнил о полученном им сегодня миллионе франков. — Что же, — подумал он, — возьму из этой суммы три тысячи, если проиграю, вернусь немедля на корабль и пополню позаимствованное, а может быть и выиграю… Достав пакет с казенными деньгами, он отсчитал три тысячи франков и поставил их на № 23. Двадцать три — было то число, на которое была назначена его свадьба.

Лежавшая перед капитаном куча денег быстро растаяла…

С затаенным волнением смотрел он на быстро вертящееся колесо рулетки. Вот оно начинает вертеться все медленнее и медленнее, видно, как прыгает шарик по перегородкам… вот оно остановилось… — «23»… — крикнул крупье. Ларделли не верил своим ушам, — он выиграл тридцать

шесть тысяч франков. Но дальше пошло значительно хуже, выигрыши выходили маленькие, проигрыши были большие; от выигранных тридцати шести тысяч давно уже ничего не оставалось, но Ларделли, ни о чем не думая, брал все время из пакета с казенными деньгами, с какой то упрямой уверенностью ожидая, что с минуты на минуту счастье возвратится к нему…

Через полтора часа он выходил из казино… Во рту он чувствовал горечь, в висках стучало, в голове была какая-то пустота… От миллиона казенных денег не оставалось ни франка… Он шел по саду без определенной цели, думая лишь о том, что неправильно играл: — «зачем было ставить на четыре номера, когда надо было просто поставить на номер, а затем играть на дюжины или на колонки… нет, или лучше…» И он снова начинал обдумывать разные игры.

Между тем почти совсем стемнело. В саду зажглись большие электрические фонари, а на темном небе загорелись бесчисленные звезды; повеяло прохладой. Жаркий день сменился теплым, тихим вечером… Ларделли сел на скамейку и понемногу стал приходить в себя. Но чем более он успокаивался, тем более отчетливо рисовался ему весь ужас его положения. Пополнить растраты он не сможет, так как все его состояние не достигнет и десятой доли проигранной суммы. Через несколько дней все обнаружится. Его отдадут под суд и присудят… Но не все ли равно к чему его присудят… Довольно того, что доброе имя его будет замарано навсегда; так улыбавшаяся ему служебная карьера окончена; но самое ужасное и ничем непоправимое — это любовь к Лучии, к его дорогой, златокудрой и черноокой Лучии… Разве согласится когда-нибудь старый гордый граф отдать свою дочь за преступника… Да и она сама… захочет ли она знать человека, который опозорил себя, который так надсмеялся над ее любовью. Да, жизнь его разбита бесповоротно, и будущее, кроме горя и позора, ничего не сулит ему… Но, к счастью, есть еще один исход, — на крейсере, в его каюте, лежит заряженный револьвер. Приставить его к виску, нажать гашетку… и в одно мгновение все кончено; ни страданий, ни угрызений совести, ни бесплодных сожалений…

Ларделли встал и раза два прошелся взад и вперед по площадке, чтобы окончательно успокоиться и вернуть себе самообладание.

Но как ни старался он утвердиться в принятом решении, он не мог помириться с мыслью о самоубийстве. — За что? — думал он, — я, еще утром веселый и счастливый, из-за какого-то глупого увлечения должен покинуть этот мир, где все мне так улыбалось!

Ведь это бессмысленно, противоестественно. Прежде средневековые

рыцари грабили проезжавших около их замков, но их и называли разбойниками… А теперь? Разве не происходит тоже самое? Ведь это тот же грабеж. Только способы ограбления стали более утонченными. Это те же разбойники, только нет на них управы, нет способа укротить их алчность. Золото! Золото!.. Велика твоя власть и нет силы, которая могла-бы противиться тебе. Как нет силы, — думал он через минуту, — а вот сейчас, в виду этого разбойничьего вертепа, этого капища золотого тельца, разве не находится такая сила — мой крейсер, с его 12-ти дюймовыми орудиями? Стоит мне отдать приказ открыть стрельбу, и через несколько минут от этого величественного здания не останется камня на камне… Куда-же, золото, денется твоя сила, и что останется от твоей власти?! Им овладела какая-то тупая ярость, затуманившая его сознание. Отомстить им, этим выродкам цивилизации, наказать за их бездушную алчность и отомстить не только за себя, но и за всех несчастных, погубленных ими.

Его лицо преобразилось… Это не был уже повергнутый в уныние и павший духом слабый человек. Теперь в нем всякий бы узнал доблестного капитана, известного своей смелостью и решительностью всему итальянскому флоту.

Быстрыми шагами направился он к зданию игорного дома и властным голосом приказал первому попавшемуся служителю, одетому в расшитую галунами ливрею, провести его к одному из директоров.

Почтительно поклонившийся служитель повел его по широкой мраморной, устланной коврами лестнице, потом через запасную залу, теперь совсем пустую, остановился перед дверью и понес его карточку к директору, который тотчас же попросил Ларделли к себе в кабинет. Ларделли вошел в просторную, богато убранную комнату, с окнами, выходившими на море. При его входе директор, средних лет толстый господин, сидевший за большим письменным столом, привстал, слегка поженился Ларделли, указав ему на большое кожаное кресло, стоявшее около стола, и любезно спросил:

— Чем могу быть полезным?

Но Ларделли не сел, а резким и внушительным голосом сказал:

— Я командир итальянского крейсера, который сегодня утром пришел сюда…

— Как-же, как-же, — прервал его директор, — мы уже любовались вашим прекрасным судном и приветствовали приход его в наши воды…

— Не прерывайте меня, — остановил его Ларделли, — сегодня утром я прибыл сюда, а днем играл в вашем казино в рулетку и… проиграл миллион франков.

— О!.. — воскликнул директор, — миллион — это большая сумма.

— Да, — подтвердил Ларделли, — миллион франков. Но, хуже всего, что эти деньги были не мои, а казенные…

Директор развел руками, как бы желая показать, что он вполне сочувствует, но — что это не его вина, и хотел что-то сказать.

Но Ларделли не дал ему произнести ей слова и резким, прерывающимся от волнения, голосом продолжал:

— Вы понимаете, что значит проиграть миллион казенных денег!.. Понимаете, что я теперь погиб… Все кончено для меня… Я возвращусь на крейсер и застрелюсь… Но, перед тем, чтобы застрелиться, прикажу бомбардировать казино… Из двенадцати-дюймовых орудий.. Понимаете?.. Через десять минут от вашего разбойничьего гнезда остается одни обломки… Все будет разнесено… камня на камне не останется… Жертв я не хочу, не хочу, чтобы погибли невинные… Распорядитесь скорей очистить здание.

При этих словах директор подскочил из своего кресла, и даже лысина его покраснела.

— Вы шутите капитан, — сказал он, задыхаясь от внезапно охватившего его волнения.

— Какие ту! шутки, чорт возьми!., до шуток ли мне теперь!.. Говорю вам: торопитесь очистить здание… Или, может быть, вы думаете, что меня не послушают. Ну, так вы не знаете, что значит дисциплина на военных судах… Будьте спокойны, приказ мой будет исполнен в точности…

— Но, monsieur, — вскричал директор, — вы сумасшедший. Я позову людей, я велю вас арестовать, я…

— Перестаньте, — возразил Ларделли, — кто вам поверит? Вот тогда я скажу, что пошутил, и над вами-же будут смеяться. А я вернусь на крейсер и все-таки открою стрельбу.

— Но вы ответите… это ведь преступление… вас…

— Довольно, — крикнул Ларделли, — ничего я не боюсь, все равно пущу себе пулю в лоб, пусть делают потом, что хотят… благодарите, что я еще вас предупредил…

И с этими словами он повернулся и направился к двери.

— Постойте, — остановил его директор, — погодите, нельзя-ли придумать что-нибудь, найти какой-нибудь выход… ведь невозможно же, в самом деле, допустить…

Ларделли остановился около дверей.

— Нет, — сказал он, — это решение бесповоротно… впрочем… — задумался он на мгновение, — пожалуй, есть выход, — отдайте мне сейчас

миллион франков, немедленно, сейчас-же. Тогда я пощажу ваш притон.

— Monsieur, — жалобным тоном простонал директор, — но я один не имею даже права сделать это. Нужно созвать других директоров. Наконец, миллион — это огромная сумма!..

— Не желаете? Как угодно, — прервал его Ларделли и взялся за ручку двери.

Его решительность произвела на директора ошеломляющее впечатление. Он как будто потерял в это мгновение способность соображать. Ему мерещились направленные на казино жерла двенадцати-дюймовых орудий… Перед глазами встала картина ужасного разрушения. — Этот безумец способен на все, — мелькнуло у него в голове, — нужно во что бы то ни стало предотвратить несчастье, какою угодно ценою помешать ему. Он подскочил к Ларделли, схватил его за руку и не проговорил, а скорее прохрипел:

— Стойте, я согласен, получайте миллион франков… и, открыв стоявший тут же большой несгораемый шкаф, вынул него пачку банковых билетов и передал ее Ларделли. Тот наскоро пересчитал деньги, положил их в карман и сказал с насмешливой улыбкой:

Директор казино вынул пачку банковых билетов и передал капитану.

— Благодарю вас, господин директор, можете быть спокойны за участь

вашего заведения, — после чего, слегка поклонившись, вышел из кабинета.

Через некоторое время в директорском кабинете собрались представители администрации рулетки и, перебивая друг друга, стали осыпать толстого директора упреками.

— Вы не имели никакого права делать этого, — кричали одни.

— Даже маленькие суммы выдаются с согласия всех директоров, — подхватил другой, — а тут целый миллион…

— Вы поступили, как неразумное дитя, — возмущался третий, — надо было задержать его под каким-нибудь предлогом и позвать на помощь… Он просто одурачил вас…

— Но, позвольте, господа… — старался оправдаться весь раскрасневшийся толстяк, вытирая платочком свою потную лысину, но ему не давали говорить.

— Хорошо еще, что этот отчаянный капитан потребовал только милион а не двадцать, — сказал один из директоров, флегматичный Поль Жардине, — вы бы, вероятно, и эту сумму ему отдали?..

Неизвестно, чем окончился этот бурный разговор и удалось-ли толстому директору оправдаться, но, как-бы то ни было, вопрос этот в этот момент совсем не занимал капитана Ларделли. Стоя на командирском мостике уходящего крейсера, он глядел на мелькавшие вдали огоньки Монако и Монте-Карло и полной грудью вдыхал свежий морской воздух.

Игорный зал с рулеткой, разношерстная интернациональная толпа, толстый директор — все это точно заволокло каким-то туманом. И из-за этого тумана выплывал образ царицы Адриатики — прекрасной Венеции, и сверкали черные глаза его возлюбленной красавицы-златокудрой Лучии.

Но, когда на следующее утро, проснувшись у себя в каюте, он вспомнил все происшедшее с ним накануне, в глубине его души зародилось какое-то неприятное чувство; что-то мучило его и совесть была неспокойна; и он не мог сказать себе с уверенностью, прав-ли был он, вернув себе с помощью угрозы проигранные деньги, отнял ли награбленное от разбойников, или сам поступил, как грабитель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО КОРОЛЯ

Забытый клочек истории.
Очерк В. Шевгорской.

Многие конквистадоры, самозванцы и авантюристы вписали свои имена в историю. Кортец с горстью испанских смельчаков завоевал Мексику, Пизарро разрушил могущественную империю Инков — Перу. Совсем недавно Сесиль Родс вторгся в свободный Трансвааль и положил начало уничтожению Бурских республик.

Величайший из всех авантюристов, Наполеон Бонапарт, возложил на себя императорскую корону и завоевал пол-Европы; его племянник узурпировал славу завоевателя и под именем Наполеона III-го, «Наполеона Маленького», как назвал его Гюго, почти двадцать лет попирал свободу Франции и привел ее на край гибели.

История пестрит именами лже-царей и лже-пророков от Лже-Камбиза до свирепого Бекельсона, короля Мюнстерского, ужасные подвиги которого относятся к XVI веку, и, кончая Брайгамом Юнгом, который сумел не только создать свою религию, но и основать нечто в роде государства Мормонов.

Эти крупные узурпаторы имели не мало мелких подражателей, из которых некоторые заслуживают внимания по своей сказочной судьбе. Они часто погибали и только один из них, английский моряк Джемс Брук создал царство Саравак на о. Борнео, где и царствует его внук под эгидой Англии.

Большинство из этих беспокойных смельчаков действовали в своекорыстных целях и не увлекались высшими замыслами, ими руководило честолюбие или больное воображение. Таковы были Феодор 1-й, король Корсики, поляк Бенъовский, император Мадагаскара, Марий 1-й, король Седангов: они мало отличались от пиратов. Гарден Гикей, король о. Тринидада, и Иаков 1-й, император Сахары, вряд-ли были нормальными людьми. Адамсу поневоле пришлось стать патриархом о. Питкерна. куда он скрылся с частью экипажа «Баунти», возмутившегося против капитана.

*** * ***

Из массы авантюристов всех времен резко выделяется француз Антуан Орли Тунан, сын зажиточного крестьянина, родившийся в Ля Шезе в Дордонье 12-го мая 1825-го года.

Главной отличительной чертой его являлось полное отсутствие своекорыстия; он был Дон-Кихотом своей идеи и его странная судьба, судьба убежденного республиканца, ставшего королем, очень интересна. Он был авантюристом, но авантюристом благородным, одушевленным горячей любовью к угнетенным и страстным желанием дать свободу и счастье маленькому народцу, который собирались поработить сильные соседи. Своей идее он был верен всю жизнь и совершенно не заслуживает тех насмешек, которыми награждали его соотечественники, «свободные» французы, кричавшие ура другому авантюристу, только что ставшему их императором. Де Тунан никогда не был узурпатором и лавры Наполеона III-го его не соблазняли.

Жан Тунан, отец героя этого очерка, постарался вывести в люди девятерых своих детей и дать им образование. Для этого он бросил сельское хозяйство и сделался мясником в городке. Своего сына Антуана он поместил в контору нотариуса в Перигё. Молодой человек заслужил такое доверие и любовь своего патрона, что тот в конце-концов передал ему свое дело.

Но могло ли быть что нибудь более несоответствующее желаниям и характеру Дон-Кихота XIX века, чем занятия в нотариальной конторе? Совершать закладные, купчие крепости, составлять завещания, протестовать векселя… Могло ли это удовлетворить пылкого человека, фантазия которого витала в далеких странах, где сильный угнетал слабого, где было такое обширное поприще для подвигов?…

— «С самой ранней юности мои глаза не могли оторваться от маленькой южно-американской страны, называемой Арауканией», — пишет про себя Антуан Тунан, — «вся география заключалась для меня в ее широких равнинах, покрытых великолепными лесами»…

Араукания стала его навязчивой идеей; он зачитывался ее историей и в описаниях Великих Путешествий увлекался страницами, посвященными этой стране.

Араукания этого заслуживала. Маленький полу-дикий народец на протяжении веков сумел отстоять свою самостоятельность.

Араукания занимает часть южно-американской республики Чили между р. Био-Био и Тольтецом и населена индейцами Молуче. Когда-то многочисленные, индейцы эти сильно сократились в числе, вследствие постоянных войн за независимость и соприкосновения с европейской «культурой», наградившей их водкой и оспой. Они делятся на несколько племен, управляемых вождями-кациками, и живут хуторами посемейно, занимаясь хлебопашеством, охотой и рыболовством. Число их доходит до

40.000 человек. Нравы арауканцев суровы и цивилизация мало на них повлияла. Поклоняются они Высшему Существу.

Уже владыки Перу, Инки, пытались покорить Арауканию, но это им не удалось. Такая же участь постигла все попытки испанских конквистаторов, только что сокрушивших царство Инков, завоевать эту страну.

Испанский поэт Эрсилла в поэме «Араукания» воспел борьбу за независимость этого свободолюбивого народца и отдал честь их подвигам. Они стоили Испании много крови. Огнестрельное оружие, всегда решавшее дело при соприкосновении европейцев с туземцами всех стран Земли, на этот раз оказалось бессильным против палиц и стрел арауканцев. Пришлось их оставить в покое. В 1773 г. с ними был заключен мир, Испания признала независимость Араукании и предоставила ей право иметь представителя в столице. Республика Чили, основавшаяся на месте прежней испанской колонии, вынуждена была терпеть беспокойное соседство арауканцев, плохо уважавших границы, часто впрочем спорные. Пограничные их набеги беспокоили Чили, но они вызывались часто самой республикой, не оставлявшей замыслов поработить Арауканию. Эта постоянная борьба истощала силы арауканцев и можно было предвидеть, что сильная соседская рука задушит их вековую независимость, и что капиталистические приемы окажутся успешней чисто военных.

Предотвратить эту судьбу и задумал французский мечтатель. Он замыслил из разрозненных индейских племен создать сильную республику, которая смогла бы дать отпор Чилийским посягательствам.

В 1858 г. Антуадо Тунан ликвидировал свою нотариальную контору и на вырученные деньги смело отправился в Южную Америку. Он высадился в Чилийском порту Кокимбо, где и прожил более; года, изучая арауканский язык и знакомясь с новой для него южно-американской жизнью. Повидимому в это же время ему удалось войти в сношения с арауканскими кациками и сговориться с ними. Он встретил в них полное сочувствие своим освободительным планам.

В 1860 г. Тунан впервые перешел арауканскую границу и был радушно встречен туземцами. Но кацики наотрез отказались от республиканского правления.

— «Я увидел, — пишет Тунан, — что арауканцы против республиканского строя, потому что они убедились в том, что в Чили он является синонимом несправедливости».

Вследствие этого республиканец Тунац решил на время пожертвовать своими убеждениями и в интересах задуманного освободительного дела позволил арауканцам, собравшимся на конях в чистом поле, провозгласить

себя королем.

— Вы слабы, — сказал он им, — потому что вы разделились. Соединитесь, и ваши соседи не посмеют посягать на ваши права.

17-го ноября 1860 г. Тунан издал свой первый манифест и объявил в нем себя королем Араукании под именем Орли-Антуана I-го.

Одновременно он огласил конституцию, которая гарантировала народу его права, устанавливала личную свободу и равенство всех пред законом, и налог в пользу государства, сообразный со средствами каждого. Государственный Совет и другие высшие учреждения были основаны тогда же.

Желая быть лойальным в отношении к соседней республике, новый король послал президенту Чили такое письмо.

> Ваше превосходительство!
>
> Божьей милостью мы, Орли-Антуан I-й, король Араукании, честь имеем довести до вашего сведения о нашем восшествии на основанный нами Арауканский престол. Бог да хранит ваше превосходительство.
>
> Дан в Араукании 17 ноября 1860 г.
>
> *Орли-Антуан I-й.*

Три дня спустя король присоединил к Араукании всю Патагонию, по желанию ее жителей, пославших к нему представителей.

*** * ***

Смелость Дон-Кихота вошла в пословицу. Его последователь обладал неменьшей. Твердо уверенный в своем праве, Орли I-й скоро отправился в чилийский город Вальпарайзо для того, чтобы войти в сношения с Францией относительно признания нового строя в Араукании.

Ни от кого не скрываясь, арауканский король жил в Вальпарайзо и Чилийское правительство не сделало никакой попытки арестовать его. В глазах Орли это являлось лучшим доказательством, что Чили продолжает считать Арауканию независимой страной, имеющей право распоряжаться своей судьбой, как хочет.

Попытки добиться признания со стороны Франции не привели ни к чему. Соотечественники видели в бывшем нотариусе только опереточного

короля и пресса истощала на нем свое остроумие. Тунан горько осуждал эту близорукую политику и удивлялся тому, что Франция, пролив реки крови из-за своей колониальной политики, упустила случай бескровно колонизировать богатую, громадную, почти ненаселенную страну. Тщетно пытался Тунан найти и средства, нужные для устройства Араукании, которая сама их не имела по малокультурности.

В декабре 1861 г. Орли I-й вернулся в свое королевство. Никто не препятствовал ему. Из чилийского городка Насимиенто он с одним только слугой Розалесом открыто перешел границу. В течение нескольких недель король объезжал свою страну, везде уговаривая кациков твердо стоять за независимость и прекратить внутренние раздоры. В Кангло он развернул пред толпами араукаццев знамя нового королевства: сине-бело-зеленое и, приветствуемый всеми, произнес горячую речь о свободе и о правах народов на самоопределение. Из Кангло он отправился в Ангол, где и рассчитывал встать во главе 12-ти тысячной армии, что должно было произвести впечатление на Чили, опять нарушившей границу.

*** * ***

Но в Кангло был последний успех короля. Розалес оказался чилийским шпионом и предал короля небольшому отряду, начальник которого имел тайный приказ убить Орли. Присутствие странствующих торговцев спасло его и в качестве пленника он был доставлен в Лос Анжелес.

Восемь месяцев несчастного короля переводили из тюрьмы в тюрьму, несмотря на его протесты. Тунан, конечно, был прав и над ним было совершено возмутительно насилие: независимость Араукании находилась вне сомнений и, провозгласив себя королем по воле арауканцев, Тунан не сделал никакого преступления против Чили. Но на стороне республики было право сильного и оно, как всегда, восторжествовало.

В сентябре 1862 г. верховный суд в С. Яго признал Тунана сумасшедшим и обрек его на пожизненное заточение в больнице. Но вступился французский консул и потребовал выдачи соотечественника. Тунан был отправлен во Францию.

Неудача не убила в нем энергии. Он не оставил мысли о счастье Араукании. Всеми осмеянный на родине, он продолжал свое дело, старался заинтересовать всех судьбой арауканцев, печатал о них страстные статьи, говорил речи. В 1869 г. он вновь отправился в Ю. Америку в сопровождении некоего Планшю, который хотел сыграть в Араукании ту

роль, в которой ему отказала родина.

На этот раз Тунан проник в свое королевство со стороны Аргентины и под чужим именем. Очевидно, что он был очень любим в своей стране: его радостно встретили. Был распущен слух, что Орли расстрелян и поэтому его неожиданное появление было еще большим триумфом. Однако, Чили не на шутку обеспокоилось. Чилийское правительство не гнушалось даже убийством из-за угла, чтобы только избавиться от беспокойного человека, мешающего колониальной политике. Но верные арауканцы крепко берегли своего избранника: они не побоялись ни угроз, ни прямого вмешательства и не выдали Орли I-го.

Но это было напрасным геройством: судьба короля была решена. Никем не поддержанный извне, без всяких средств, что мог он сделать? Измученный физически) и нравственно, он вынужден был тайком покинуть Араукaнию, т. к. его везде подстерегали. Спасшись почти чудом, Тунан в 1871 г. вернулся на родину, не оставив своей мысли. В Марсели он издавал оффициальную арауканскую газету, где пропагандировал свою страну! Но, конечно, в 1871 г. Франции было тем более не до Араукании.

Не теряя энергии, Тунан продолжал служить своей мечте. Только смерть прервала его замыслы. В 1878 г. фанатика не стало. Он умер, завещав родной деревне все свое небольшое имущество.

Такова странная судьба этого человека, осмеянного и непонятого, но трогательного своим горячим желанием придти на помощь угнетенным и сделавшего целью жизни освобождение каких-то индейцев, которых цивилизованные торгаши не склонны считать даже за людей.

Что Тунан был прав, стремясь к ним на помощь, что еще более правы были арауканцы, радостно принимая его, ясно хотя бы из такой характерной справки из книги о колониальной политике.

Европейцы, проникнув в Патагонию (соседка Араукании) стали так тяготиться туземцами, не желавшими им подчиняться, что назначили 25 франковую премию за каждую отрубленную голову туземца.

В пять лет авантюрист Сам Хесслоп заработал этой премией 12.500 франков. Это составляет 500 туземных голов, ознаменовавших победное шествие цивилизации…

СО ДНА

Рассказ Оскара Глута.
С немецкого пер. Анны Бонди.

Утром этого дня закрылась большая гостинница, где обыкновенно делали передышку туристы из Граубюндена, отправлявшиеся в Альпы. Была середина сентября. Несмотря на чудную погоду, ни один посетитель не появился за последние дни. Не имело смысла держать открытым большой дом. Хозяин уже спустился в долину. Белокурый Батист должен был перевести вниз его багаж, потом снова вернуться и прожить еще неделю в сторожке, служившей для зимнего сообщения. Затем и он мог переселиться в деревню.

Тяжело нагруженная, тощая лошаденка, к седлу которой было привязано два сурка, медленно спускалась по крутой тропинке. С мешком за плечами шел с ней рядом Батист.

Хорошие настают дни, когда он будет предоставлен сам себе. Он может теперь лежать среди скал, выслеживать сурков, жить настоящим; бездельником, пользуясь припасами, оставленными ему хозяином в большом количестве. В тиши он хорошенько обдумает, как бы ему незаметным образом отделаться от Терезы, когда он спустится в деревню. Летом он себя успокаивал, что все уже кончено, но теперь эта скверная история не выходила из его головы.

Забота омрачала его красивое лицо, точно стая воронов, закрывавших солнце. Три раза посылала ему в горы Тереза Руог письма, написанные измененным почерком. Но он остерегался отвечать ей. Почему она не оставит его в покое. Муж ее, Доминик Руог, был его друг, его веселый товарищ на охоте и в попойке. Зачем нужно было этой черноволосой дьявольской бабе встать между ними и, быть может, совсем разлучить их? Батист с такой злобой толкнул тяжелым сапогом большой камень, что тот в бешеной скачке полетел по скалистой крутизне в долину. В Батисте проснулись воспоминания о женщине и о вкушенном запретном плоде, они издевались над ним, кровь кипела, и долина, и деревня звали его к себе.

— Не хочу! — упрямо, сказал Батист, втянул голову в плечи и стал

смотреть в сверкающие дали снежных гор, точно они могли охладить его кровь. Но даже от чистых высот в этот дневной час шло горячее дыхание и заставляло кровь и; душу жаждать. Батист со своей лошадкой вышел на площадку, с которой открывался первый вид на горы, долину и село, где можно было различить церковь и гостинницу. Но Батиста не интересовала эта панорама. Он видел ее ежедневно и не замедлил даже шага.

Вдруг кто-то громко и весело окликнул его. От неожиданности он даже ткнулся носом в морду лошади. Сбоку тропинки на скале, среди кустов черники, ягоды которой вызревали на этой высоте только ранней осенью, сидел Доминик. Он обрывал прямо ртом сочные ягоды с ветки, и все его плотное тело тряслось от смеха над растерянным видом Батиста.

Вдруг кто то громко и весело окликнул Батиста.

Сюрприз удался ему! Конечно, он хотел навестить Батиста и пожить с ним несколько дней в сторожке, раз хозяина уже нет наверху.

Теперь смеялся и белокурый Батист и показывал другу сурков, привешенных к седлу. Они были уже проданы хозяину, но там, у сторожки, их много. Пусть Доминик идет прямо в сторожку, она открыта. Он же поторопится и скоро вернется.

Но на липе Батиста пропала улыбка, как только он потерял из виду

Доминика. Что означало неожиданное посещение Доминика как раз тогда, когда хозяин уже спустился в село, и там, конечно, всем было известно, что наверху нет ни одного туриста? Батист поник кудрявой головой. Разве он виноват, что женщины строют ему нежные глаза!

Когда Батист вернулся вечером) наверх, Доминик уже приготовил ужин и кофе. Потом появилось темно-красное вино, вытащенное Батистом из укромного уголка. Доминик благодушествовал, как человек, устроивший себе праздник. Он не замечал, что Батист молчаливо сидел рядом с ним в тесной комнатке. Доминик пил и, громко стукая массивным стаканом о стол, весело рассказывал всякие истории. Он так хохотал, что трясся пол. Да, юн ловко отделался во время войны от военной службы! Он убежденный пацифист, да и дела своего не хотел бросать. «Чорт с тобой, иди домой, ты нам не нужен», — сказал ему офицер.

Но Батист понимает, что тут было дело и в Терезе. У кого красивая жена, тот не должен оставлять ее одну, а то сейчас налетят пчелы.

Батист стал хвалить Терезу. Кто мог ее в чем-нибудь упрекнуть? Он радовался, что маленькая лампа оставляла его в тени.

Доминик разгорячился. Он так обхватил рукою стакан, точно душил кого-то. Нет, тут уж с Домиником Рустом нельзя шутить.

Батисту стало не до себе, но маленький смуглый человек снова расхохотался. Он больно толкнул приятеля в бок кулаком, кивнул ему, как попавшемуся в шалости, и швырнул на стол грязное, смятое письмо.

— Вот, тихоня ты этакий! У парня в сторожке валяются любовные письма, а он притворяется дурачком, который не умеет сосчитать пальцы на руках.

Батист похолодел, и кровь отлила от его лица. Письмо Терезы! Он, верно, потерял его сегодня, перетаскивая в сторожку вещи.

Доминик был в восторге от смущения приятеля. Он смеялся, пил, декламировал, как влюбленная женщина, это поедание без подписи, и горел любопытством узнать, кто же писал его. Он перебрал дюжину женщин и девушек из села. В конце концов, он поднес письмо к лампе, чтобы узнать почерк.

Батисту казалось, что ужасный дьявольский кулак сжал ему сердце острыми когтями. Почерк, конечно, был изменен. Но глядя на освещенное лампой лицо Доминика, он почти был уверен, что тот знает всю правду и только играет с ним, как кошка с мышкой. Батист не был трусом. Но он чувствовал себя виноватым и знал бешеный нрав приятеля, не спускавшего обид. Голосом, показавшимся ему самому чужим и неестественным, Батист назвал девушку, с которой действительно как-то встречался.

Доминик бросил письмо на стол и сказал только:

— Так, так, эта…

Минуту он сидел серьезный и молчаливый. Может быть, ему было неловко, что он выпытал у приятеля имя этой девушки. Но Батист был уверен, что причина не та.

Они улеглись спать на разостланных матрацах. Но Батист всю ночь не мог сомкнуть глаз. Он лежал весь в поту и прислушивался к каждому движению и вздоху приятеля. Когда же из угла Доминика не доносилось никаких звуков, Батист сбрасывал одеяло, чтобы иметь свободу движений и крепко сжимал рукоятку ножа. Батист почувствовал себя легче только к утру, когда Доминик захрапел, точно распиливаемый ствол дерева. Батист даже задремал, но мгновенно вскакивал, как только Доминик переставал храпеть или вертелся на своем ложе.

Утром, когда восходящее солнце протянуло золотую ленту по> вершинам гор, и приятели мылись в ледяном ручье, вытекавшем из близлежащих глетчеров, смуглый Доминик посмеивался над Батистом, уверяя — его, что у него лицо, как снятое молоко. После завтрака они расстались. Они хотели охотиться за сурками. С ружьем в руках Батист чувствовал себя спокойнее. Он даже начал думать, что сшибается. Кроме того, они пошли в разные стороны, и Батист вполне полагался на свой слух.

Он долго, притаившись лежал в траве. Мягкие лучи солнца и ясная тишина успокоили, его.

Он заснул с открытыми глазами и напряженным слухом. Один раз, далеко к югу, он услышал выстрел. Он видел сурков, но на таком расстоянии, что ни разу не мог быть уверен в своем выстреле. Настал, вероятно, уже обеденный час. Кругом жужжали насекомые. В прозрачной синеве неба кружился коршун.

Вдруг ему показалось, что солнце потемнело и стало меньше греть, а по спине его пробежали мурашки. Ужасное ощущение: я не един! заставило его вскочить и оглянуться:

— Выслеживаю сурка, а попадаю на лентяя, который спит!

Выслеживаю сурка, а попадаю на лентяя, который спит!

— У Батиста дрожали колени.

У Батиста дрожали колени. Пока Доминик спускался со скалы, он успел оправиться и настолько овладел собой, что смеялся вместе с ним над его шуткой. Но патроны он не вынул из ружья, хотя и делал это всегда после охоты. Он был на волосок от смерти! От этой мысли у него подкашивались ноги. Он был уверен, что это не было шуткой, и что его спас только острый слух.

Доминик убил одного сурка.

— Прямо в голову! — показал он с гордостью.

Батист кивнул одобрительно головой сунул палец в кровавую дыру. Смеялся что ли над ним Доминик!

Доминик был в самом лучшем настроении духа. Он заявил, что ему пришло в голову подняться на следующий день на одну — другую снежные вершины.

Батист, ведь, лучший проводник.

Батист притворился озабоченным: он не доверяет, погоде. Но, в конце концов, он и не отказывается.

Ему казалось, что он теперь понял, к чему клонит обманутый приятель. Он хочет заманить его в одиночество снежных вершин, где люди так легко исчезают. Несчастный случай и только… Человек против человека!..

Ночью ветер стонал вокруг сторожки.

Батиста преследовали тяжелые мысли, и он без сна ворочался на постели. Чтобы освободиться от ужасного гнета он был готов заставить Доминика показать свое настоящее лицо. Пусть потом будет, что будет!

Дикая злоба против Доминика разжигала в нем дурные мысли. Никто не знает горы так, как он. Надо хитрой речью подсказать Доминику, где начать объяснения и опередить его…

Батист испуганно прислушивался в непроницаемом мраке. Ничего. Доминик только повернулся на другой бок.

Прошла еще одна ночь. Под утро Батист заснул, совсем изнеможденный. Он вскрикнул, когда Доминик потряс его за плечо и посмеялся над ним. Он, верно, видел во сне баб!

Приятели вышли из сторожки, чтобы взглянуть на погоду. Ветер изменил направление и дул теперь с запада холодный и сырой. Из-за тяжелых туч то там, то сям проглядывали далекие звезды.

Когда Батист повернулся к двери, взгляд его встретился со взглядом стоявшего там Доминика и ему показалось, что он прочел в нем насмешку. Батист судорожно засмеялся и ни слова не сказал про грозивший туман, бурю и снег. Теперь и он искал решительней минуты.

Они напились горячего кофе, взяли небольшой запас провизии в мешки, вымазали лица салом, и отправились в путь. В мрачном, кроваво-красном сиянии всходило солнце. Смех Доминика Руога замолк. Он жаловался на то, что Батист мрачен, по уверял, что заставит его сегодня смеяться. Батист начал объяснять дорогу, по которой они должны были итти, взвешивал предстоящие трудности и все возвращался к опасной обрывистой тропинке, ведшей от Большого к Малому Зильберхорну. Сохрани бог того, кто потеряет равновесие. Из бездны не достать и останков погибшего.

Смуглый Доминик презрительным жестом отшвырнул докуренную папироску. Уж не хочет ли Батист его запугать? Он засмеялся и поручил ему Терезу, если бездна его поглотит. Теперь все было ясно. Последняя смутная надежда Батиста пропала. От внутреннего холода у него стучали

зубы. Он благополучно проведет Доминика, сказал он, наконец, удивляясь, что звуки голоса не выдают его ненависти.

Они давно уже связались вместе веревкой. Снег стал мягким. От усилий при ходьбе им стало тепло. Но Батиста от волнения бросало то в жар, то в холод. Он все время держался так. чтобы не выпускать из поля зрения Доминика.

Пусть случилось то, что случилось. Разве любовь Терезы стоит человеческой жизни? Скажи, Доминик, чтобы я ушел из этих мест, и я уйду. Ни разу не подумаю я с вожделением про эту проклятую бабу. Но говори, Доминик, это молчание — ад. Крикни свои слова, бросайся на меня! Только бы конец…

С северо-запада дул холодный ветер, не предвещавший ничего хорошего. Они добрались, наконец, до седла горы. Отсюда, окутанный льдом, круто поднимался Большой Зильберхорн, эта неприступная вершина, венчанная снегом. Батист успокаивал Доминика. Подъем по тропинке, ведущей к вершине, кажется опаснее, чем он на самом деле. Самая большая трудность это перебраться через пропасть, расширившуюся за это жаркое лето. На краю обрыва было очень узкое пространство, с которого надо было прыгнуть и прыжком нужно было попасть на площадку, где уже было надежное место.

Батист смерил взглядом расстояние, попробовал крепость связывавшей их веревки, объяснил Доминику его дальнейшие шаги и приготовился к прыжку. Он уперся ногой в камень, взвился на воздух. Проклятие!

Из-под левого сапога срывается камень, веревка натягивается, хриплый крик, и Батист мешком летит вниз на скалы и льдины.

Онемев, спотыкаясь от ужаса, выкарабкивается Доминик из снега, в который он провалился от толчка. Он ползет к краю пропасти.

— Батист! Батист!

На глубине метров восьми, врезавшись в скалы правым боком, с беспомощно. вывернутой левой рукой лежал Батист.

У доброго Доминика горели от слез глаза. Неужели он мертв?

— Батист! Батист!

С трудом повернулось окровавленнон лицо с безумным взглядом. Голос, едва похожий на человеческий, закричал из глубины о спасении, о пощаде… и выдал вину.

Сердце Доминика остановилось, и он со стоном вонзил зубы в снег.

Дикий голос отчаянно молил из бездны.

— Веревку… Доминик, тащи ее к себе… смилуйся!

— Веревку… Доминик, тащи ее к себе, смилуйся!

Ужас приговоренного к смерти слышался в крике:

— Доминик!

И, наконец, ответ: освобожденный конец веревки скользнул по обледенелому краю обрыва и упал в бездну. Теперь Батист знал:

Конец!

Тупо, как пойманный в клетку зверь, покорился он своей участи.

Много, много мгновений спустя, послышалось наверху легкое шуршание. Батист, прислушиваясь, поднял уже беспомощно свесившуюся на бок голову. Это уходил Доминик. Он возвращался в долину, к жизни. Эта мысль привела Батиста в отчаяние. И вдруг нечто вывело его из этого состояния. Он почувствовал это нечто на своем лице. Еще и еще. Снег! Он слышит, как непогода закрутила снег над глетчером. Снег… снег и буря! Теперь, Доминик Руюг, беги изо всех сил, если хочешь остаться живым. Белая смерть гонит тебя, слепой дьявол, она заметет дорогу, завертит тебя

туда, сюда, пока ты не упадешь обессиленный.

Уже вечерело. В закрывавшихся навеки глазах блеснула последняя мысль. Снег… еще снег… волны снега. На застывших губах мелькнула усмешка.

ПОСЛЕ АВАРИИ

Рассказ Георга Габеленц.
Иллюстрации М. Я. Мизернюка.

Фрау Хазло в смятом капоте уже в пять часов утра подошла к кровати мужа и разбудила его. Прогулка на мельницу была назначена на после-обеденный час, но фрау Хазло беспокоила погода. По ее: мнению, небо было облачно.

Но волнения ее были беспричинны. Погода была великолепная, и компания группами направилась по- берегу реки к Аудорфу.

Доктора Хазло накануне поздно вечером вызвали к тяжело больному. Утром; ему не дала выспаться жена, и теперь он устало плелся между аптекарем и судьей. Легкий ветерок гнал по нивам зеленые волны, в кустах пели птицы, а; над полями весело летали ласточки.

Доктору стало жарко. Он снял шляпу, вытер вспотевшую седую голову и сквозь очки посмотрел на шедших впереди женщин. Справа шла молодая, хорошенькая жена аптекаря. На ее белокурых волосах играли лучи солнца, короткое платье выдавало стройность ног, сквозь материю виднелись красивые руки и белая шея. Кожа ее была цвета матового перламутра, а губы такие красные, что многие уверяли, что она их красит.

Доктор находил ее очаровательной. Да, будь он помоложе! Но годы промчались так незаметно…

Он стал вспоминать, сколько красивых девушек и женщин встречал он в жизни. Со многими он был знаком, другие лежали в его госпитале. Но странно, что эти женщины не возбуждали в нем такого интереса как те, которых он мимолетно видел на улице, в театре или на курортах.

В скольких из них он, может быть, влюбился бы до потери сознания! Кто знает, не было ли среди них той, которая воплотила бы в себе мечту его

жизни!

Где теперь все эти прелестные женщины? Живы ли они? Быть может, замужем, окружены детьми и уже поседели, как и он сам?

Вдруг взгляд доктора упал на сутулую спину его жены, на ее вычурное шелковое платье, делавшее ее еще толще и неуклюжее, на ее грубые сапоги на шнурках рядом с изящными туфельками аптекарши. Он увидел ее неряшливую прическу, красное лицо с веснушками. Вскоре после замужества фрау Хазло пришла к убеждению, что новые платья, красивое белье и полированные ногти ниже человеческого достоинства. Пусть собою занимаются легкомысленные женщины, она же стояла выше всего этого.

Доктор Хазло был углублен в эти мысли, когда судья толкнул его в бок и сказал:

— Послушайте-ка, меня всегда интересовало, кто бывает первым пациентом доктора. Ведь, нельзя же забыть, когда в первый раз вылечишь человека и сделаешь его счастливым.

— Может быть, это и не забывается, — ответил доктор.

— А расскажи-ка нам, с нами можешь не стесняться и говорить откровенно.

— Ах, — сказал доктор, — не знаю, покажется ли это вам забавным. Для меня вся эта история только сентиментальное воспоминание о девушке, которая…

— Умерла? — перебил его судья.

— Нет, она еще жива, но… Да, положим, рассказ не длинный. Я тогда только что сдал докторский экзамен и поехал отдохнуть на берег моря. Я целые дни гулял и наслаждался красотой моря, стараясь не думать и не говорить о медицине и о профессорах. Мне хотелось отделаться от запаха операционного зала и больничных палат. Только немного погодя стал я присматриваться к курортной публике.

Я увидел множество хорошеньких молодых девушек, но знакомиться мне не удавалось. Я был еще так неопытен.

Недалеко от берега лежал разбитый бурей парусник. Во время отлива до него можно было добираться, идя всего только по пояс в воде. Парусник часто посещали. На него взбирались и сидели над рокочущими волнами. Мачты были сорваны, но внутри он был еще более опустошен. Из него вытащили все, что могли, зато набросали внутри водорослей, раковин в песку. С палубы вниз спускалась крутая лесенка.

Так как разбитое судно лежало километрах в двух от самого пляжа, то желавшие попасть на него раздевались обыкновенно в дюнах.

Однажды в чудный жаркий день захотелось и мне нанести визит

паруснику. Дойдя по дюнам до того места, против которого лежало судно, я уже собрался раздеться, как увидел женское платье, придавленное тяжестью нескольких чисто вымытых камушков. Очевидно, владелица этой одежды тоже захотела навестить парусник.

Я сложил свое платье неподалеку и отправился в купальном костюме шлепать по нагретой воде.

На ченя напало странное волнение. Но молодому человеку свойственно ждать приключения, неожиданности. Я был уверен, что увижу на паруснике молодую женщину, греющуюся на солнышке и погруженную в мечты. Я торопился, чтобы повстречаться с ней, с незнакомкой. Конечно, я был уверен, что она хороша, как картинка. Дорогой я несколько раз оборачивался, думая, не появится ли она на берегу. Но дюны были пустынны.

Я добрался до парусника и без труда влез на него. Сначала я подумал, что ошибся в ожиданиях. Но скоро не мог уже сомневаться. Внизу был кто-то, звавший на помощь. Я осторожно спустился по шаткой лесенке и уже с первых ступеней увидел лежавшую внизу девушку. Она приподнималась, но на ноги, видимо, не могла встать. Девушка была в купальном костюме и смотрела на меня полуиспуганно, полурадостно.

Она стала рассказывать. Смело, как часто бывает с молодыми. девушками, отправилась она одна на парусник. Спускаясь внутрь, он поскользнулась на лесенке и, упав, вероятно, сломала ногу. В таком беспомощном состоянии она пролежала не меньше часа.

Я, конечно, чувствовал себя не совсем хорошо в купальном костюме. Для врача это было не особенно солидное одеяние. Но что же делать! А девушка была, действительно, мила и даже очень. Под красной шапочкой были собраны пышные, каштановые волосы, голубые глаза блестели, и между губ сверкали ослепительные зубы.

И вот мне пришлось в первый раз испытать свои докторские познания на незнакомой мне девушке. Я опустился перед ней на колена, ощупал ногу и определил всего только вывих.

Я опустился на колени, ощупал ногу и определил вывих.

Но и это был о достаточно неприятно для нее. Она, конечно, радостно засмеялась, когда я ей поклялся, что нога ее цела, но все же отправиться на берег она не была в состоянии. Я сел рядом с ней и стал осторожно массировать ей колено. Больше я ничего не мог сделать. По временам она вскрикивала, но все же мы вели приятную беседу, и время летело незаметно.

Вдруг она обратила мое внимание на то, что вода шумит больше прежнего. Я испугался и бросился наверх. Мои страхи оправдались. Прилив уже начинался, когда я отправился на парусник, и теперь был в полном разгаре. Берега можно было достигнуть только вплавь. Малютка была не в состоянии плыть и заявила мне, что я, ее спаситель и рыцарь, не могу ее бросить. Это было сказано так повелительно, что я покорился, хоть и думал было поплыть к берегу за лодкой для моей пациентки.

Я, собственно, ничего не имел против того, чтобы покориться. Я сидел вдвоем с хорошенькой девушкой и массировал очаровательную ножку. Я не был рыбой по натуре и, конечно, чувствовал себя влюбленным. Притом девушка тоже не была тихоней и первая поцеловала меня… в знак благодарности.

Внизу судна было довольно холодно, и мы прижались друг к другу, чтобы не застыть в мокрых купальных костюмах.

Успокоившись за свою ногу, молодая девушка стала находить удовольствие в шуме прибоя, ударявшего о стены судна. По временам волна заливала палубу, и к нам долетали соленые брызги. Она тогда, вскрикивала и прятала лицо у меня за спиной.

Я был не так легкомыслен и беспокоился за наше платье на берегу.

— Ах, что за пустяки, — успокоила меня моя собеседница, — никто не возьмет наше платье. Да если бы и взяли, мы дойдем домой и в купальных костюмах. Мне это безразлично.

Я нашел ее отношение геройским и стыдился за свою слабость.

День был тихий, прилив не грозил нам никакой опасностью, и я уже стал желать, чтобы час отлива не наставал так скоро. Слишком приятно было проводить время на покинутом судне. Солнце шло к закату, в наш уютный уголок пробирались первые тени.

Вы думаете, может быть, что я такой же юбочник, как многие другие. Может быть, вы правы, а может быть, и нет. Для меня общение с хорошенькой женщиной — солнечный луч, тепла которого ищешь в холодные дни. Хорошенькая женщина вносит в туман жизненной нужды, страданий, увядания и смерти какую-то надежду на новую весну, приятное ощущение греющего солнца.

Вот почему я всегда смотрю на них с удовольствием. И я желал бы всем этим милым существам вечной юности.

В тот день в разбитом судне я тоже был счастлив близостью молодой цветущей девушки. Может быть, тут было еще испытываемое мною до тех пер чувство одиночества, и я радовался другу. Ведь, человек не знает будущего и живет в лучах солнца настоящего дня.

Мы были, точно потерпевшие крушение на необитаемом острове. Малютка, наконец, почувствовала потребность в отдыхе и положила голову мне на колени. Я снял ее красную шапочку и играл ее волосами. Мы болтали, смеялись, целовались по временам и стали такими друзьями, точно всю жизнь знали друг друга.

Что же вам еще рассказать? Мы со вздохом поднялись с наших мест, когда стало темнеть. Был час отлива. Девушка дошла с моей помощью до берега. К счастью, одежда наша была в сохранности. Мы вернулись в курорт с наступлением темноты. Приключение кончилось благополучно.

Мы прошлись еще несколько раз взад и вперед по дюнам, сели на песок и дождались, пока наш парусник не стал похож в темноте на морское чудище. Прекрасные дни Арангуэца кончились.

Уезжая несколько дней спустя, чтобы вступить в свою первую должность ассистента, я долго стоял на палубе и мысленно прощался взглядом с молчаливым свидетелем лучших часов моей жизни.

Вот эта девушка и была моя первая пациентка. Я за всю свою жизнь уже никого не лечил так охотно.

Доктор Хазло замолчал.

— Да, от таких воспоминаний может стать грустна. А что же сталось с ней потом? — спросил судья.

— Она стала моей женой, — коротко ответил доктор.

Он окинул взглядом фрау Хазло, шедшую впереди. Она жестикулировала и громким голосом говорила что-то жене аптекаря. Шляпа ее съехала на затылок, и ветер развевал седые космы волос.

Доктор провел рукой по собственным седым волосам.

— Да, она стала мой женой, — сказал от со вздохом, — и… вот, чем стал я.

ОТКРЫТИЕ ПРОФ. БАРРИНГТОНА

Рассказ Леонида Росса.

Осенним вечером.

Бесцельно бродя по улицам, Реджинальд Келли очутился в аристократической части Лондона. Это был Вест-Энд — гнездо богачей. Вид этих роскошных зданий всколыхнул осадок горечи и злобы, накопившийся в душе за дни скитаний по громадному людскому муравейнику. Никогда так ясно не постигал Келли неравенство людей, как в этот холодный осенний вечер. Рука машинально сжимала в кармане маленький флакончик, содержащий в себе забвение от страданий.

Усталый, он прислонился к ограде богатого особняка. Осмотрелся по сторонам — никого не было видно. Решился. Поднес флакон к губам. Это длилось только мгновение, — но в это мгновение пронесся вихрь воспоминаний: солнечное детство, тихие улицы маленького городка, дорогие лица.

— Нет, прочь слабость. — запрокинул голову. Флакончик звякнул о панель — выпал из размякших пальцев.

На плечо легла чья-то рука. Келли обернулся, ожидая увидеть полисмена. Высокий худощавый джентльмен стоял перед ним.

— Развей дела так плохи? Скверное дело затеяли вы, мой друг, — покачивая головой говорил незнакомец.

— Скверное дело затеяли вы, мой друг, — говорил незнакомец.

Он, вероятно, появился из подъезда. Келли не слышал, как он приблизился. Келли хотел ответить. Но напряженные нервы не выдержали, — отвратительная слабость овладела им. Сказывались дни лишений, пережитое! волнение.

Сознание внезапно померкло, как угасший ночник.

Уединенный коттэдж.

Голос, доносившийся как бы с вершины горы, легкий налет ласкавшего лицо ветерка — были: первыми смутными ощущениями Келли. Он раскрыл глаза.

Освещенная фонарями, выступая из мрака ночи, навстречу стремительно неслась белая полюса шоссе. На этом светлом фоне резким силуетом выделялась фигура шоффера. Автомобиль мчался за городом.

Под мягкое гудение мотора слышался голос незнакомца.

— Хорошо, что ваш обморок прошел. Меня так пугало состояние, в котором вы находились… Ну, вот мы и дома.

Машина остановилась. Незнакомец взял под руку Келли и помог ему выйти: из экипажа. Высокая, напоминавшая ограду католического монастыря каменная изгородь уходила в темноту ночи. Через узкую калитку, по аллее деревьев, шумевших под порывами осеннего ветра, прошли в коттэдж.

Незнакомец везде сам отпирал и запирал двери. Прислуги не было видно.

Открытие Баррингтона.

Происшедшее казалось Келли сном.

Странно было сидеть в удобном мягком кресле, в уютном кабинете хозяина. Легкой струйкой стлался дымок гаванны.

После сытного ужина, вина и сигары приятная истома овладевала — всем существом. «Ах, если бы не долг вежливости». Хотелось забыть все на свете, заснуть тут же, не сходя с места. Далеко отодвинулись все пережитые невзгоды и волнения. О них Келли еще за ужином рассказал своему хозяину.

Это была обыденная история молодого, неопытного провинциала, с большими надеждами, но с пустым карманном попавшего в Лондон. Бесплодные поиски занятий, прожитые сбережения, голодовка… Он слишком понадеялся на свои способности. Ему фатально не везло. В притонах Уайтчепел я он видел, до какого состояния может дойти человек и решился на роковой шаг.

Теперь, в блаженном состоянии покоя, Келли старался определить, что за человеке был его Гарун-Аль-Рашид, к почему он принял в нем, неизвестном ему бродяге, такое участие.

Это был бодрый старик. Твердые черты его бритого лица изобличали человека сильной воли. Большой рот энергичной складки и серые глаза, сохранившие весь блеск молодости… Седые волосы. Несомненно — богатый человек: окружающая обстановка убеждала в этом. Но он не казался также скучающим, филантропом, готовым наделить душеспасительной брошюрой о вреде пьянства и затем с миром отпустить на улицу. Дни скитаний познакомили Реджинальда Келли с этими благочестивыми джентльменами.

Старик прервал его мысли.

— Вы вряд ли слыхали обо мне: Я— профессор Баррингтон. Оставив кафедру около двадцати лет назад, я с тех пор всецело отдался моим научным занятиям. Небольшое состояние, которым я обладаю, дает мне возможность здесь, в тиши собственной лаборатории, отдаться всецело научным изысканиям. Чтобы вы меня вполне поняли, я должен вкратце изложить вам их суть.

Открытие радия Кюри подтвердило закон изменяемости материи м дало возможность экспериментальным путем установить действительное существование бесконечно малых частиц — электронов, — первоосновы всего» существовавшего.

Всякая материя сама по себе медленно изменяется. В природе нет ни одной частицы в состоянии покоя, и ни один из существующих ныне предметов не будет существовать несколько миллионов лет спустя..

Кажущийся покой окружающих нас тел есть результат ложного впечатления. В каждом предмете, в каждой пылинке происходит умопомрачительное хаотическое движение электронов, непрестанно, из секунды в секунду, из веков в века. В маленькой пылинке материи таится целая вселенная. Все, окружающее нас, и мы сами состоим из неисчислимого количества этих мельчайших частиц.

Если бы мы непосредственно могли наблюдать все это. Но наши органы восприятия так несовершенны. В течение одной миллионной доли секунды совершается ход атомных событий. Такая невероятная быстрота не поддается никакому учету нашего бедного воображения.

Работая над изменением тканей животного организма, я добился изумительных результатов. Под действием открытого мною растворителя, уничтожается сила взаимного сцепления атомов вещества, составляющего ткани. Распадаясь, они превращаются в первичную материю. Я могу превратить в Ничто любое существо, начиная с кролика и кончая слоном.

Нечто подобное можно наблюдать в природе — при разложении мертвых организмов, но там это изменение происходит медленно и не совершенно. Мои растворитель — я назвал его Баррингтонитом — действует моментально.

Вы спросите: какое-же значение имеет мое открытие? Но ведь прежде всего, всякое новое открытие является не лишним звеном в бесконечной цепи других, и уже тесно связано с другими открытиями. Наука поднимается со ступеньки на ступеньку. Я добился отрицательных результатов, но, работая со своим растворителем в обратном направлении, я нахожусь на грани другого, более великого открытия.

Создание из первичной материи живой клеточки, являющейся тем зародышем, из которого развились все живые организмы нашей планеты, — вот цель моих опытов. Задача, которая занимала величайшие умы со времен глубокой древности, будет разрешена. Поймите, что это значит. Какие перспективы даст это открытие. Люди будущего будут воистину творцами.

Но я уклонился в сторону. Последним объектом моих опытов с «Баррингтонитом» были бульдог «Форд» и шимпанзе «Мака». Моя мечта произвести эксперимент над самим человеком. Тогда цикл моих опытов будет закончен вполне.

Но кто, кто согласится на такой шаг? И в то же время хроника происшествий пестрит описанием убийств, подчас таких грубых, мучительных. Вот и вы несколько часов назад были на пути к этому. Вы, вероятно, догадываетесь, что я хочу сказать. Если так — не обидьтесь на меня.

Мой «Баррингтонит» действует безболезненно и моментально. Для человека, решившегося порвать расчеты с жизнью, лучше избрать его, чем револьвер или яд. Вы окажете: вместе с тем и услугу науке.

Профессор замолчал, пытливо глядя на гостя.

То, что услышал Келли, казалось ему чудовищным. Еще так недавно он готов был расстаться с жизнью, но ведь то было под влиянием минуты…. Теперь, с сытым желудком и отдохнув, он смотрел на вещи другими глазами. Мир был не настолько уже плох, чтобы стоило покинуть его. Этот самодовольный фанатик, спокойно» куривший сигару и предлагавший ему бесплатный билет в небытие, казался отвратительным, выжившим из ума стариком. Но когда первый порыв возмущения угас, Келли должен был признать, что профессор в праве был сделать это предложение.

Разве не он выбил из его руки стклянку с ядом? Теперь, конечно, выяснилось, что старик действовал в своих интересах.

Что же собственно изменилось в положении вещей с тех пор? Ведь он, Келли, попрежнему был бродяга, без видов на будущее. Нет, лучше покончить с этим сразу, одним ударом.

Келли протянул руку профессору:

— Я согласен, давайте ваш «Баррингтонит».

— Я преклоняюсь перед вами, — серьезно сказал старик.

Он удалился за своим препаратом. Келли остался один, привалившись в уголке кресла, крепко стиснув зубами кончик потухшей сигары.

Большие стенные часы мерно отбивали такт в тишине ночи.

Кошмар.

Это «Баррингтонит» № 716», наиболее сильный состав, экстракт разрушения. — Нотка скрываемой гордости слышалась в голосе профессора.

При мягком свете кабинетной лампы, в маленькой мензурке слабым опаловым цветом отливала полупрозрачная жидкость, густая, как ликер.

Келли с жгучим любопытством смотрел на маленький сосуд: сама смерть притаилась там.

С приемами старого лаборанта Баррингтон перелил жидкость в бокал и дополнил его вином. Чистым вином налил другой бокал — для себя.

Как загипнотизированный машинально следил Келли за его действиями.

Роковой момент наступил.

— Вы готовы? — выжидательно взглянув на Реджинальда, с волнением в голосе спросил профессор.

Но Келли не был готов.

Постыдная слабость снова овладела им. Что бы он ни дал теперь за право отказаться от опрометчиво брошенного слова.

— Глупец, глупец! звучало в его ушах, и сердце билось, как подстреленная птица.

Старик заметил его волнение, хотя и сам был, видно, в подобном же состоянии.

— Ну, если так, то лучше бросим эту затею. Наши нервы не выдержат.

Но Келли, уязвленный скрытым намеком в голосе профессора, дрожащей рукой схватил бокал. Как ребенок, принимающий горькое лекарство, зажмурив глаза, он проглотил напиток. Жгучий комок прокатился в его горле, обжег внутренности.

Келли обессиленный, закрыв лицо руками, ожидал наступления действия ужасного состава.

Но ничего не последовало.

Радостно вспыхнул огонек надежды. Келли решился взглянуть на профессора и внезапно понял все. Старик корчился в кресле, схватившись за грудь руками, как рыба, выброшенная из воды, он хватал ртом воздух. Баррингтон по ошибке выпил сам свой препарат.

Перед глазами ошеломленного Келли страшно изменилось лицо профессора, и вся фигура таяла, уменьшалась, подобно проткнутому воздушному баллону. Сильный запах озона, как после грозы, наполнял

комнату.

Келли в ужасе закрыл глаза.

Когда он снова решился бросить взгляд на кресло, в котором находился профессор, то увидел только кучу платья — все, что осталось от великого Баррингтона. Исследователь пал жертвою своего открытия. Происшедшее было невероятно, кошмарно!..

Новая мысль заставила Келли похолодеть.

Его сочтут за убийцу профессора.

Весь ужас его положения предстал перед ним, подбор неопровержимых улик выявился с поразительной ясностью. Тому, что, произошло здесь на самом дела — трудно было поверить. Свидетелей — не было. Его словам никто не поверит. Даже возможность бежать отсюда была отнята: наружные: двери были заперты и дом окружен оградой. В отчаянии юн готов был последовать примеру профессора и выпить остатки проклятого состава, но» погасла и эта надежда: — мензурка была пуста.

Охватив голову руками, совершенно разбитый, Келли упал в кресло…

……..

Звон колокольчика послышался где-то вдали, рос, приближался… Росло неприятное ощущение.

Келли с усилием открыл глаза… Едва подавил готовый сорваться крик. Профессор Баррингтон стоял перед ним и говорил с улыбкой:

Келли с усилием открыл глаза. Профессор стоял перед ним.

— Виноват, я увлекся и упустил из виду, что для усталого человека научная лекция — снотворное средство. Завтра я дам вам рекомендательное письмо к моему другу доктору Уилькинсу. Ему нужен секретарь. Надеюсь, что это вас устроит. А сейчас Оливер проводит вас в спальню. Покойной ночи.

И В МАСЛЕНИЧНОМ УГАРЕ

Новейшее, только что вышедшее
произведение Гергарта Гауптмана.
Иллюстрации А. Рубина.

Парусный мастер Кильблок был уже год женат. У него был хорошенький домик на берегу озера, двор, сад и небольшой кусок земли. В коровнике стояла корова, на дворе копошились клохчущие куры и крякающие гуси. В хлеву стояли три свиньи, которых предполагали заколоть в этом году.

Кильблок был старше своей жены, ню это не мешало ему быть таким, же жизнерадостным, как и она. И до, и после свадьбы они оба одинаково любили вечерники с танцами. У Кильблока была поговорка: «Тот глупец, кто в брак вступает, как в монастырь».

— У нас, Марихен, — прибавлял он обыкновенно, обнимая сильными руками кругленькую женщину, — веселая жизнь только теперь начинается.

И действительно, жизнь супругов, за исключением шести коротких недель, была сплошным праздником. Эти же шесть недель не могли вызвать больших перемен. Маленький крикун, которого они принесли, оставлялся на попечении бабушки и… гайда! — к соседям; стоило только ветру донести звуки вальса и постучаться в окна домика.

Но Кильблоки участвовали не только на всех вечеринках своей деревни. Они не забывали и окрестных деревень. Часто случалось, что бабушка не могла встать с кровати и тогда «маленькое чучело» брали с собой. Ему кое-как устраивали в танцовальном зале постельку, чаще всего на двух стульях, и завешивали от света фартуками и платками, и бедный мальчик спал в такой своеобразной постельке под оглушительный шум медных инструментов и кларнетов, под топот и визг танцующих, в воздухе, пропитанном запахом водки, пива, пыли и сигарного дыма.

Если окружающие выражали удивление, парусный мастер имел всегда готовый ответ:

— Это — сын папы и мамы Кильблок, поняли?

Если Густавхен начинал плакать, мать его, окончив танец,

подхватывала его и исчезала с ним в холодных сенях. Тут, сидя на лестнице или в углу, она давала малютке, жадно высасывавшему ее, разгоряченную танцами и вином грудь. Наевшись досыта, мальчуган становился необыкновенно весел. Это доставляло его родителям большое удовольствие, тем более, что эта странная веселость скоро сменялась тяжелым, напоминающим смерть сном, и ребенок не просыпался до самого утра.

Прошли лето и осень. Парусный мастер, выйдя в яснее утро на крыльцо, увидал, что вся местность окутана снежным покровом. Белые хлопья лежали на сучьях хвойного леса, окружавшего широким кольцом озеро и дедину, в которой расположилась деревня.

Парусный мастер радостно улыбнулся. Зима была его излюбленным временем года. Он не без удовольствия посмотрел на тяжелые лодки, которые уже с трудом продвигались по озеру, покрытому тонкой ледяной корой.

— Скоро, — думал он, — лодки крепко засядут, и тогда начнется для меня хорошее время.

Было бы несправедливо назвать Кильблока лентяем. Ни один человек не работал усерднее его, когда была работа. Но когда озеро, а с ним и его

работа замерзали на месяцы, Кильблок не грустил, а считал, что этот досуг нужно приветствовать, как возможность весело использовать скопленный заработок.

Покуривая короткую трубку, Кильблок спустился к озеру и попробовал ногой лед. Против ожидания, лед сломался при первом же нажиме, и парусный мастер чуть не потерял равновесия.

Он с проклятием отскочил назад и поднял выпавшую из рук трубку.

Наблюдавший за ним рыбак крикнул ему:

— Вы на коньках хотите покататься, мастер?

— Через недельку, пожалуй.

— Так я себе скоро куплю новые сети.

— Для чего?

— Чтобы выловить тебя, когда ты провалишься.

Кильблок добродушно засмеялся. Он хотел что-то ответить, но раздался голос жены, звавшей его к завтраку.

Семья Кильблок сидела за завтраком.

Старая бабушка пила свой кофе у окна. Вместо скамеечки, под ногами у нее стояла зеленая четырехугольная шкатулка-ящик, на которую она по временам озабоченно поглядывала полупотухшими глазами. Ее длинные

костлявые руки дрожа открыли ящик стоявшего рядом стола и принялись рыться в нем. Наконец, ее пальцы нащупали монету. Она вынула ее и аккуратно опустила в отверстие в крышке шкатулки под ногами.

Кильблок и его жена наблюдали за старухой и кивнули друг другу. По застывшему, увядшему лицу бабушки скользнуло выражение скрытого довольства, как всегда, когда она по утрам находила в столе монетку, которую молодые супруги редко забывали положить туда.

Еще вчера молодая женщина разменяла для этой цели марку на мелочь и, смеясь, показала ее мужу.

— Мать — хорошая копилка, — сказал тот, весело поглядывая на зеленую шкатулку, — кто знает, сколько там уже денег. Во всяком случае — не мало, и когда старуха умрет, от чего боже сохрани, будь уверена, что мы еще получим хорошенькое наследство.

Эти слова точно ударили молодую женщину по ногам. Она вскочила, взмахнула юбками и запела:

— В Африку, в Камерун, в Ангру Перуену…

Ее прервал громкий вой. Лотте, маленькая, коричневая собачка, подошла слишком близко к зеленой шкатулке и получила за это от старухи пинок ногой. Супруги хохотали во все горло, глядя на Лотте, которая с

визгом заползла за печь, скрючив спину и корча жалобную мордочку.

Старуха невнятно бормотала что-то про собаку, и Кильброк громко крикнул ей:

— Так, так, мать! Нечего собаченке шататься вокруг да около, это твоя шкатулка! Никто не может ее тронуть и даже кошка или собака, не правда ли?

— Она хороший сторож, — добавил он с чувством удовлетворения, выйдя с женой во двор задать корм скотине. — Так у нас каждый грош будет цел, правда, Марихен?

Марихен ловко управлялась с мешками отрубей и с торбами. Не смотря на холодный воздух, рукава ее были засучены, юбки подоткнуты и упругие ноги и руки сверкали на солнце.

Кильблок с удовольствием поглядывал на жену. Фрау Марихен расхаживала между скотом и птицей. Из дверей дома давно уже раздавался детский плач, но это не отвлекало ее от ее занятий.

*** * ***

Была масленица. Семья сидела за послеобеденным кофе. Годовалый Густавхен играл на полу. Напекли блинов и все были в отличном расположении духа. Отчасти из-за блинов, из-за того, что была суббота, а, главным образом, потому, что в этот день собирались в деревню на маскарад.

Фрау Марихен должна была быть в костюме садовницы, и ее костюм висел возле огромной кафельной печи, распространявшей в комнате сильный жар. Печь топилась целый день, так как морозы стояли необычайные. Озеро покрылось слоем льда, по которому спокойно могли проезжать тяжело нагруженные возы.

Бабушка, по обыкновению, горбилась у окна над своей шкатулкой, а Лотте, привлеченная ярким огнем, свернулась возле печной дверки, которая по временам тихонько постукивала.

Сегодняшний маскарад должен был быть последним удовольствием этой зимы, которая прошла так приятно. Праздники, вечеринки, пирушки дома и у соседей сменяли часы работы. Но кошелек при этом опустел, скотина отощала, и это не могло не действовать на настроение; супругов.

Но они успокаивали себя, поглядывая на бабушкину шкатулку.

Зеленая шкатулка под ногами старухи вообще успокоительно действовала на супругов во всех затруднительных случаях жизни.

Дохла ли свинья, — сейчас же вспоминалась шкатулка, и хозяева успокаивались. Разрывался ли парус, исчезали ли клиенты, — шкатулка всегда исполняла свою роль.

Заботы умирялись и тогда зеленой шкатулкой, когда слишком заметным делалось оскудение в хозяйстве.

Да, вокруг шкатулки витали такие соблазнительные мечты, что супруги привыкли считать момент ее вскрытия апогеем своей жизни.

Давно уже было решено, как употребить лежавшие в ней деньги. Небольшая часть этих денег была прежде всего назначена на увеселительную недельную поездку, быть может, в Берлин. Густавхен. конечно, должен был остаться у друзей, в соседней деревне.

Когда разговор касался этого путешествия, супругами овладевало какое-то лихорадочное состояние.

Сегодня в разговоре опять затронули эту поездку. Но их отвлек Густавхен, забавными движениями обративший на себя вниманию. Он поднял кверху свои расцарапанные, ручонки, точно говоря: «слушайте», и издал грязным ротиком звук, похожий на крик лягушки.

Родители следили за мальчиком, едва сдерживая смех. Наконец они не выдержали. Они прыснули со смеху и хохотали так громко, что Густавхен

заплакал, а бабушка повернула к ним свое отупелое лицо.

— Ну, не: плачь, трусишка, никто тебя не обижает, — успокаивала его мать, наполовину уже одетая в костюм садовницы. Что это с тобой? Что ты машешь руками, точно канатный плясун!

Кильблок, отряхавший свой желтый фрак, пояснил, смеясь:

— Озеро, озеро!..

В окна, действительно, проникали то громко, то тише, глухие звуки волновавшейся под ледяной корой воды. Ребенок, видимо, в первый раз их услышал и старался подражать.

Веселее супругов все росло. Особенно много смеялась Марихен. Ню на нее напала жуть, когда Кильблок надел страшную маску, выкрашенную в пепельный цвет.

— Спрячь эту рожу, прошу тебя, — закричала она, дрожа всем телом. — Она же совсем похожа на покойника, который пролежал в земле три недели.

Но мужу нравился страх жены. Он бегал за ней, придерживая руками страшную рожу, так что она, в конце концов, обозлилась.

— Не хочу больше видеть эту нечисть, — затопала она ногами, а Кильблок упал на стул, задыхаясь от хохота.

Наконец, супруги были готовы. Он — «писака», — в желтом фраке и бархатных коротких панталонах, с огромной картонкой чернильницей и таким же большим пером на голове. Она — садовница, — с бумажным венком на волосах.

Часы показывали семь, можно было отправляться. Густавхен пришлось взять с собой. С бабушкой недавно был удар, и ей нельзя было поручать какую бы то ни было работу.

На окно возле лампы поставили старухе еду. Таким образом ее спокойно могли оставить одну до следующего утра.

С ней простились, крича ей в уши:

— Мы уходим!

Вскоре после этого единственными обитателями домика остались старая бабушка у окна и Лотте у печки. Кильблок запер дом снаружи.

Маятник старых шварцвальдских часов мерно отбивал тик-так. Дряхлая бабушка молчала или бормотала скрипучим голосом молитву. Лотте похрапывала во сне, а с улицы доносились теперь уже громкие звуки волн под ледяным покровом раскинувшимся в свете луны, в резко очерченных темных берегах, покрытых сосновым лесом.

Супругов встретили тушем.

«Писака» возбудил большой интерес. Цветочницы, цыганки и маркитантки прятались за своими кавалерами.

Кильблок был очень доволен впечатлением, производимым его маской. Он, точно волк, гонял перед собой толпу девушек и женщин, убегавших от него.

В двенадцать часов сняли маски. Друзья Кильблока окружили его, уверяя, что не узнали его в маске.

— Ах ты жулик, ах ты мошенник, — раздавалось со всех сторон.

— Вот это так весело! — кричал в окружавшей 'его толпе Кильблок. — Музыка, музыка!

— Музыка, музыка! — подхватили все.

Кильблок плясал от души. Он притоптывал ногами и покрикивал, заглушая музыку.

Он так прижимал к себе Марихен, что она подавила крик. Казалось, что после игры в «смерть» ее муж хочет всем своим существом почувствовать жизнь.

Но веселые достигло апогея и приближалось к концу. Число гостей таяло. Кильблок и его жена вместе с единомышленниками еще не отступали.

Когда ушли и музыканты, предложили петь хором. Предложение, было единодушно принято, но во время пения некоторые из гостей и, в числе их, Кильблок, заснули.

Их разбудили, когда призрачный свет утра стал вползать через занавески в комнату.

— Свежего воздуха! Свежего воздуха! — послышалось со всех сторон. Все теснились к дверям.

Начинался солнечный воскресный день. Все облегченно вздохнули, отряхивая запахи танцовального зала. Решено было прогуляться. Солнце умеряло холод и прогулка обещала быть исключительно приятной. Мужья любезничали с женами, пели, шутили, прыгали по замерзшему шуршащему лесному мху. На полянке затеяли танцы и вернулись обратно утомленные и затихшие.

Было два часа, когда супруги Кильблоки стояли перед своим домиком, усталые, но не пресыщенные. Мастер вложил уже ключ в замок, но не повернул его. Он чувствовал внутри какую-то пустоту, от которой ему было жутко.

Взгляд его упал на озеро, оживленное конькобежцами и санками.

— Марихен. — сказал он, — а что, если мы сделаем еще прогулку? Через озеро, в Штебен, к твоей сестре?

Молодая женщина слишком устала и заявила, что не может бежать на коньках.

— Это ничего не значит, — ответил он и вытащил из сарая зеленые санки-кресло.

— Я думаю, так будет хорошо, — сказал он, надевая коньки.

Марихен не успела опомниться, как уже сидела в санях, держа на коленях Густавхен. Муж толкал санки сильными руками по сверкающему льду.

Родственники, имевшие в Штебене гостинницу, радостью встретили супругов. Они были очень гостеприимны, угощали кофе, блинами и вином. Кроме Кильблоков были еще некоторые гости из города. Они торопливо стали прощаться с наступлением темноты.

— Сегодня полнолуние, — заметил хозяин, — и переезд по озеру совершенно безопасен. Вам незачем спешить.

— Трусливые городские крысы! — шепнул Кильблок своему шурину.

— Мальчик ведь уже совсем здоров? — обратилась одна из женщин к мужчинам, погруженным в карточную игру.

— Совсем здоров, — последовал ответ.

— Через два часа после того, как его вытащили из воды и он лежал в теплой кровати, он вдруг закричал: помогите, я тону!

— Помогите, помогите, я тону! — закричал Кильблок и взял со стола последнюю карту. Он выиграл и с довольным видом зажал в руке несколько медных монет.

В это время кто-то стал рассказывать, как при дневном свете и на открытом месте чуть не утонул мальчик. Его спасли подоспевшие рабочие. Все присутствующие знали это место. Оно было в южной части озера, где в него впадала легко тающая на солнце мелководная реченка.

Кильблок много выиграл и потому не стал противоречить жене, когда она позвала его домой. С друзьями прощаюсь долго. Наконец, простились, и Кильблоки направились к озеру.

Луна стояла отвесно над голубоватой ледяной поверхностью. Точно серебряная пуговица сияла она среди усеянного искорками звезд хрустального купола. От луны струился светящийся туман, чудесно окутывая землю. Воздух и земля точно застыли от стужи.

— Мы будем дома через десять минут, — уверял Кильблок.

Точно игрушка, мчались сани по прямой линии на желтый огонек, падавший по ту сторону озера из окна домика Кильблоков! Это была бабушкина лампа, часто служившая мастеру маяком и в лунные ночи. Очертания домика становились все резче. Можно было уже отличить отдельные окна, и в одном из них силуэт бабушки. Вдруг стало сразу темно.

Кильблок испуганно обернулся и увидел огромную тучу, затянувшую весь горизонт и поглотившую луну.

— Теперь надо скорее, — сказал он и с удвоенной скоростью стал толкать перед собою сани.

Домик еще был освещен луной. Но огромная тень ползла все: дальше и дальше над озером и покрыла, наконец, все окрестности, вместе с домишком, непроницаемым мраком.

Но Кильблок уверенно направлял сани на огонь от бабушкиной лампы. Он успокаивал себя, что нечего бояться, но какой-то темный инстинкт

заставлял его торопиться.

Он напряг все силы. Пот выступал из пор, тело его горело, он задыхался…

Молодая женщина сидела сгорбившись, судорожно прижав к себе ребенка. Она молчала и не двигалась, точно боясь замедлить скорость езды. Ее тоже охватил необъяснимый страх. У нее было только одно желание — скорее достигнуть цели.

Стало так темно, что Кильблок даже не видел жены. А озеро, скованное ледяным панцырем, громко бушевало. Это был то рокот, то заглушенный вой волн, напиравших на ледяную поверхность. Кильблок вырос у озера и знал, что при двенадцатидюймювой толщине льда нечего бояться. Но фантазия уже не подчинялась его не совсем здравым рассуждениям. По временам ему чудилось, что под ногами открываются черные бездны, чтобы поглотить его с женой и ребенком. Раскаты, подобные грому, ползли издали и разрешались глухим ударом под самыми его ногами.

Жена вскрикнула.

Он хотел уже спросить ее, не сошла ли она с ума, как вдруг слова застряли у него в горле. Единственная светлая точка, по которой он

направлял сбой путь, затрепетала… стала бледнее… бледнее… дрогнула… вспыхнула… и… совершенно исчезла.

— Боже мой, что это вздумала мать!.. — невольно вырвалось у вето, и в его мозгу, как молния промелькнула мысль о настоящей опасности.

Он остановился и протер глаза. Была это правда или обман зрения? Он готов был верить последнему. Отражение на сетчатой оболочке обманывало его. Но и эта иллюзия пропала, и он почувствовал себя потонувшим во мраке. Но он еще думал, что знает направление, в котором был потухший свет, и стрелой помчал в ту сторону сани.

К шуму волн присоединился из мрака голос его жены, упрекавшей его. Прошло несколько минут. Наконец, супругам послышался лай собак. Кильблок облегченно вздохнул. Вдруг отчаянный крик… толчок… из-под его коньков посыпались искры.

С почти нечеловеческой силой повернул он резко сани и остановился.

Жена судорожно ухватилась за его руку. Он знал, что она взглянула в глаза смерти.

— Успокойся, кошечка, это ничего! — утешал он ее дрожащим голосом. Но ему самому казалось, что ледяная костлявая рука сжала его сердце.

Молодая женщина дрожала, точно лист. Язык ее онемел.

— О, о!.. Господи!.. Господи!.. — было все, что она могла выговорить.

— Да в чем же делю, говори же ради бога!

— Там… там… — заставила она себя выговорить, — я слышала, ясно слышала… вода… вода, открытая вода…

Он напряженно прислушался.

— Я ничего не слышу.

— Я видела, правда, я видела совсем ясно… прямо перед собой… правда…

Кильблок напрасно старался всмотреться в непроницаемый воздух. Ему казалось, точно ему вынули из орбит глаза, и он пытается смотреть пустыми глазными впадинами.

— Я ничего не вижу.

Жена его немного успокоилась.

— Но ведь, пахнет водой.

Он сказал ей, что она видела это во сне, но страх его рос.

Густавхен спал.

Кильблок хотел потихоньку ехать дальше, но жена запротестовала всей силой своего смертельного страха. Слезливым голосом просила юна его ехать назад. Когда он не послушался ее, она стала кричать, как

сумасшедшая:

— Лед ломается, ломается!

Наконец, терпение его лопнуло. Он крикнул жене, что ее проклятый рев будет виною, если они все трое утонут. Пусть она заткнет глотку, Не то он бросит ее на озере и уедет один. Ничего не помогало, и теперь еще Кильблок вдруг перестал соображать, какого направления ему нужно держаться. Место же, на котором он стоял, казалось ему ненадежным.

Его объял холодный ужас. Он повернул сани и последним напряжением сил толкнул их. Спасение какой бы то ни было ценой… и вдруг — всплеск, брызги, волнение взбудораженной воды… он потерял сознание.

Мгновение спустя он понял, что въехал в прорубь. Его сильные члены с нечеловеческой мощью боролись с черной ледяной водой, пока он не почувствовал, что может снова дышать.

Из груди его вырвался далеко разнесшийся крик… второй… третий… С этим криком могло лопнуть горло… изойти кровью легкое… Его пугал звук собственного голоса, но он кричал… он рычал, как зверь:

— Помогите, помогите нам!.. Мы тонем!.. Помогите!

С этим криком он исчез под водой, пуская пузыри, пока снова не

вынырнут и снова не Люди ял рев.

Он высунул правую руку из воды, ища за что ухватиться. Напрасно! Он снова исчез под водой. Когда он всплыл, вокруг было светло. В трех локтях слева от него был лед, окружавший широкую прорубь. Он попытался добраться до льда. Он еще раз опустился под воду, наконец ухватился за лед. Пальцы его скользили. Он попробовал снова и, вцепившись в лед, точно когтями, подтянулся кверху. Теперь он до плеч поднялся над водой, и его полные ужаса глаза скользили по снова залитой лунным светом ледяной поверхности. Там… там его домик… дальше деревня… а там… правее… это фонари… огни… люди.

В ночи снова пронесся его крик.

Он напряженно прислушивался.

Высоко над ним разнесся звук. Дикие гуси летели по звездному куполу, пересекая темно темные тонки диск полной луны. Кильблок услышал за собой плеск. Над водой поднимались пузыри, и кровь застыла в его жилах. Он боялся оглянуться, и все же оглянулся. Темная масса всплыла и снова исчезла под водой. Показался башмак, рука, меховая шапка. Вся эта масса подплывала ближе, ближе, он хотел ее схватить, но она снова исчезла.

Минута смертельного ужаса — потом безумный смех. Ему показалось, что что-то ухватилось за него под водой; сначала схватило его за ногу, потом обвилось вокруг ног, поднялось до сердца. Глаза его остеклянились, руки соскользнули… он опустился под воду… отдаленный, глухой шум воды… хаос мыслей и картин… потом — смерть.

В деревне услышали крики о помощи.

Рабочие и рыбаки стали собираться к месту катастрофы. Через час на лед вытащили труп ребенка. По его возрасту заключили, что еще должен был потонуть взрослый человек.

В виду того, что дальнейшие поиски не приводили ни к чему, один из рыбаков предложил закинуть сети. Этими сетями выловили около трех часов утра трупы молодых супругов.

Кильблок лежал с искривленным, распухшим лицом и закатив глаза, точно жаловался на коварство неба. С его платья и из карманов текли ручейки воды. На лед падали, звеня, медные монетки, когда его стали класть на носилки.

Три трупа были опознаны и их понесли к домику Кильблоков.

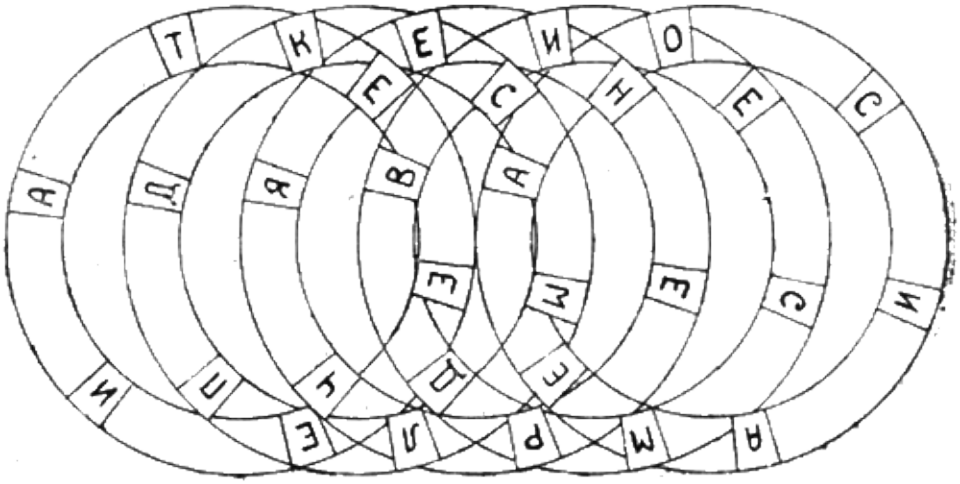
Дверь нашли запертой. В окнах не было огня. Внутри лаяла собака, но даже на повторный стук не отозвался никто. Один из рыбаков влез через окно в темную комнату. Под лай маленькой собачонки, шлепая полными воды сапогами, прошел он первую комнату и без труда открыл маленькую дверцу. У него вырвался крик удивления.

В темном алькове сидела древняя старуха. Она склонилась над стоившей на земле открытой зеленой шкатулкой, полной золотых, серебряных и модных монет. Кисть правой руки зарылась в монетах, на левую была опущена голова. Ее почти голый череп освещал слабый, тусклый огонек потухающей лампы.

НЕ ПОДУМАВ НЕ ОТВЕЧАЙ!

НЕ ПОДУМАВ НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 7.

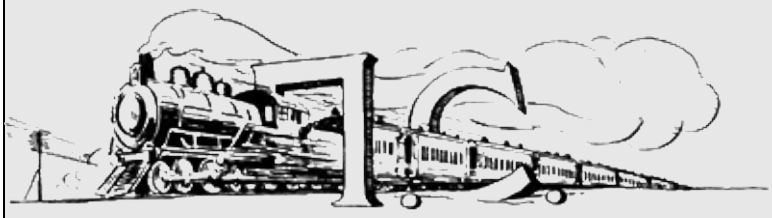

Наложите эти пять колец друг на друга так, чтобы из букв составился круг а в нем, — читая по часовой стрелке, — название великого русского научного открытия конца 19-го века.

Первым трем, правильно решившим эту задачу, будет выдана в премию книга проф. *С. О. Грузенберга* «Гений и творчество».

Почтовый штемпель служит доказательством времени отправки решения в Издательство.

П. С

Рассказ П. Зегеркранц
Со шведского

I.

В фешенебельном баре «Под пальмами» сидело за послеобеденным кофе, небольшое интернациональное общество. Потягивали ликеры и «коктейли», стараясь разогнать неприятное настроение после проигрыша в глупейшую на свете азартную игру «буль».

Кроме знаменитости — стокгольмского романиста Филиппа Келлера — общество состояло из трех англичан, француза, двух американцев и двух молодых дам — шведки и датчанки.

Из танцевальной залы доносились, — к счастью, смягченные расстоянием, — раздирающие уши звуки джазз-банда; а из-за зеленых столов то и дело слышались веселые, зазывающие возгласы крупье, «Messieurs, faites vos jeux!» «Les jeux sent faits!» и щелкало, как выстрел из пистолетам «Ren ne vas plus!»

Неслышно сновали между столиками, сверкая белизною манишек, «Максимы» с новыми и новыми подносами коктейлей.

А за стеклами высоких окон, на синем бархате неба, мерцали звезды; и, колеблемые вечерним ветром, широкие пальмы в саду звенели, как будто листья их были сделаны из металла. Из темного облака выплыла луна и размела своей серебряной метлой Широкую дорогу поперек моря…

Дамы, сидевшие за столиком, переглянулись; на мгновение склонились друг к другу головами.

И шведка обратилась к земляку.

— Скажите, герр Келлер…. вы пишете такие захватывающие романы, а случалось ли вам самому быть в положении их героя? Потому, что мне кажется, — о, поверьте, я говорю это в самом лестном для вас смысле, — что вы человек… совсем иного сорта. У вас скорее вид…. добродушного юриста. Мне вот и хочется знать — это только ваши фантазии все сенсационные романические приключения, которыми вы увлекаете нас, своих читателей. И откуда это вообще берется у писателей?

В голосе молодой женщины звенела нотка личного интереса, и синие глаза ее как-то особенно блеснули.

Филлип Келлер улыбнулся, отряхнул пепел с гаванны и, задумчиво глядя на фиолетовую струйку дыма, проговорил:

— Что касаемся других романистов, я знаю об этом не больше вас. И вы не первая, фрекен, задаете мне этот щепетильный вопрос. До некоторой степени вы правы. Действительно, я беру темы из жизни. В той или другой форме все «приключения», как вы говорите, я пережил. И, во всяком случае, мои персонажи списаны с живых моделей. И следовательно, — и он юмористически сощурил глаза за выпуклыми стеклами пенснэ — вы определили меня на совсем удачно. И, может быть, я не такой уже безопасный человек… несмотря на мои очки…

— Расскажите! расскажите! — хором воскликнули остальные. — Максим! Еще коктейлю! Холодного, как сердце дам, и крепкого, как наше намерение никогда больше не играть в буль!

— И пьяного, чтобы захватывало дух, как от рассказов, которые мы сейчас услышим!

На столе появились ящики с сигаретами «Абдулла» — с розовыми мундштуками.

Дамы украдкою бросили взгляд в карманные зеркальца, незаметно освежили пуховкой лицо и тронули губы карминным карандашем.

Вспыхнуло пламя зажигалки. Вспыхнул, монкуррируя с его мимолетным блеском изысканный комплимент француза. Чьи-то руки соединились в продолжительном пожатии под белой скатертью стола!. А на скатерти загорелись золотисто-желтыми и изумрудными огнями графины с ликерами.

II.

Филипп Келлер начал:

— Сегодня, милостивые государыни и государи, исполнилось ровно два года с торс, памятного для меня дня — 21 апреля 1922 года — при одном воспоминании о котором «кровь цепенеет у меня в жилах»; и я могу с уверенностью сказать, что очаровательнейшая женщина во Франции вспоминает этот день с таким же чувством. П.С. — вы знаете, что это такое: экспресс с маршрутом Париж-Средиземнсе Море — «Поезд Смерти», можно было бы расшифровать эти буквы, потому что нигде так часто не случаются катастрофы, как на пути от Парижа к Ривьере.

— Чаще всего катастрофы в Монако, — вставил англичанин, не желая отставать в остроумии.

— Как раз здесь, в Монако, в этом приюте капризной Фортуны, я проводил апрель 22 года; и 21-го числа, двумя неделями раньше, чем ожидал, получил важную для меня телеграмму ни больше, ни меньше, как от директора крупной американской кинофильмы. Он вызывал меня немедленно — в тот же вечер — в Париж для заключения контракта на текст для его новой фильмы.

Гонорар предлагали баснословно высокий, к тому же в долларах.

Двумя неделями раньше от такого предложения я был бы на седьмом небе. Но сейчас — в, этот апрельский день — перспектива сегодня же покинуть Монако не восхищала меня.

Почему?

— Этому, разумеется, могло быть только одно объяснение: здесь я оставлял сердце.

Мужчины улыбнулись. У дам заблистали глаза, и на нежных щеках заиграл румянец. Казалось, будто букеты роз, стоявшие на столах, бросали на них алые отсветы.

— Она была молода-продолжал романист. — Белокура. Стройна. Сказочно прекрасна. И страшно несчастлива в браке.

Муж ее, герцог, принадлежавший к старинному французскому роду, был кутила и отчаянный игрок. Я не раз спрашивал себя, что могло соединить эту пару? Как возможен был этот странный брак?

Как я узнал, оказалась довольно обычная история. Аристократический герб герцога — при его привычках и образе жизни — давно нуждался в позолоте, а отец герцогини, известный французский капиталист, рад был отдать свои миллионы и свое единственное дитя за честь породниться с блестящим титулом».

У красавицы был сынишка, прелестный мальчуган лет шести-семи, и я скоро понял, что только беспокойство за его судьбу удерживало молодую женщину от развода.

Так то, милостивые государыни.

С первого же взгляда красота герцогини и слухи о скандалах, оскорблениях, о страданиях, которые ей приходилось выносить, в особенности в последний год, Когда после смерти отца, она осталась совсем беззащитной — наполняли день и ночь мою голову одной мыслью, одним страстным желанием доказать даме моего сердца, чем она была для меня.

И вот, — как раз за полчаса до получения депеши от американца, — я сделался невольным свидетелем сцены между супругами, которая еще больше раззадорила меня выступить в качестве рыцаря молодой женщины.

Был солнечный жаркий полдень. В парке было безлюдно; все отдыхали по домам после завтрака. Я совершал обычную одинокую прогулку по набережной и присел отдохнуть на одну из круглых скамей, которые, как вы знаете, устроены там вокруг широких стволов пальм. Я закурил сигару и погрузился в привычные мечты; рисовал себе фантастические картины, как мне тем или иным способом представляется возможность доказать герцогине мое восхищение ее красотой и мое сочувствие ее несчастной судьбе.

И вдруг так неожиданно прозвучал у меня за спиной, за толстым стволом дерева, ее голос; и в ответ ему раздался резкий и скрипучий голос ее супруга.

Очевидно они подошли с противоположной стороны и не подозревали о моем присутствии.

Смысл разговора через несколько минут стал для меня ясен: герцог требовал у жены доверенности на деньги, оставленные ей отцом в личную собственность: он хотел с помощью этих денег испробовать «абсолютно верную», изобретенную им систему игры в «буль». Герцогиня не поддавалась. Без всяких упреков, но твердо она возражала, что все ее приданое пошло, прахом, и все. что за последние годы сна выпросила у отца, тоже ушло на игру, но теперь она борется за будущность сына и не отдаст мужу ни одного су из тех денег, которые должны обеспечить Виктора.

Герцог все больше и больше раздражался, выходил из себя. Я ясно представлял себе его разъяренные жесты.

— Хорошо же — задыхаясь, шипел он. — Скоро ты будешь ползать на коленях и умолять меня взять эти деньги.

— Я?

Голос молодой женщины дрогнул от страха.

— Ты! Каждую тысячу франков, в которой ты сейчас мне

отказываешь, я вымещу на Викторе.

Я услышал легкий крик.

Больше я не мог сдерживаться, вскочил и обежал пальму.

Герцогиня лежала без чувств, откинувшись, на спинку скамейки. А герцог холодно сказал мне, что супруга его почувствовала себя дурно — должно быть солнце слишком печет сегодня; но в моих услугах он не нуждается: экипаж ждет в алее, и герцог сам проводит жену.

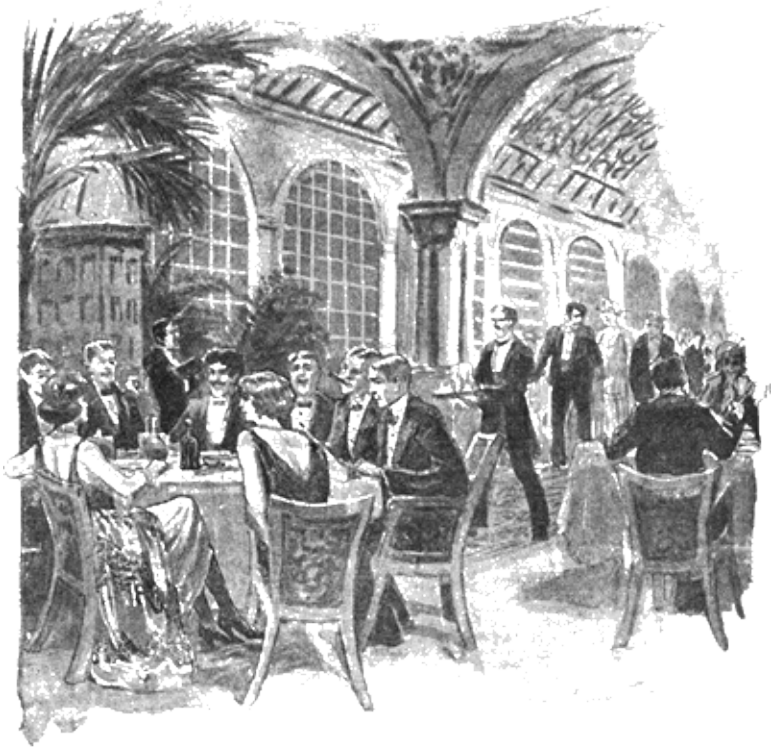
Я не нашелся, что ответить. Оставалось удалиться. Я весь кипел от бешенства.

Вдруг герцог резко повернулся ко мне, поднес кулак к моему лицу и прошипел бледный от злобы:

«Убирайтесь! Какое вы имеете право мешаться в мои дела? Не думаете ли вы, что я не замечаю, как моя жена переглядывается с вами за табльдотом!».

III.

Из золотого салона, где кружились в танце пары, опять донеслись прихотливые и вкрадчивые звуки джаза.

Из золотого салона, где кружились в танце пары, донеслись звуки джаза.Но их не слушали…

Молодые дамы не слышали. Они больше ничего ее замечали.

— Ну и что же? — проговорила шведка.

— Вы так и ушли? — спросила другая.

— Не сломали шею этому негодяю? — вставил американец и невольно шевельнул бицепсами.

Филипп Келлер отхлебнул из стакана. Тень глубокой усталости прошла по его лицу.

Он снова начал:

«Я повернулся и пошел домой. Я был в отчаянии.

Действительно, когда мы сходились за обедом в зале гостиницы, мог ли я удержать свои взоры от того, чтобы не смотреть на герцогиню, — и, вероятно, муж прочел в них мое восхищение… Но она… Всем сердцем чувствовал я ложь его обвинения — никогда она не «переглядывалась» со мною. Увы, она была занята только своим ребенком.

Но все, что я сказал бы или сделал в защиту ее, только повредило бы ей в глазах подозрительного мужа…

Филипп Келлер помолчал минуту и продолжал:

— Я еще, и сейчас чувствую, как подгибались подо мной колени, когда я шел под пламенным полуденным солнцем к себе в отель.

На столе у себя в номере я нашел телеграмму.

Надо было ехать на этот вызов. Средства мои подходили к концу. Без денег я все равно больше не мог оставаться в Монако.

Но и ради нее лучше было на несколько дней оставить город: очевидно, муж ревновал.

И, наконец, — это, кажется, было для меня решающим — я чувствовал, что какой-то перст судьбы повелевает мне уехать сегодня в Париж. Кто знает, какими путями ведет нас судьба к своим целям?..

Я почувствовал дикую радость, успокоившись на этой мысли. Быстро стал собираться, чтобы поспеть к экспрессу. Не нашел даже времени отказаться от своего места за табльдотом— рядом с герцогской парой.

Уложил необходимые вещи в ручной саквояж и три четверти часа спустя был уже на перроне вокзала.

Поезд был переполнен. Спального места невозможно было получить.

Я успел захватить только последнее сидячее места в купэ первого класса и приготовился просидеть всю ночь на диване.

Когда под вечер мы приехали в Лион, пассажиры, бывшие со мною в купэ, вышли все до одного. И, к моему счастью, никто не сел.

Целую вечность мы простояли на станции. Я сидел, как на угольях. Наконец, поезд дернулся, раздался свисток, и мы покатили.

Какое счастье! Я был совсем один!

Следующая остановка в Дижоне только через три часа.

Я вынул из саквояжа гуттаперчевую подушку и, торжествуя, стал надувать ее. Потом разостлал плед на диване, удобно растянулся, закрыл глаза и — стал строить воздушные замки…

Мечты понеслись к ней…

Мягко покачиваясь, несся поезд к северу.

Я лежал с закрытыми глазами, и в полудремоте мне чудилось, что» душа моя несется все ближе! и ближе к ней.

Я видел перед собою ее прекрасное лицо, слышал мелодические звуки ее французского говора… И вдруг странное ощущение пронизало мой мозг: я почувствовал, что кто-то стоит в корридоре, за дверью моего купэ, и враждебно подстерегает меня, и что мне нужно во что бы то ни стало, не дать ему заметить, что я чувствую его присутствие. Но я уже знал, кто он.

Прошла еще секунда, он открыл дверь, проскользнул в купэ и… запер за собою дверь.

IV.

— Господи! — прошептала датчанка.

— Тише, не прерывайте! — сказала шведка.

Филипп Келлер продолжал, как будто говоря с самим собой:

— Через плотно закрытые веки я как будто видел его взгляд, чувствовал, с какой безумной ненавистью он обращен на меня.

Еще несколько бесконечных секунд стояла гробовая тишина в маленьком, обитом мягкими тканями купэ; и, наконец, сквозь шум поезда донесся до моего слуха его голос:

— Воображаете, что вам удалось провести меня тем, что уехали порознь? Ошибаетесь! Я знаю все…

Меня точно ударило. Какая нелепость! Этот человек решительно потерял рассудок. Но странно… я почувствовал к нему какое-то сострадание, или как хотите назовите это…

Я медленно поднялся и, спокойно глядя ему в глаза, проговорил:

— Это вы? Я не понимаю, о нем вы…

Он засмеялся.

А меня всего пронизал страх. Нет, не страдание и не безумие было в его глазах — в них горела убийственная, животная ненависть, как у зверя, который настигает ускользающую от него жертву.

Я начал соображать, в чем дело. Очевидно, после разговора, свидетелем которого я нечаянно явился, герцогиня вместе с ребенком бежала от своего мучителя, а у него явилось ложное подозрение, будто в этом замешан я, и он преследовал меня до станции, и теперь явился излить бешенство на человека, которого считал причиной своих несчастий.

Я чувствовал странную радость при мысли, что он напал на ложный след, и соображал, что же мне теперь делать, чтобы удержать его на этом ложном пути и выиграть время для герцогини, пока она успеет стать под защиту закона своей страны.

— Будьте! любезны, герцог, — сказал я: — присядьте и объясните мне, в чем дело.

В мозгу у меня работала мысль: возможно ли, чтобы герцогиня тоже ехала в этом поезде и он только не заметил ее; или же она (сердце мое трепетало от надежды) была настолько предусмотрительна, что взяла автомобиль. В первом случае мне надо было постараться как можно дольше задержать его в купэ — до самой остановки в Дижоне, а когда он выйдет из вагона, не отставать от него, чтобы, в случае надобности, притти к ней на помощь.

Герцог несколько успокоился.

Он опустился на обитый темным бархатом диван напротив меня и опустил правую руку в карман своего широкого и короткого пальто.

Вдруг он снова засмеялся; волна мучительного беспокойства пробежала по моему телу.

— Аа! — издеваясь проговорил он. — Действительно, нам с вами нужно объясниться. И я охотно дам вам объяснения.

— А именно? — холодно спросил я.

— В моем роду, — продолжал он, и опять беспощадною ненавистью загорелся его взгляд: — в моем роду издавна есть один девиз. Он передается из поколения в поколение, от отца к сыну. Он гласит: «сильнее всех оказывается тот, у кого нет врагов». И все мы твердо помним его и хорошо понимаем, что он означает: сильнее всех оказывается тот, кто не довольствуется тем, что побеждает врага — кто убивает его.

Он поднял руку, и в первый раз я очутился в положении, которое так

часто описывают мои коллеги романисты словами «смотреть в дуло револьвера», и тут я понял — вполне понял, что не одно и то же читать описание такого положении или испытать его «на своей шкуре». И еще — в первый раз я узнал на деле, что означает стереотипная фраза: «волосы становятся дыбом». Отвратительное ощущение! Малейший волосок на голове превратился в какую-то маленькую пустую трубочку, и между ними проходило ледяное дыхание воздуха.

До моих ушей донесся, как будто издалека, его голос, полный дьявольской иронии:

— Что касается последствий, monsieur Ie Suedois, вы можете не беспокоиться за меня. Я вошел в ваш вагон без билета, и как скоро маленькая экзекуция, которую я должен буду совершить над вами, будет счастливо окончена, оставлю вагон — вот через это окно, воспользуясь временем, когда поезд пойдет замедленным ходом перед туннелем.

V.

Я так и остался сидеть, оглушенный и немой. Неподвижно глядя вперед в круглое черное отверстие блестящей стальной трубки, устремленное прямо в мою грудь. Сверху, из-под сводчатого потолка купэ, электрическая лампа бросала свет на нас.

Ни тени мысли, идеи, желания не складывалось в моем мозгу.

И вдруг какая-то мучительная волна опять пробежала по моим жилам; сверхестественно обострились чувства, и я скорее почувствовал, чем увидел, как лег его указательный палец на курок оружия.

И в то же мгновение, будто подталкиваемая посторонней силой, подскочила вверх моя левая нога и резко ударила по руке, желавшей отнять у меня жизнь.

…Подскочила мои левая нога и резко ударила по руке, желавшей отнять у меня жизнь.

Сверкнул свет. Раздался громкий взрыв, который долго звучал в моих ушах. Купэ наполнилась едким дымом.

Рассказчик на минуту умолк.

В упор смотрели на него глаза слушателей.

— Так… — промычал англичанин и почувствовал потребность освежить губы глотком вина. — И что же?

— Прошло несколько минут, — опять начал Филипп Келлер, — может быть, четверть часа, полчаса, прежде, чем я пришел в себя, сообразил, что сижу в купэ первого класса и, спрятав лицо в ладони, истерически смеюсь, — смеюсь так, как я никогда больше не хочу смеяться и не пожелаю другому.

— А он — герцог? — разом произнесли обе дамы.

Романист опустил голову.

— Он больше не шевелился. Сидел, наклонившись немного на левый бок. Еще клок дыма клубился над его волосами и на краю отворота

сюртука, как раз у верхней петлицы, чернела маленькая еще дымящаяся дырочка.

На полу, между мною и им лежало оружие, пуля которого отняла у него жизнь, вместо того, чтобы отнять ее у меня.

Как молотом ударила меня мысль: а как отнесутся французские власти к тому, что произошло здесь, в купэ, с глаза на глаз между никому неизвестным иностранцем и знаменитым отпрыском одной из славнейших фамилий страны? Не могло быть сомнений: над моей головой тяготело обвинение в убийстве.

Да, во многом я еще не давал себе отчета, мог утешать себя разве только одной мыслью: одно мне удалось, в одном только пункте моя удача не изменила мне: она… была освобождена от тирана, губившего жизнь ее и ее ребенка.

Но то, что для нее вело за собою успокоение, свободу, надежду — для меня означало — арест, заключение в тюрьму, каторгу!

Я опустился на сидение.

Одна мысль о том, что я заключен здесь, в этом несущемся вперед экспрессе, по крайней мере на два часа до остановки в Дижоне, сижу, сдавленный опасностями, из которых нет выхода… одна мысль об этом отнимала у меня последние остатки сообразительности и присутствия духа.

Еще худшее.

Тогда в полдень, в парке, когда герцог бросил мне отвратительное подозрение об отношениях между женою и мной, его автомобиль стоял близко, и шоффер мог слушать, что было сказано, что могло быть сказано им, мог показать, что произошла какая-то ссора между его светлостью и мною.

Не было сомнений: не только подозрение в убийстве, меня могло ждать и обвинение…

Я прошелся взад и вперед по вздрагивающему купэ…

Где мы?

Не подъезжаем ли мы к Дижону?

Неужели нет способа бежать отсюда, не оставаться больше наедине с этим мертвецом?..

Неужели все кончено?

И я никогда больше не увижу ее? Ее, которую я так неожиданно освободил от страданий…

И тем самым подверг новым страданиям, новым затруднениям, новому позору.

VI.

Но в это мгновение, когда все казалось потерянным и для женщины, которую я любил, и для меня самого, мне вдруг вспомнились последние, слова убитого: «Обо мне не беспокойтесь. Я выскочу в окно, когда поезд замедлит ход около туннеля».

И как бы в ответ на эту мысль услышал я резкий свисток локомотива далеко впереди и почувствовал, как поезд начал замедлять ход.

В одну секунду я схватил саквояж, кое-как скомкал туда вещи. Открыл окно, вылез из купэ и очутился на круглой доске подоконника, обвеваемый свежим весенним ветром. В ночной темноте я едва мог видеть собственную ногу. Я прыгнул наудачу вперед.

Я открыл окно, вылез из купэ и очутился на круглой доске подоконника…

Как мячик перекувырнулся раза два по полотну или сам не знаю где… потом встал на ноги… Впереди убегала во тьму светящаяся точка поезда…

Ну вот. Чтобы не злоупотреблять вашим; вниманием, скажу только, что я поковылял вдоль полотна и к рассвету добрался до Дижона. Там я взял комнату в скромном отеле.

Рассказчик протянул руку за новой сигарой, заметно было, как пальцы его дрожали.

— Что же сказала полиция, когда нашла… — проговорил француз.

Филипп Келлер достал маленькую золотую зажигалку и снова опустил ее в карман.

— В моей истории, — сказал он, — есть маленький эпилог, и это, может быть, самое «благополучное» в ней.

Когда в отеле «Четырех Красавиц» я подкреплял себя солидным завтраком, кельнер подал мне утренние газеты. На первом месте стояло крупными буквами: «Экспресс из Ниццы в Париж потерпел крушение около Дижона, 47 убитых, 61 тяжело раненых».

Дальше сообщалось, что в ночь с 21 на 22 апреля поезд, вышедший из Ниццы в час дня, столкнулся со встречным на станции Кюрель, неподалеку от Дижона. Немедленно посланы репортеры на место происшествия. Наши сотрудники сообщают следующие подробности:

Среди этих подробностей я прочел:

«В числе убитых оказался труп элегантно одетого господина; он сидел, поджав ноги, среди обломков купэ первого класса. Железной балкой его ударило в голову над левым ухом. Он имел мужество и присутствие духа покончить с собою выстрелом в сердце, чтобы сократить ненужные страдания».

В заключение! в качестве последней новости, сообщались еще подробности об этом убитом. «Он оказался герцогом X, отправлявшимся в Дижон, где должен был встретиться с женой и ребенком. Билеты были взяты еще накануне. Потрясающая сцена произошла на террасе: молодая красавица герцогиня рыдала, прижимаясь дрожащими устами к холодному лбу супруга».

VII.

Наступила долгая пауза.

— А… вы сами? — спросила, наконец, датчанка.

В голосе ее звучала теплая нотка.

Филипп Келлер встретил ее взгляд. Он слегка наклонил голову и указал на левый висок.

— Я сам?.. Когда я несколько минут спустя взглянул в зеркало, я увидел седую прядь у себя над ухом, — как раз в том месте, куда ударило герцога. Вы и сейчас можете увидеть ее.

Откуда она взялась? Почему?

— Возможно, что есть какая-то скрытая связь между нами и людьми, к которым мы подходим близко в любви или ненависти…

……..

— Ах, — вздохнула молодая шведка, — это, действительно, очень неприятная история. Я от всего сердца хотела бы, чтобы она оказалась только фильмой.

Писатель скривил губы в улыбку.

— Да ведь так это и есть, фрекен.

— Что вы говорите?!

Ну, разумеется. Это был текст фильмы, которую я вез американцу… Оргия моей неозбузданной фантазии.

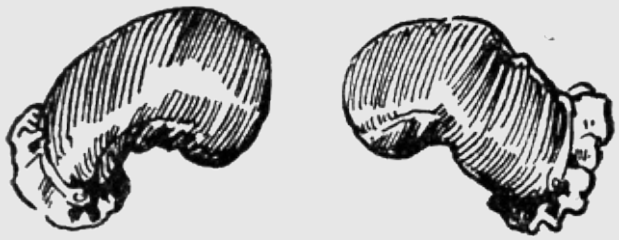
— А ваша… седая прядь? — пролепетала шведка.

Филипп Келлер опять усмехнулся.

— Как знать, Mademoiselle. Может быть, и это… просто маленькое кокетство. Ведь было время, когда и женщины, и мужчины носили белоснежные парики.

Молодая датчанка ничего не сказала. Она посмотрела долгим-долгим взглядом в глаза романиста, и мечтательно раскрылись ее алые губы.

ПЕРЧАТКИ УИЛЬЯМА ФИРКИНСА

Рассказ Б. Фефера и Н. Москвина

Глава 1-я
Желтый пакет

Случайно залежавшаяся крошка хлеба, извлеченная из дырявого кармана Уильяма Фиркинса, скользнула по темному пищеводу и присоединилась к сиротливому обществу, состоявшему из корки сыра и двух кружек мутной воды из Темзы.

Так как питательность этой крошки не могла конкурировать с питательностью хорошо поджаренной котлеты с луком, существующей, увы, только в воображении Уильяма Фиркинса — унылое выражение его голодных глаз не изменилось.

Вот уже четырнадцать дней, как голодный блеск ни на минуту не тускнел. Это был единственный вид энергии, в котором никто не сомневался. Все остальные его способности вызывали сомнения. Так, пробегая по клавишам нескольких профессий, он добирался до низких тонов, но вынужден был признать, что будет хорошо, если он сумеет устроиться на самых пискливых, дискантовых.

Он подражал тяжелой каменной походке и непролазно густым окрикам профессионалов носильщиков на Норфолькском вокзале, но дребезжащий дискантишко бедного Фиркинса привлекал к себе жалостливые улыбки пассажиров, а не их багаж. Действительно, у кого бы хватило смелости доверить переноску громоздкой корзины тощей фигурке, готовой рассыпаться от лишнего килограмма клади. Если к этому прибавить пару ног, похожих на каминные щипцы, пару рук, висящих, как два шнурка от отдушин, и впадину вместо живота, какая бывает в дождливое время на плохо утрамбованной могиле, портрет Фиркинса можно считать законченным.

Дребезжащий дискантишка Фиркинса привлекал жалостливые улыбки пассажиров, а не их багаж.

Именно в виду этой законченности ему не везло ни в одной из тех профессий, за какие он брался. Для газетчика — голос его был невнятным и слабым, для чистильщика — у него не хватало навязчивости, сигарных окурков он собирал меньше, чем синяков от сильных соперников, он мог бы быть хорошим сандвичем[3]). (На это у него хватало ума и изобретательности), если бы не каминные щипцы, с трудом переносящие его с места на место.

Все исчерпано — перспектив никаких. Пустые карманы и желудок.

В пустой комнате дверной стук всегда отчетлив и ясен. Кто бы это мог быть? — Войдите.

Гость: — Все то же?

— Как видишь, на мели.

Гость: — Я придумал, ты будешь боксером.

— ???!!!

— Да, да, с помощью вот этой штуки. Ты будешь сыт, как пятнадцать иоркширских свиней.

Томми Беркс, приятель Уильяма, осторожно — опустился на трехногий стул и, положив перед Фиркинсом какой-то желтый пакет, сказал:

— Вот, потолкуем поподробней.

Глава 2-я
Мясной бокс

Если солнце падает отвесно на горизонтальную поверхность, она нагревается, если поверхность из асфальта— раскаляется, если к тому же она поднята на семнадцать этажей ближе к солнцу — она пылает, — так думают посетители летнего спортивного Клуба Торговцев Мясников, на крыше небоскреба акционерного о-ва Спирль Уайт.

Крыша походит на огромную печь, где жарятся большие свиные туши, с той только разницей, что туши не подвешены за задние ноги, а имеют относительную свободу движений; относительную потому, что* очередное боксерское состязание собрало плотную толпу мясников, облепившую место схватки и, тяжело отдуваясь, переступающую сапогами, размерами немного менее ящиков от пианино.

Мягкий асфальт теснился, принимая в себя партию за партией каблучные автографы, в каждом из которых мог бы спрятаться сынишка, закрывшись сверху отцовским картузом.

Идет четвертая схватка Джона Гулл, своим тяжелым кулачищем — гидравлическим прессом, — щелкающего как кедровые орехи колючие подбородки своих противников, падающих с грохотом солидных шкафов.

Джон Гулл так крепко держится на широко расставленных ногах, словно победы не принсят ему ни малейшего утомления. Остается один противник — Дик Портер.

— Ну, Дик, вылезай!

— Торопись, старуха!

— Устрой из Гулла отбивную котлету.

— Чорта с два, как бы вам не пришлось собирать в мешок диковские кости.

— Чем орать, вали-ка за мешком.

— Лезь, лезь, Дик.

Дик давно уже лез по плотному складу человеческих окороков, грудин и шей.

Джон встретил его насмешкой: — Завтра выпьем на твоих поминках, мать-то у тебя есть?

— Есть, все есть, и вот это есть, — и Дик поднес трехугольный кулак к пористому носу Гулла.

Сторонники Дика:

— Гы, гы, гы…

Свисток рефери прервал гыгыканье..

Первый ловкий удар Дика возобновил смешки. Гулл ответил ударом в правую часть живота. Дик закачался, но устоял: второй удар качнул его сильнее, но не помешал ему сделать быстрый выпад сбоку в предсердие. Гулла, отчего у того зло помутнели глаза и подтянулась нижняя губа, Гулл решил не затягивать схватки и, рассекая рукой воздух, отчетливо шлепнул Дика по левой височной кости. Дик вывалил на минуту язык и плохо упакованным свертком грохнулся на площадку.

Пока рефери безнадежно отсчитывал секунды, Гулл, как громадный зверь, ходил внутри натянутого квадрата и вызывал новую добычу.

— А ну, кто еще? — гудел Гулл.

— Я! — выкрикнуло дискантом из-за широких спин и вьюном вылез на площадку тщедушный Фиркинс.

Презрительный раскатистый хохотне прекращался несколько минут. Гулл развеселился, присел на канат и, подражая Фиркинсу, птичьим голосом пропищал: захватил ли ты соску, малец?

Фиркинс оставался серьезным, он сбросил жидкий пиджачишка, упавший рядом с грудой одежды Гулда, и долге и старательно одевал перчатки.

— Щенок, перчатку не поднимешь, покопайся, покопайся!

Из всей толпы один Фиркинс и era приятель Томми Беркс знали, почему нужно копаться с перчатками.

— Начнем, — пропищал Фиркинс.

Рефери подошел к Гуллу и шепнул:

— Не калечь мальчишку.

Схватка началась, если только это можно назвать схваткой. Только что успел Гулл шутливо смазать по губам противника, как Фиркинс взмахнул тощей рукою и коротко ударил по челюсти Гулла. Челюсть захлопнулась, как пустой сундук, и Гулл рухнул замертво.

Великий Гулл!

Глава 3-я
Фиркинс на облаках

«Сегодня……..дря…….года
В клубе Лордов
УИЛЬЯМ ФИРКИНС.
Начало в 4 часа дня».
Таймс 13…….. «Новая победа

молодого Уильяма Фиркинса была так же загадочна, как и все его предыдущие. Его партнеры не один год носили звание чемпионов…

Его приемы показывают отсутствие какой-либо серьезной школы, тем не менее его прямые удары сокрушительны для всех противников. Вокруг имени Уильяма Фиркинса создалась легенда. Недавно появившийся на арене, слабый на вид (легковес 48 килограмм), он не имел еще ни одного поражения… Как известно, приз «Золотого Орла» достался ему же»…

Традиционный лондонский туман отсыревшим. одеялом кутал человеческие плечи, крупы лошадей, автомобильные шины и изваяние полисмена на углу Реджент-Стрит.

Британские носы с усами внизу и британские усы с носами наверху; оторвавшиеся от арифмометров стеклянные глаза, другие — веселые, легко забывшие алфавит пишущих машин; полкилограмма румян, положенных на плоскостях впалых щек; острые и тупые ботинки; цепочки на животах, — все это непрерывно двигалось по двум сторонам тротуаров.

Выставки на окнах не могли соперничать с назойливостью световых реклам. Рекламы, что дельцы с лондонской биржи, выхватывали друг у друга внимание толпы. Яростная их схватка ©кончилась бы вничью, если бы не царили над всем зеленые буквы на тусклых облаках:

«Все! Все! Все!
Завтра
НА ЛОНДОНСКОМ СТАДИОНЕ
чемпион Англии
против чародея бокса
УИЛЬМА ФИРКИНСА».

Дикари Мадагаскара, Таити, Суматры, Борнео и Гватемалы не знают, например, русского баса Шаляпина, артисток Элеонору Дузе и Сарру Бернар, но если вы их спросите, кто такой Уильям Фиркинс, они с сожалением подумают о вашей отсталости и скажут снисходительно, как

детям:

— Уильям Фиркинс — боксер, будущий чемпион мира!

Глава 4-я
Посетитель морга

Гранд-Отель. Лучшая комната, обитая желтым шелком. Кровать — времен Стюартов. Одеяло — воздушный пирог. В пироге — мало начинки. Начинка — никто иной, как Фиркинс.

Одеяло загнулось, высунулся нос, настолько- тонкий, что им можно, было бы чистить ногти. За ним последовал фиолетовый подбородок, челюсти начали ритмично раздвигаться. Читатель может подумать, что Фиркинс завтракает в постели.

Да нет же, он зевает! А зевает он потому, что знаменит. Мир в представлении все изведавших знаменитостей скучен, как гнилой зуб бабушки, завещанный вместе с долгами.

Фиркинсу все приелось. Восторженные глотки, женские карминные улыбки и чековая книжка из Национального банка.

Очередной зевок прерван телефонным звонком.

— Ты, Томми? Опять мне тащиться?

— Лентяй. Ты забываешь, что сегодня я хочу тебя, дурака, сделать чемпионом мира. К трем ты должен быть в цирке.

— Нельзя ли отложить, мне все опро…

— Нельзя-ли отложить, мне все опро…

— Без глупостей, ровно в три, сейчас около двух!

— А ты, Томми?

— Еще бы мне не прийти! Что ты без меня стоишь?! Сбегаю за папиросами и в цирк, не беспокойся, буду раньше тебя.

Положенная трубка не успела втянуть в себя еще один зевок Фиркинса.

За несколько минут до начала состязаний маленький клоун Жакэ — эксцентрик со своей подругой Миетт, исполнив музыкальный номер на колокольчиках, выбежал с арены за кулисы и, не разобрав в полумраке скучающую фигуру, слегка задел ее.

— Простите, мистер Фиркинс!

Подражая своему возлюбленному, Миетт присела в извинительном реверансе. Фиркинс, с превосходством человека, которому все прощается, снисходительно хлопнул звонким щелчком по животу Миетт. Миетт вспыхнула. В глазах у багрового маленького Жакэ запрыгали портьеры, полоса света на арену и цирковая бутафория.

Забывая, что перед ним боксер, Жакэ бросился на Фиркинса с кулаками. Фиркинс стал в привычную позу. Неизвестно, что быстрее свистнуло в воздухе: слово «мерзавец», или хлесткий удар Жакэ по щеке Фиркинса. Знаменитый боксер пискнул, как летучая мышь, и упал на опилки.

Знаменитый Фиркинс пискнул и упал на опилки.

Спутал ли Фиркинс после падения двери или намеренно, но он ранее срока появился на арене. Глаза его кого-то искали в многоярусной публике. Искали, но не нашли. Он бросился к телефону.

— Алло, алло, алло, кто?

— Экономка.

— Позовите Беркса.

В ответ всхлипывания.

— Что вы плачете? Где Беркс?

— Ах, это вы, мистер Фиркинс.

С моим господином случилось страшное несчастье. (Плач).

— Что? Что? Скорее!

— Он пошел за папиросами, и его переехал автобус. Он в городском морге. Бедный ми…

В состязании на звание чемпиона мира Уильям Фиркинс участия не принял.

В круглые окна городского морга свешивается промокшее одеяло лондонского тумана.

Туману мало места за окнами, он кутает в свое одеяло» и продрогших мертвецов, и старого сторожа морга, и тощую фигурку ножиданного посетителя.

Посетитель — Уильям Фиркинс. Стоя на коленях около своего друга, Фиркинс в десятый раз всматривается в странный прибор, извлеченный из кармана мертвеца.

Жалкая рухлядь! Колесо автобуса не только сплющило голову Беркса, но и этот таинственный прибор — постоянную причину его успехов.

Если бы Фиркинс был человеком своего века, он знал бы, что это был новый карманный радио-аппарат, управляемый во время состязания Берксом, сидящим в публике и излучающим оглушающие лучи из перчаток Фиркинса.

Этого Фиркинс не знал.

Фиркинс знал одно: нет прибора, — нет и чемпиона Уильяма Фиркинса.

Слава его лежала разломанной на мелкие кусочки, на его собственной ладони.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В СКАЛИСТОМ УЩЕЛЬЕ

Рассказ Евг. Шведер

Это была славная схватка, — одного против двенадцати. Узкий проход Скалистого ущелья, в котором засел Фред, в течение четырех часов обстреливался тридцатью жандармами. Пули дождем щелкали о гранитные выступы, сплющивались, отбивали осколки гранита и скатывались вниз в темную пропасть.

Позиция была выбрана превосходно: с тылу ее нельзя было обойти, добраться же до площадки можно было только по пятисаженной отвесной скале и Фред, прикрытый громадными глыбами, чувствовал себя в относительной безопасности. Беспокоила мысль, что может истощиться запас зарядов, но он стрелял с тщательным прицелом и каждый выстрел обязательно вырывал какую-либо жертву.

Противники бросались не раз в атаку, но каждый раз отступали, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. В конце, концов они рассыпались, насколько это представилось возможным, и, пользуясь прикрытием каменных глыб, принялись яростно обстреливать площадку.

А когда наступила ночь, нападающие отступили и сражение было выиграно Фредом: он был ранен в левую руку, но жив и не взят в плен.

Сделав кое-как перевязку, Фред начал соображать, что же теперь предпринять? Враги ушли — это он знал наверно, и он мог бы беспрепятственно спуститься вниз и пробраться в долину Риоля, но безумная усталость и рана заставляли его думать об одном — об отдыхе.

Морщась от боли, Фред осторожно начал пробиваться меж кустами и

глыбами камней: он знал, что в самом конце площадки была небольшая пещера, где он мог укрыться на несколько часов. А завтра? Явятся ли его преследователи снова или же они откажутся от своих попыток захватить его, и что предпримет он завтра — Фред не думал: он привык соображать быстро и отчетливо тогда только, когда события уже назревали, когда медлить было нельзя: тогда являлось вдохновение, помогавшее ему не раз уже, выпутываться из самых затруднительных положений.

Добравшись до пещеры, Фред, нагнувшись, пролез в нее, стараясь не потревожить раненую руку — и вдруг насторожился: из глубины пещеры послышалось урчанье. Фред сжал карабин и приготовился к отпору: какой неведомый враг скрывался в темноте?

Сжимая карабин правой рукою, Фред в нерешительности приостановился: узкий вход в пещеру и больная рука мешали ему отступить назад. Тихое, но грозное урчание продолжало нестись из темноты пещеры. Фред приподнял карабин, чтобы выпустить заряд в сторону неведомого противника, но вдруг он почувствовал, что почва колеблется у него под ногами и он, теряя сознание, бессильно опустился на землю.

Сколько времени длился обморок, Фред не знал — быть может минуту, а быть может час или; больше — он очнулся слабый и бессильный от усталости и потери крови, но с ясною головою. Сделав усилие подняться, он вдруг нащупал здоровою рукою густой мохнатый мех и вслед за этим послышалось тихое ворчанье. Инстинктивно Фред отдернул руку и начал соображать, что следует делать ему дальше. Карабин было тут же под рукою, но нужен ли он ему, если это неведомое ворчащее существо не сумело воспользоваться его обмороком? Удерживая стон от жестокой боли, Фред достал из кармана зажигалку и высек огонь.

— А, вот в чем дело, — молвил он с улыбкою. — Ну, ты мне, голубчик, не страшен — да к тому же мы, кажется, с тобою товарищи по несчастью? А?

Молодой медвеженок недоверчиво и сердито фыркнул в ответ на слова Фреда и сделал попытку подняться, но, зашатавшись, тотчас же снова спустился на землю.

Он был ранен в ногу. Фред сразу же определил это. Кто и когда ранил этого бродягу? Быть может Иль — охотник, гроза всех лесных бродяг, а быть может одна из тех тысяч пуль, которые предназначались для Фреда? Кто знает. Случайности бывают всякие.

Фред лежал рядом с медвежонком и раздумывал: что делать? Вероятно скоро начнет светать и надо на что-либо решиться. Его не будут, вероятно,

здесь искать, решив, что он не останется, конечно, на месте, а либо спустится в долину Риоля, либо уйдет в горы… Значит, оставаясь в течение некоторого времени здесь, в пещере, он может считать себя, пожалуй, в большей безопасности, чем в долине: уйти в горы он не может — ему придется взбираться почти по отвесным, тропинкам, а сделать это с одной здоровой рукой он не сможет. Оставаясь здесь, он обеспечен водою, так как в нескольких шагах от пещеры находился горный родник, а захваченный им запас галет хватит на три-четыре дня. Итак, пожалуй, все говорило за то, что ему следовало бы переждать это тревожное время именно здесь, в пещере. А рана? Фред определил, что кость не повреждена и заживление раны пойдет своим порядком.

— Нам, приятель, придется разделить квартиру, — сказал Фред обращаясь к медвеженку; — ничего не поделаешь, она такая же твоя, как и моя. А? Ты ничего не имеешь? Впрочем, если тебе не нравится, ты можешь уйти.

Медведь заурчал, но урчание это было тихое и не злобное.

— Надо запастись водою, пока еще темно, — решил Фред и, отстегнув свою фляжку, направился к выходу.

Близился рассвет и уже тускнели звезды. В воздухе чувствовался острый холод. У родника Фред промыл рану и, наполнив фляжку, направился в пещеру. При его появлении медвежонок начал было ворчать, ню тотчас же успокоился.

— Ну, ну, не волнуйся, — молвил добродушно Фред, помни, что твое положение хуже моего: я могу ходить, а ты, кажется, лишен этого удовольствия.

Медвеженок, точно понимая его слова, тихо и жалобно застонал.

— Постой, дружище, ты тоже, вероятно, хочешь пить?

Фред засветил огонь, вылил содержимое фляжки в свою шляпу и поднес ее медвеженку. Тот, захлебываясь от жадности, принялся утолять, повидимому, давно мучившую его жажду.

Фред поил медвеженка водой из шапки.

— Ну, а теперь возобновлю запас воды и притаимся в своем логовище: уже светает и неизвестно, что принесет нам грядущий день.

Человек и зверь лежали, прижавшись друг к другу в темной пещере, оба беспомощные, оба страдающие и страдания сближали их. На Фреда снова напало забытье и неясные, странные и кошмарные видения кружились над ним. Быть может его искали, быть может опасность была на волосок от него — он ничего этого не сознавал. Медвеженок же лежал уткнувшись носом в передние лапы, бережно отставив раненую заднюю ногу, и лишь время от времени принимался зализывать рану.

Так прошел день, наступила ночь. Ночь принесла некоторое облегчение: кошмарные виденья рассеялись, Фред пришел в себя и потянулся к фляжке с водою, медвеженок жалобно застонал. Фред жадно выпил половину ее содержимого, остальную воду, налив в шапку, подставил медвеженку. Потом, морщась от боли, выбрался из пещеры и пошатываясь направился к роднику.

Была ночь, сверкали звезды и невозмутимая тишина царила в горах. И странным казалось Фреду недавно пережитое: погоня, перестрелка, град

пуль… И снова всплыла мысль: что же дальше? Спуститься в долину или выжидать здесь дальше? Рана как будто подживает, вода и еда есть — а в долине его наверное стерегут.

И снова прошла ночь — наступил день и человек, и медвеженок, оба беспомощные и страдающие, лежали в темной пещере.

А на третий день в сумерки послышался странный свист: тонкий, как комариное жужжанье, но четкий и ясный. Фред насторожился: этот свист был ему хорошо знаком, но он боялся ошибки. По мере того, как свист слышался все ближе и ближе, рассеивались сомнения. Придвинувшись к выходу из пещеры, но держа на всякий случай ружье: наготове, Фред издал ответный звук. Сердце его сильно билось.

— Фред?

— Длинный Джон?

— Я, дружище. Все благополучно. Я знал, где тебя найти, раз ты остался жив. Хе-хе, славное было дельце, но ты правильно поступил, не опустившись в долину.

— А теперь?

— Говорю — все благополучно. Сегодня вечером мы разопьем бутылку твоего любимого. Эге, да ты ранен.

— Есть немного. И к тому же я здесь не один.

— Э?

— Да, да. Загляни в пещеру.

Длинный Джон не сразу понял, что за темное мохнатое существо ворчало в углу пещеры. А разобравшись, весело расхохотался:

— Приятная компания. Но как же ты с ним ужился?

— Он тоже ранен.

Малыши-племянники частенько приставали к Фреду с просьбами:

— Дядя Фред, расскажи:, как ты жил с Томми в пещере?

И выслушав! рассказ, неизменно спрашивали::

— Но Томми с тех пор вырос? Теперь мы на него с трудом влезаем, чтобы покататься, а тогда он был меньше — правда, дядя Фредди?

XL

XL.

5 декабря 1925 года исполняется 40 лет издательской деятельности Петра Петровича Сойкина, издателя журналов «Вестник Знания» и «Мир Приключений» основателя первого популярно-научного журнала «Природа и Люди».

Имя П. П. Сойкина тесно связано с издававшимся им в девятидесятых и девятисотых годах первым в России марксистским журналом «Научное Обозрение» и с журналами: «Знание для Всех», «Сельский Хозяин», «Прогрессивное Садоводство и Огородничество», с ныне издаваемым — «Журнал для Усовершенствования Врачей», с целым рядом изданий книг сельскохозяйственных, популярно-научных и литературных произведений авторов мирового значения.

Чествование юбиляра состоится 5 декабря в 2 часа дня, в помещении Редакции журнала «Вестник Знания», Ленинград, Стремянная, 8.

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА ПО ЧЕСТВОВАНИЮ П. П. СОЙКИНА:
Председатель: *И. Ковалевский.*
Члены: акад. *Вл. Бехтерев.*,
проф. С. О. *Грузенберг.*
Проф. *Н. А. Морозов* (Шлиссельбуржец).
И. Л. Блюмберг
И. В. Высоцкий.
Секретарь: *И. Федюшин.*

Общества, учреждения и частные лица, желающие принять участие в чествования П. П. Сойкина, благоволят обращаться в редакцию журналов: «Вестник Знания» и «Мир Приключений», Ленинград, Стремянная, 8), а также к Секретарю по телефонам: № 58–02 до 5 часов и № 164-56 после 5 часов.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

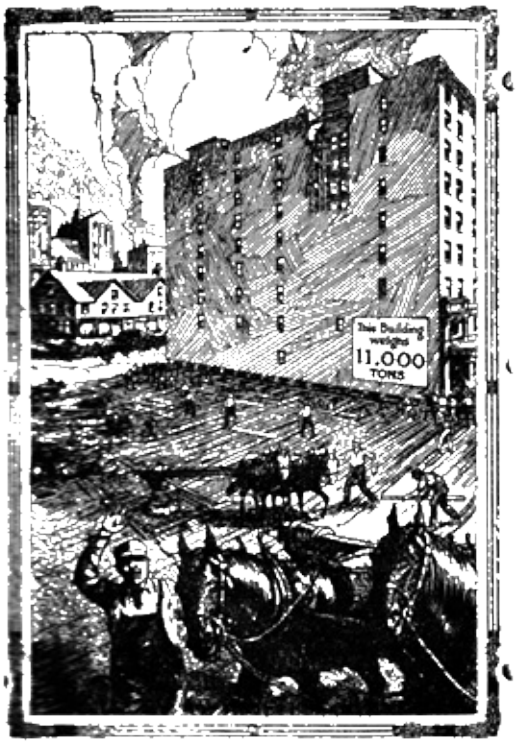

ДВИЖУЩИЕСЯ ДОМА.

Очень часто при прокладке жел. — дор. пути, при перепланировке города, при разных гидротехнических и земляных работах, приходится сносить и ломать довольно ценные и крупные жилые постройки. Если эти постройки были бы всего в каких нибудь двух-трех десятках саженей в стороне, они могли бы спокойно существовать дальше, — но дома не даром считаются «недвижимостью» — их можно уничтожить, но передвинуть нельзя.

Эту старую истину взяли под сомнение практичные американцы и решили рискнуть передвигать «недвижимое». Первые попытки были сделаны над небольшими деревянными домами путем подведения под них солидной рамы на катках, на которой весь дом медленно и осторожно передвигался с места на место.

Составились целые компании для переноса строений, при чем эта операция переезда дома совершалась так, что внутри, — его жизнь шла как ни в чем не бывало, разве только на время путешествия дома лишались воды и света.

На рисунке изображено перемещение целой громады в 9 этажей, весом 11000 тонн, или около 660.000 пудов. Подготовка заняла несколько недель, — пришлось под фундамент подвести солидную деревянную раму, сотнями домкратов приподнять ее на несколько фут и осторожно, дюйм за дюймом, сдвинуть с места на подложенных деревянных катках. Само перемещение заняло лишь день времени и было произведено канатами и шестью воротами, вращаемыми дюжиной лошадей, при чем в доме это движение совершенно не было заметно.

Еще интереснее, пожалуй, другая работа в этом роде. В штате Виргиния около города Чарльстоуна понадобилось перенести несколько домов на расстояние 10 верст. Расчеты показали, что проделать весь этот путь на катках было слишком дорого. Тогда прибегли к иному способу: устроили на реке высокую и солидную пристань, на огромных баржах установили такой же высоты платформы и вкатили на них дома, предназначенные для переезда. Дальнейшая их транспортировка была произведена водой, при чем на месте прибытия были сделаны такие же сооружения. Вся операция прошла совершенно гладко. Так скоро, чего доброго, мы будем свидетелями, как целые города начнут менять свое место.

———

СВЕТ и МУЗЫКА

Есть люди, — обыкновенно это бывают тонкие артистические натуры, которые, слушая какую нибудь красивую музыку, — невольно соединяют ее в своем представлении с различными красками и цветами. Они чувствуют

то или иное музыкальное произведение в фиолетовом или оранжевом цвете, а иные аккорды им определенно кажутся «синими» или «желтыми»…

Соединив в одно гармоническое целое звуки и краски, можно было бы достичь небывалых эффектов, где световые впечатления дополняли бы и углубляли бы наше восприятие музыкальных форм. О таком музыкальном световом инструменте думал еще наш гениальный композитор Скрябин, мечтавший об исполнении своей «Поэмы Огня» и «Поэмы Экстаза» в сочетании со световыми эффектами и даже сам построивший модель такого прибора.

Американскому изобретателю Томасу Вильфред после нескольких лет работы удалось недавно создать чрезвычайно интересный инструмент, названный им «клавилюкс» и напоминающий собой рояль или небольшой орган, где, при нажатии соответствующих клавиш и кнопок, на особом экране вспыхивают огненные фигуры различной формы и цвета.

Фигуры эти отчасти напоминают собой огни северного сияния. То это сверкающие языки пламени, блестящие короны, извивающиеся ленты огня, то мерцающие ленты, неясные отблески далеких вспышек, смутные переливы туманных сияний… см. рис. 1).

Игра на этом инструменте может производиться и без сопровождения музыки. Одна из «световых симфоний» в желтых и зеленоватых тонах с неясными фигурами в форме раскрытого; тюльпана создавала представление об идущей весне, другая симфония, изображавшая взмахи огненных крыльев орла, точно переносила зрителя в голубую небесную

высь.

Самый музыкальный прибор очень сложен. Он имеет тройную световую камеру, соответственно связанную с клавиатурой и мехами органа.

Каждой клавише соответствует около сотни световых фигур и красок, дающих бесконечное разнообразие сочетаний. Фигуры и краски имеют, как ноты в музыке, свои особые условные обозначения, позволяющие их записывать и воспроизводить по желанию. Педали, регистры и модераторы, как и в органе, дают возможность усиливать и ослаблять яркость этих фигур, менять их цвет и оттенок.

Часть клавиатуры «клавилюкса» видна на рис. 2.

Но и СССР не осталась в стороне от решения интересной проблемы гармонии света и звука. В начале июля художник Гидони прочел в Институте Истории Искусств в Ленинграде доклад об изобретенном им свето-инструменте. Две системы клавишей регулируют как силу света, так и все оттенки красочности. Благодаря компактности и несложности механизма, возможно составить целый «свето-оркестр», играющий одновременно и параллельно с «звукооркестром», при чем оба они, таким образом, в своей совокупности дают полное звуко-светокрасочное единство.

Но самое ценное в изобретении Гидони, это отсутствие экрана. Свето-краска представляет собой зрительную атмосферу, в которую непосредственно погружен весь зал.

В. Д. Никольский.

ГОРОД БУДУЩЕГО

Все возрастающая сложность и напряженность жизни в крупных населенных пунктах, в западно-европейских и американских городах, повели к необычному их росту и развитию, особенно в последние десятилетия. Усовершенствование и улучшение городских и пригородных путей сообщения способствуют разростанию городов, так сказать, в ширь, оттягивая часть населения от центра к окраинам.

Но вполне понятное стремление сконцентрировать, соединить на небольшом участке земли все нужные государственные, торговые, деловые и административные центры повело к тому, что земля эта чрезвычайно вздорожала и расценивается, например, в центре Нью-Йорка по несколько тысяч рублей за квадратную сажень.

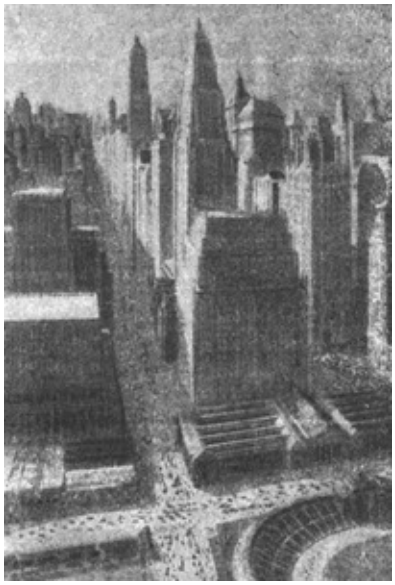
При такой дороговизне земли не приходится удивляться, что тамошние строители стали воздвигать двадцати, тридцати и даже пятидесятиэтажные башнеподобные громады.

Такие дома строятся не из камня, так как. никакой камень не выдержал бы тяжести вышележащих этажей, а из стальных решетчатых каркасов,

среди которых возводятся из легкого камня и кирпича отдельные куски стен. Фундамент под такими колоссами строительного искусства делается на особых глубоко закладываемых стальных трубчатых кессонах, заполняемых бетоном.

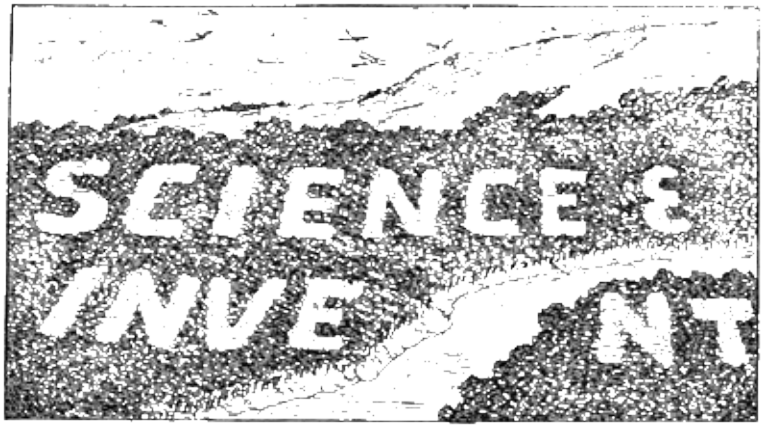
В таких «небоскребах» может поместиться несколько тысяч жителей — население целого уездного города. К их услугам десятки лифтов, так как не всякому под силу подняться к себе, придя с работы, на высоту 100–150 метров по лестнице с доброй тысячей ступенек.

Фантазия художника, которую мы видим на этих рисунках, лишь немного прибавила к действительному виду некоторых современных Нью-Йоркских улиц. Примет ли город будущего такие формы, пугающие нас своей грандиозностью, — покажет недалекое будущее.

Эти величественные стальные и каменные гиганты, пронзающие небо своими шпилями и крышами, эти полутемные, похожие на ущелья улицы с непрерывной лентой бесчисленных автомобилей, эти десятки этажей, громоздящиеся один на другом, — как далек этот «город будущего» от другого его идеала «города-сада», давно уже рисующегося многим мыслителям и художникам, — города, где преимущества культурного населенного центра будут гармонически слиты в одно целое со всеми благами жизни среди естественных, природных условий…

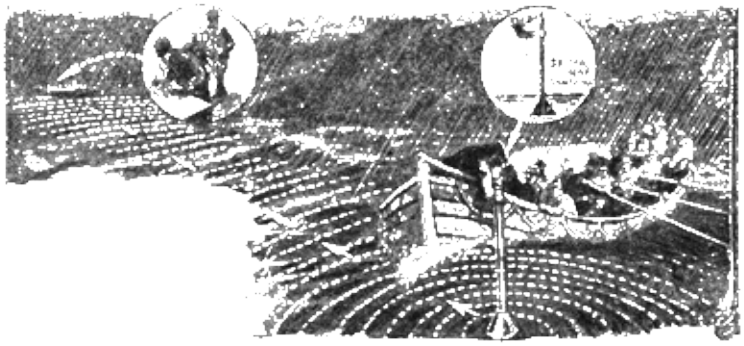
Гигантские рекламы

Искусство рекламы, повидимому, не знает границ. Рекламы|на зданиях, на крышах, на троттуарах, на окнах, рекламы вдоль жел-дор. путей, на скалах, на облаках, — кажется нет такого уголка и такого способа, где реклама, дочь конкурренции, — не нашла бы себе места за последнее время. Нас поэтому he должен особенно удивить новый способ объявлений, предложенный недавно в классической стране всякого рода рекламы — в Америке, в расчете, повидимому, на огромное грядущее развитие авиации. В лесистых районах вырубаются просеки в форме гигантских букв, видимых сверху за много верст и составляющих целые слова и фразы. Для равнинных районов предполагается посев среди хлебных полей других растений, отличающихся между собою окраской. Последний способ, заметим, кстати, — только в еще большем масштабе предлагался уже около 80 лет тому назад знаменитым германским астрономом, Гауссом, с целью подачи сигналов предполагаемым жителям Марса.

———

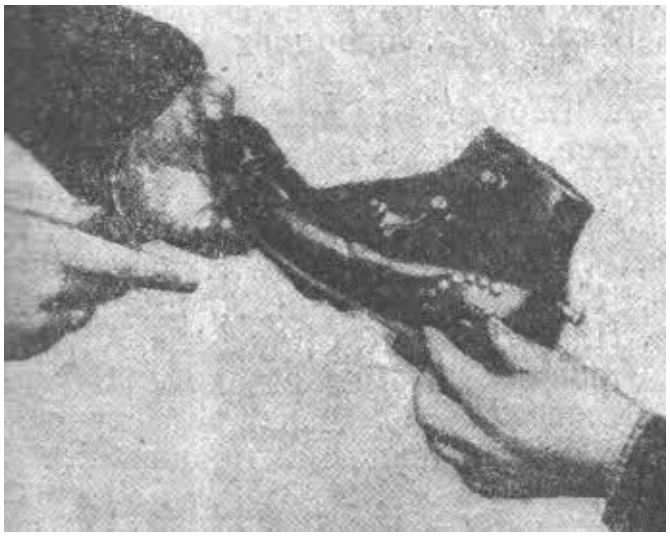
Подводные Сигналы.

Часто при катастрофах на море, благодаря густому туману, делается невозможным спасение погибающего судна. Световые сигналы не видны, радио на близком расстоянии также становится бесполезным, да и на малых спасательных судах их обыкновенно совсем не бывает. Остаются сигналы звуковые в виде сирен, выстрелов и звонков, но и они, благодаря туману и ветру, часто относятся в сторону и сбивают с пути лодки, идущие на помощь. Поэтому в последнее время часто пользуются подводной звуковой сигнализацией. На спасательную лодку берется металлический рупор, широкий конец которого закрыт также металлической пластинкой. На эту пластинку упирается стержень, по которому молотком наносят удары. Рупор при этом погружается в воду (как показано на рисунке справа), через которую и передаются колебания пластинки. Звуковые подводные волны воспринимаются на корабле посредством особого телефона и капитан имеет возможность по слуху направлять свое пострадавшее судно к ищущему его спасательному судну. Возможен также и обратный способ: телефонным воспринимающим аппаратом снабжена спасательная лодка, а звучащий подводный колокол устанавливают на судне.

———

СМЕСЬ

Оригинальный тип радиоприемника устроен в старом башмаке. Изобретатель получил за него приз на выставке новых изобретений в области радио в Чикаго. Этот хрустальный радиоприемник при испытании оказался не хуже других малых хрустальных приборов более привычной формы.

———

Сердце, как двигатель.

На вопрос: какой двигатель должен считаться наилучшим, можно указать что таким двигателем является наше сердце.

При весе в 300 грамм его сила исчислена в 1/375 лош. силы. Хотя современные авиационные моторы развивают при том же сравнительном весе в сто раз большую силу, чем сердце, но зато им далеко до его выносливости и регулярности.

Каждый удар сердца соответствует работе поднятия 1 фунта крови на высоту 1 метра, таким образом при 70 ударах в минуту, за сутки сердце сделает около 100.000, в год около 40 миллионов, а за время 70 лет — до 2.800 миллионов ударов.

При каждом ударе сердце гонит через себя в легкие около 1/10 метра крови, в минуту оно заставляет циркулировать 7 литров, в час около 400 литров, — в день около 10.000 литров, в год — до 4.000 куб. метров, а в 10 лет то количество крови, которое сердце прогоняет через себя, могло бы

наполнить бассейн, поверхностью в одну десятину и 12 саженей глубины.

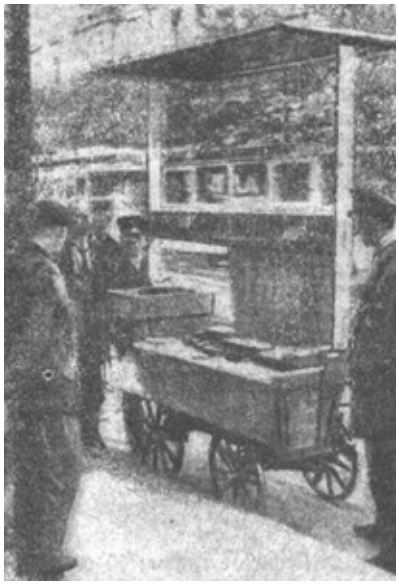
———

Что крепче — железо или дерево?

— Праздный вопрос, — скажет читатель, конечно, железо. — И ошибется, так как в некоторых случаях железо уступает дереву в крепости и долговечности. Железные трубы, как оказывается, иногда значительно уступают деревянным. Ремонтированный недавно деревянный водопровод из Таицких ключей под Ленинградом, построенный свыше ста лет тому назад, показал отличную сохранность тех частей, которые не подвергались действию воздуха. Еще удивительнее было нахождение прекрасно сохранившейся сосновой насосной трубы в одном старинном заброшенном руднике, разрабатывавшемся римлянами, т. е. 2000 лет назад. Снаружи она была обложена известковыми отложениями, но внутри дерево имело совершенно свежий вид и легко поддавалось обработке инструментами.

———

Лучшее доказательство широкого распространения радио в Америке.

В Нью-Йорке дешевые приспособления для радио продаются уличными торговцами на ручных тележках.

———

Были ли Содом и Гоморра?

Американский профессор Эльсворт Гундингтон, долго работавший еще до войны над обследованием Мертвого моря и долины Иордана, делится в «Harper’s Magazine» своими впечатлениями о далеком прошлом этой страны. По мнению Гундингтона, Содом находился на северном берегу Мертвого моря, неподалеку от нынешнего арабского местечка Суваймех, где ныне палестинским правительством найдены обширные залежи нефти. Катастрофа произошла, вероятно, тысячи за полторы лет до Р. Х., когда началось бурное поднятие северного берега Мертвого моря и вулканические извержения окрестных, теперь потухших небольших вулканов. Гундингтон нашел даже кратер небольшого вулкана неподалеку от нефтяного источника. Вероятно землетрясение вызвало самовозгорание нефти и извержение ряда вулканов, уничтоживших богатый северный берег моря с городом Содомом во главе. Палестинское правительство ассигновало 100.000 фунтов на дальнейшие работы профессора.

———

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Решения задач,

помещенных в №№ 4 и 5 журнала «Мира Приключений».

Задача № 3. *Ответ:* Пять слов из трех букв: бук; жук; лук; пук; сук.

Задача № 4. *Ответ*: Однажды, идя по дороге, я нашел подкову; поднял ее и положил в сторону; опять поднял и, подумавши, подарил ее Науму.

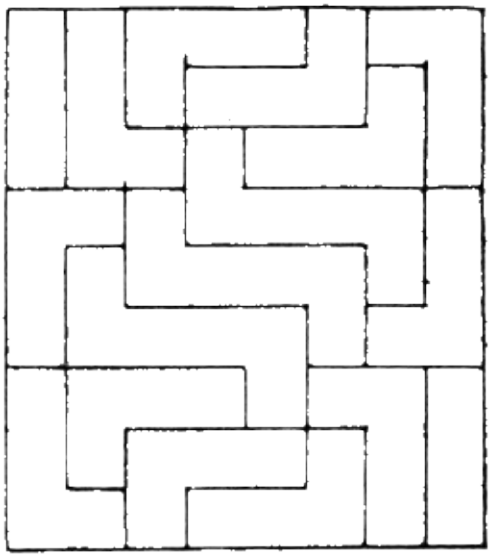
Верные решения задач №№ 3 и 4 прислали: *Е. Ульянова; М. Козлов и П. Кочетов; П. Вамбакин; В. Кизель; Алексеев-Попов; Б. Бедненко; К. Калантаров; В. Митрофанов; А. Архангелов; А. Керимбеков; Е. И. Кияшко; Н. М. Емельянов; И. Я Правдин; П. С. Голубь; С. Лаванов; В. Я. Кудрявцев.*

Задача № 5. *Ответ:* За единицу средней продолжительности человеческой жизни принималось 25.000.000 минут. — Трудность задачи — исключительно в точности вычислений.

Верное решение этой задачи прислал только один *К. Калантаров* (Тифлис).

Обещанная в премию за решение этой задачи книга проф. С. О. Грузенберга «Гений и творчество» выслана К. Калантарову

Решение задачи № 6

Задача допускает и другие решения.

Прежде других отправили свои решения 5 лиц. *Всем пятерым послано по экземпляру обещанной в премию книги проф. А. М. Большакова «Вспомогательные исторические дисциплины».*

Первые пятеро решивших:

Б. Петров, С. Агафонцев, А. Будяковский, Г. Карро и *О. Сокольницкий* (Тянцзин, Китай),

Кроме них, правильные решения прислали:

А. Бабкин, Д. Артемьев, В. Керстенс. П. Агеев, Д. Рабинович, О. Ловцова, М. Пахомов, Н. Сочеванов. К. Кетуровский, И. Сиферт, Я. Корпун, Н. Сладкова, А. Лохин, В. Трушковский, Е. Кияшко, Емельянов, К. Тарнопольский, А. Емец, М. Ключов, Н. Русаков, К. Сабукевич, А. Неверов, М. Правдин, Б. Подгаевский, П. Тарасов, В. Белоглазов, С. Лаванов (одновременно С. Лавановым присланы правильные решения задач №№ 1, 2, 3, 4), К. Калантаров, Л. Ерхов, М. Маметкули, И. Подрезов, А. Галин, И. Бондарук, Н. Брейтфус, М. Василенко, И. Хмелев, Г. Соколов, П. и С. Голубь, В. Цируль, Л. Шаблов, А. Бергамаско, Ф. Эйдемиллер, П. Богданов, В. Сюмкин, М. Вайншель, Г. Пирумов (также решены №№ 3 и 4), Н. Тарышов, Н. Хитрин, А. Кубасов, В. Бугаенко, Б. Эйдельмант, С. Млы-нец, И. Раскин, О. Грушецкая, Т. Ст… (неразборчиво) из Баку, Н. Фомин, М. Николайчук, В. Михайлов, Г. Слободской (также и № 3), Е. Жуковский, М. Красновский, Н. Грачев, М. Агафонов, В. Федоров,

Б. Васильев, И. Пурин, Р. Гаскевич (221 квадратик было бы в 3 х 17 = 51 части, а их всех—17), Е. Мусс, Н. Парамонов, В. Митрофанов, Н. Романовский, Д. Карих, Н. Балабанов, С. Морозов, И. Райхвар, А. Широков, Н. Соколов, Б. Шульман, Е. Куршакова, Ю. Ямпольский, М. Шкандин, И. Мангуби, С. Мазманинов, Г. Хорст, С. Туров, М. Мятыга, В. Дейнско, П. Зарецкий, Н. Виноградов; А. Колтушкин, Ибн’ямин, Ишимбаев, М. Давыдова, В. Хасатов, Н. Чернов, И. Пигин, П. Чертков, В. Николаев, А. Кудряшев, В. Богданов, П. Анисимов, Я. вазовский, Н. Толкачев, К. Шурыгин, О. Аксамитная, Е. Кочеров, А. Дубров.

Всего поступило 112 правильных ответов.

Б. Васильеву. Чтобы судить о составленной вами задаче, просим прислать решение, в возможности которого, однако, сомневаемся. Тип задачи интересен.

В следующем № журнала «Мир Приключений» будет введен новый отдел задач с премиями, «*Переплетенные слова*» под редакцией П. В. Мелентьева.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Почтовый адрес: ЛЕНИНГРАД Стремянная, 8

Телегр. адрес: ЛЕНИНГРАД, СОЙКИНУ

Телефон № 58–02,

ВСЕМ ПЕРЕВОДЧИКАМ. Еще и еще повторяем: не переводите из старых журналов и книг! При переводе обязательно прилагайте оригинал, иначе рукопись не будет прочитана и попадет прямо в редакционную корзину.

Л. К. (Здесь) «Несчастный случай» — неудачный, мало продуманный опыт (крестьянин уезжает из деревни в город «на зимнее время» в пору сенокоса), не интересный по сюжету и малолитературный.

В. Г. (Москва). «Современный Аладдин», не смотря на нравоучительную тенденцию, не может быть напечатан, так как в основе работы всетаки мистика.

В. М. (Москва). Тема о мертвецах, которых боятся живые, — стара, как литература, и нужен большой талант, чтобы дать рассказы, приемлемые для современного читателя. Стиль пока еще не Ваш, а сборный — наслоения прочитанного. То — «трудовой пролетарий», то — «темнокудрый юноша». Обдумывайте каждое выражение, каждое слово, пока не почувствуете, что здесь, в этом случае, нельзя заменить его другим. Вы, надо думать, медичка. Ну, так слово то же, что мышца: каждая на своем месте и с

известной протяженностью и действием.

М. Л. (Москва). «Борьба за миллионы» — невероятная кинематографическая цепь, где каждое звено — убийство и грабеж. Идеологически тема совсем неудачная.

Г. В. (Полтава). — Печататься Вам еще рано, а работаете Вы над собой правильно.

В. Н. Д. (Орел). «Антигаз* не годится для печати. В нем содержатся мысли, идеологически неприемлемые. Доктор вырабатывает только антигазы, вредоносные же газы, по принципиальным соображениям, добывать не хочет. Потом из чувства личной мести за любимую женщину, отравленную неприятельским газом, организовывает производство вредных газов. И СССР, согласно с такой постановкой вопроса? И СССР ждет, пока доктор заблагорассудит изменить свои убеждения? — С внешней стороны написано грамотно, но слог нужно оттачивать. Ищите выражений характерных, соответственных мыслям.

П. М. М (Тамбов). — «В битве с цезарем» навеяно «Машиной времени» Уэлса, но сделано слабо. Слог — литературный.

К. К. (Тифлис). — «Его полет» и «Ковбой Джо» не годятся. Это схемы рассказов, но не доконченные произведения.

А. М. (Конотоп). — «Во власти, инквизитора» свидетельствует, что вы читали кое что, но этого мало, чтобы самому написать историческую повесть. Ни герцог Альба, так сильно и ярко обрисованный историей, ни остальные действующие лица у Вас не живут и не действуют. Слов своих у них нет. Все идет по трафарету, как в старинных повестях. В общем — наивно и очень скучно.

Э. Ш. (Смоленск). — Даже сверхловкие грабежи при помощи гидропланов сейчас неподходящий сюжет для рассказов.

В. Н. и В. П. (Зверево). — Для печати Ваш рассказ не годится, но все-таки Вы маленькие молодцы, что в 12 лет так владеете пером. Вас хорошо учат и Вы сами работаете хорошо.

С 1 января 1926 г. будет выходить регулярно, каждый месяц.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год с дост. и пересс. 5 Руб.
Рассрочка от 2-х рублей

Уплатившим **сполна** подписную плату **до 1 янв. 1926 г.** будет **немедленно** выслан

Фантастический роман Н. МУХАНОВА, с иллюстр. М. Я. МИЗЕРНЮКА

„ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ“.

Годовые подписчики на журнал **„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“**

могут получить за доплату **шести рублей**, (допускается рассрочка по 3 руб.)

ПОЛНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

до 2400 столбц. текста **МАЛЫЙ БРОКГАУЗ** свыше 2000 рис., чертеж. диаграмм.

Главная Контора Изд-ва „П. П. СОЙКИН“, ЛЕНИНГРАД,—СТРЕМЯННАЯ, 8.

ЦЕНА 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИК ПОЛУЧАЕТ НЕМЕДЛЕННО ВСЕ ВЫШЕДШИЕ №№ ЖУРНАЛА И ПРИЛОЖЕНИЙ, НАЧИНАЯ С № 1-го.

ВЕСТНИК ЗНАНИЯ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор академик-профессор *Вл. М. Бехтерев*

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ" знакомит читателей с новейшими достижениями научной и художественной мысли в общедоступном живом изложении, иллюстрируя богатый и разнообразный материал рисунками, портретами, чертежами и репродукциями с картин и фотографий.

ДЕВИЗ ЖУРНАЛА: самодеятельность, самообразование, организованный труд.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА: *Бехтерев, Вл. М.*, акад.; *Бодянский-Кагаров, И. Н.*, проф.; *Бонч-Бруевич, Вл. А.*, *Бобынин, А. Н.*, проф.; *Волгинский, К. Д.*, проф.; *Богомолец, Вл. Ф.*, *Бонч, П. Н.*; *Заикин, Н. М.*, проф.; *Вернер, В. А.*, проф.; *Вернадский, В. И.*, проф.; *Васильевский, П. Е.*, проф.; *Генкель, А. Г.*, проф.; *Генкель, Г. Г.*, проф.; *Гернет, А. В.*, проф.; *Гедеонов, С. Н.*, проф.; *Гинзбург, Б. Ц.*, проф.; *Гернет, С. Д.*, проф.; *Гревс, В.*, проф.; *Городецкий, С. С.*, проф.; *Гуров, Е. А.*, учитель; *Гучков, Г. Н.*, *Дебу, К. Н.*, проф.; *Державин, Н. С.*, проф.; *Зограбов, В. Д.*, проф.; *Кожин, Н. С.*, проф.; *Кожевников, И. Г.*, *Кудрявцев, А. Ф.*, проф.; *Катаев, Н. А.*, акад.; *Кулагин, С. Г.*, проф.; *Лихачев, Д. И.*, проф.; *Лебедев, А. Ф.*, проф.; *Лебедев, Ив. А.*, проф.; *Лункевич, А. Е.*, *Нарциссов*, проф.; *Тумаков, А. Н.*, проф.; *Маслов, С. А.*, проф.; *Мерк, Н. Э.*, акад.; *Мейлахс, Б. С.*, проф.; *Мазон, А. Ж.*, проф.; *Новгородцев, П. И.*, проф.; *Немилов, А. В.*, проф.; *Никольский, А. М.*, проф.; *Петражицкий, Л. И.*, акад.; *Сабашников, М. В.*, акад.; *Орбинский, А. Г.*, проф.; *Пазухин, Р. А.*, проф.; *Перельман, Я. И.*, *Рыбников, С. Н.*, акад.; *Рождественский, Д. В.*, проф.; *Пронтков, А. Е.*, проф.; *Семенов, В. Ю.*; *Семенов, П. А.*, *Зелинский, Ф. Ф.*, акад.; *Сперанский, Н. Н.*, проф.; *Спасский, Г. О.*, проф.; *Сергеевич, К. К.*, проф.; *Сакулин, П. Н.*, *Сапожников, А. А.*, акад.; *Сапожников, Н. В.*, проф.; *Сарантов, Г. Ц.*, *Сыч, Н. В.*, проф.; *Тан-Богораз, В. Г.*, проф.; *Тарле, Е. В.*, проф.; *Федоров, Э. А.*, проф.; *Фортов, А. Х.*, акад.; *Фаминцын, А. С.*, акад.; *Чаплыгин, С. А.*, *Шимкевич, В. М.*, проф.; *Шмидт, О. Ю.*, проф.; *Шенгели, Г. А.*, акад.; *Шенгели, Г. Н.*, акад.; *Щербатской, Ф. И.*, акад.; *Энгельгардт, В. А.*, акад.; *Ярошевский, Т. А.*, проф.

В течение 1925 г. подписчики „Вестника Знания" получат:

24 номера журнала, около 6 статей во всех отделах знания в области современных достижений во всех областях научного, художественного и технического творчества.

12 книг научно-научных сочинений, в совокупности, которые заключают читателей в круг (высших современных знаний и техники).

КНИГА 1. ПОЗНАНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ СССР. *Академик А. Е. Ферсман.*

КНИГА 2. РАБОТА ГОЛОВНОГО МОЗГА. *Акад. проф. Вл. М. Бехтерев.*

КНИГА 3. ПОРАБОЩЕННЫЕ СИЛЫ ПРИРОДЫ. *Инж. П. А. Ромкевич.*

КНИГА 4. НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ. *Проф. В. Н. Первомайский.*

КНИГА 5. В МИРЕ НЕЗРИМЫХ РАБОТНИКОВ ПРИРОДЫ. *Проф. А. Г. Генкель.*

КНИГА 6. УСПЕХИ СОВРЕМЕННОЙ ХИМИИ. *Проф. К. И. Дебу.*

КНИГА 7. НАУКА О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. *Проф. Б. И. Ожаковский и проф. С. Л. Брицевский.*

КНИГА 8. ЦВЕТЫ И ДУМЫ ВОСТОКА. Очерки литературы Персии, Индии и Китая. *проф. Г. Г. Генкель.*

КНИГА 9. МИКРОСКОП, КАК ЕГО САМОМУ СДЕЛАТЬ. *Препаратор А. А. Сердобинцев.*

КНИГА 10. ПРОСТЕЙШИЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ В ПОЛЕ. *Заведующий проф. К. Д. Глинка.*

КНИГА 11. КАК САМОМУ ПОСТРОИТЬ ПРИЕМНУЮ РАДИО-СТАНЦИЮ. *Радио-инженер В. А. Гуков.*

КНИГА 12. ИЗУЧЕНИЕ БЫТА НАРОДОВ. *А. Д. Александрова.*

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал „Вестник Знания" с приложением 12 книг в год: **3** рублей. Для иностранцев [illegible]

Под ответственную подписку рассрочка на 4 мес. по 1 руб.

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ" имеется в продаже во всех киосках на железных дорогах и у газетчиков. Цена номера 50 коп.

Подписка принимается в Главной Конторе Издательства „Л. П. Сойкин". Ленинград, Стремянная, д. № 8.

Лит. А. Бонч-Бруевич. 20 л. в 1/2. Литературный № 1930. Инд. 1925 г. 2000 экз.

notes

Примечания

1

Roisel, Essai de Chronologie des temps prehistoriques, Alcan, 1910. — У Девина (стр. 236-7) это сочинение охарактеризовано следующими словами, передающими вкратце и все его содержание:

Земной шар подвержен планетарным сменам. Последние ледниковые периоды, постоянно убывая в своей длительности, постигли нашу планету за 51.250, 30.250 и 9.250 лет до нашей эры. Те несколько тысячелетий, которые группируются вокруг 1250-го года до Р. Хр. (в этот период перигелий совпадает с зимним солнцестоянием) имели и будут иметь сравнительно мягкие зимы. Т. наз. робенгаузенская раса или человечество периода дольменов и есть раса первобытных атлантов. Последние в каменный век прервали все сношения со Среднею Европою, вновь появились в ней, когда климат там стал мягче. Они принесли с собою бронзовую промышленность, ими созданную и усовершенствованную в течение тех тысячелетий, которые продолжались великие холода.

После погружения Атлантиды в море над миром властвовал Восток. Однако народы, населяющие местности около 50° широты, подвергнутся всем бедствиям следующего ледникового периода. Еще раз переместятся центры цивилизации. Германия, Франция будут похоронены под снегами, в других широтах и в ином климате будут процветать могущественные страны.

2

Eureka — по-гречески: я нашел.

3

Человек — реклама.